№44

а 26/21 г
стр. 143 не. вед (18 лис)
Д13 $\frac{6}{36}$
57

ДЛЯ РАЗБОРОВЪ И ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

ХРЕСТОМАТІЯ

ДЛЯ

УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

КУРСЪ ВТОРОЙ.

СОСТАВЛЕНА

П. БАСИСТОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ УЧЕБНОМУ ПЛАНУ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ, УТВЕРЖДЕННОМУ Г. МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, Старая Басманная, домъ Мараева.
1885.

№ 409.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ І-МУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемая мною книга: „Для разборовъ и письменныхъ упражненій“ есть опытъ *методической* русской хрестоматіи для *втораго курса* преподаванія отечественнаго языка, т. е., приблизительно, для того курса, какой полагается въ среднихъ классахъ гимназій (III-мъ, IV и V-мъ).

Первый отдѣлъ ея состоитъ изъ статей, приспособленныхъ преимущественно къ упражненіямъ въ *письменномъ изложеніи прочитаннаго.*

Второй содержитъ статьи, могущія служить руководствомъ учащемуся при *описаніи* различныхъ предметовъ.

Третій имѣетъ цѣлью—познакомить учениковъ съ *главнѣйшими формами и видами разсужденія.*

Статьи, составляющія каждый отдѣлъ въ частности, расположены также методически, сообразуясь съ постепенностью упражненій, возможныхъ для начинающаго въ каждомъ изъ трехъ родовъ, а именно:

По первому отдѣлу:

а) Сначала помѣщены *краткіе* разсказы. Учитель прочитываетъ ихъ вслухъ—ученики *излагаютъ* письменно.

б) Изъ слѣдующихъ за ними *болѣе сложныхъ* разсказовъ ученики пріучаются, подъ руководствомъ учителя, дѣлать *извлеченія* или *собиратъ* въ одно цѣлое все то, что въ статьѣ говорится въ разныхъ мѣстахъ объ одномъ и томъ же лицѣ или предметѣ.

в) Далѣе слѣдуютъ статьи, изображающія *разныхъ людей въ одинаковыхъ положеніяхъ* (напр. „Куликовская битва“ и „Іоаннъ III. на р. Угрѣ“): по этимъ статьямъ ученики могутъ составлять *сравненія* дѣйствій разныхъ лицъ въ одинаковомъ положеніи.

Наконецъ г) подобрано нѣсколько статей, изображающихъ одни и тѣ же, или подобныя, *событія въ природѣ* („Наводненіе“, „Буря“ и проч.); по образцу этихъ статей ученики могутъ описать какое-либо естественное явленіе, котораго они сами были свидѣтелями (пожаръ, грозу и т. п.). Эти упражненія составятъ уже переходъ къ самостоятельнымъ описаніямъ, которыми ученики будутъ заниматься при изученіи слѣдующаго отдѣла.

Такимъ образомъ въ первыхъ упражненіяхъ ученику дается все: и содержаніе, и порядокъ мыслей, и выраженіе, а въ послѣдующихъ ему приходится уже, при данныхъ мысляхъ и вы-

раженіяхъ, придумывать свой порядокъ или, при данномъ содержаніи и порядкѣ, пріискивать выраженія.

Примѣчаніе. При описаніи естественныхъ явленій учащемуся остается только пріискать выраженія: содержаніе дается темой, порядокъ—самымъ ходомъ явленія.

Во второмъ отдѣлѣ:

1) Прежде всего помѣщенъ рядъ описаній *неодушевленныхъ* предметовъ, съ соблюденіемъ перехода отъ простѣйшихъ предметовъ (домикъ, комната и т. п.) къ болѣе и болѣе сложнымъ (ярмарка, театръ и проч.).

2) Затѣмъ идутъ описанія предметовъ *одушевленныхъ*, отдѣльно взятыхъ: а) животныхъ, б) людей, преимущественно съ ихъ *внѣшней стороны*.

3) Затѣмъ слѣдуютъ описанія людей, когда они собираются большими или меньшими *группами* („Демьянова уха", „Игры", „Гулянье", „Полтавская битва").

4) Оканчивается этотъ отдѣлъ *характеристиками*, какъ наитруднѣйшимъ родомъ описаній, и статьями, показывающими, какъ въ человѣкѣ формируется характеръ („Сонъ Обломова," „Воспитаніе Штольца")."

Третій отдѣлъ. Главная цѣль, которую я имѣлъ въ виду при составленіи этого отдѣла, заключалась въ томъ, чтобы онъ могъ служить руководствомъ для постепенныхъ *умственныхъ упражненій*. Задача этихъ упражненій не въ томъ, чтобы только научить молодаго человѣка писать разныя хріи, а въ томъ, чтобы научить его разсуждать правильно. Само собою разумѣется, что и упражненія двухъ предшествующихъ отдѣловъ требуютъ разсужденія и слѣд. служатъ развитію судительной способности: отличіе упражненій третьяго отдѣла состоитъ въ томъ, что они не только пріучаютъ ученика разсуждать, но знакомятъ его съ тѣми путями и формами, которыя свойственны правильному разсужденію.

Примѣчаніе. Задавая ученику какую-либо тему для письменнаго упражненія, необходимо указывать ему и образецъ, по которому бы онъ могъ видѣть, *какъ* ему приняться за свою задачу и какъ ее исполнить.—Указывая образецъ, учитель объяснитъ конечно и то, *въ чемъ и какъ* учащійся долженъ слѣдовать этому образцу. Для этого дѣлается предварительно, такъ называемое, *объяснительное чтеніе* статьи.

Все сказанное изложено съ большею подробностію въ „Замѣткахъ о практическомъ преподаваніи русскаго языка", которыя могутъ служить и руководящимъ комментаріемъ къ составленной мною хрестоматіи.

На сколько эта хрестоматія удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, покажетъ опытъ. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что она не будетъ лишнею въ нашей учебной литературѣ, какъ

первая попытка методической хрестоматіи, приспособленной къ практическимъ упражненіямъ по русскому языку. Я съ своей стороны употребилъ все, что отъ меня зависѣло, чтобы сдѣлать эту книгу полезною для учащихся. Всѣ переводныя статьи (за исключеніемъ принадлежащихъ классическимъ нашимъ писателямъ) просмотрѣны тщательно и провѣрены съ оригиналами; большая часть даже переведены вновь (Притчи Круммахера, Басни Лессинга и друг.); при выборѣ статей, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, обращено надлежащее вниманіе, чтобы каждая статья, принятая въ хрестоматію, была написана чистымъ литературнымъ языкомъ и представляла по возможности оконченное цѣлое, изъ котораго бы учащійся, вмѣстѣ съ знаніемъ языка и литературныхъ формъ, выносилъ здравую мысль, доброе чувство.

12 Іюля 1868 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 8-МУ ИЗДАНІЮ.

Въ настоящемъ изданіи этой хрестоматіи сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ III отдѣлѣ, вызванныя дидактическими соображеніями: статьи, оказавшіяся лишними, исключены; остальныя расположены въ новомъ порядкѣ; сдѣланы немногія прибавленія.

Исключены три статьи: „Умѣй считать", Тлѣнность" Жуковскаго и „О народныхъ сказкахъ" Аѳанасьева, такъ какъ опытъ показалъ, что эти статьи даютъ или недостаточный, или слишкомъ трудный матеріалъ для урока. На мѣсто ихъ внесена седьмая сцена изъ „Бориса Годунова": „Достигъ я высшей власти" и проч. Представляя превосходное поэтическое воплощеніе той же мысли, какая выражена Карамзинымъ въ прозаическомъ разсужденіи о томъ, былъ ли счастливъ Годуновъ, эта сцена, сопоставленная съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ изъ Карамзина, можетъ дать матеріалъ для многихъ полезныхъ уроковъ.

На мѣстѣ опредѣленій *полуострова* и *круга* поставлены опредѣленія *періода* и *басни*.

Что касается до расположенія статей въ III отдѣлѣ настоящаго изданія, оно представляетъ, кажется мнѣ, болѣе удобства, нежели прежде. Первую половину этого отдѣла составляетъ теперь цѣлый рядъ образцовыхъ разсужденій, изъ которыхъ преподаватель можетъ легко выбирать наиболѣе подходящія къ степени развитія его учениковъ. Объяснительное чтеніе выбранныхъ образцовъ покажетъ ученикамъ *строеніе разсужденій*.

Далѣе. Разсужденіе, въ сущности, есть связное и стройное изложеніе доказательствъ какой-либо мысли. Первоначальными письменными работами въ этомъ родѣ, совершенно доступными

ученикамъ, могутъ быть только *изложенія прочитаннаго*: сначала *полное, по частямъ*; потомъ *краткое* изложеніе *цѣлаго* разсужденія. Но хотя отъ начинающаго и нельзя требовать собственныхъ разсужденій въ истинномъ смыслѣ этого слова, однакожъ можно (*и должно*) укрѣпить въ немъ сознаніе требованій, соединенныхъ съ главнѣйшими видами доказательства, и дать ему нѣкоторое практическое умѣнье пользоваться ими. А для этой цѣли необходимы извѣстныя упражненія, которыя должны идти одновременно съ разборомъ и изложеніемъ образцовыхъ разсужденій. Таковы слѣдующія упражненія:

1. Объясненіе смысла пословицъ или изреченій, выраженныхъ образнымъ языкомъ.

2. Представленіе общихъ мыслей въ видѣ разсказовъ. (Всего удобнѣе—примѣненіе басенъ къ человѣческой жизни).

3. Сравненіе предметовъ сходныхъ и противоположныхъ. (Можно также предложить ученикамъ, чтобы они сами пріискали подобное данному и указали, въ чемъ и чѣмъ сходны уподобленные ими предметы).

4. Выборъ изъ прочитаннаго однородныхъ фактовъ, напр. относящихся къ опредѣленію какого-либо лица.

5. Описаніе предмета вообще съ указаніемъ его видовъ. (Темами должны быть предметы извѣстные ученику: удочка, часы, какой-нибудь музыкальный инструментъ и т. п.).

6. Распознаваніе признаковъ существенныхъ и случайныхъ, и за тѣмъ разборы данныхъ опредѣленій и раздѣленій относительно ихъ правильности, и составленіе собственныхъ опредѣленій и раздѣленій (разумѣется, изъ предметовъ доступныхъ пониманію учащихся).

7. Составленіе умозаключеній.

8. Составленіе хрій (въ видѣ повторенія всѣхъ усвоенныхъ видовъ доказательства).

Статьи, приспособленныя къ исчисленнымъ упражненіямъ, составляютъ вторую половину теперешняго III-го отдѣла хрестоматіи и расположены въ той же постепенности, въ какой слѣдуютъ одно за другимъ самыя упражненія.

Эти упражненія должны быть *преимущественно устныя*.

Для ознакомленія съ *періодической* формой рѣчи приведено въ хрестоматіи нѣсколько образцовыхъ періодовъ. Послѣ разбора этихъ періодовъ, можно потребовать, чтобы ученики сами подобрали другіе примѣры; они легко найдутъ ихъ въ самой хрестоматіи, въ статьяхъ Карамзина, всегда богатыхъ прекрасными періодами.

24 ноября 1877 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЭТОЙ КНИГѢ.

Римскими цифрами означается **Отдѣлъ**, къ которому принадлежитъ статья, *арабскими* № статьи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1. Ручей.

Поселянинъ сидѣлъ на берегу ручья, протекавшаго невдалекѣ отъ его луга, и съ грустію смотрѣлъ на свое стадо; онъ видѣлъ, какъ плохо ростетъ у него трава, и боялся, что ея не хватитъ на прокормленіе скота и до половины лѣта. Въ это время подошелъ къ нему сосѣдъ и спросилъ о причинѣ его тайной грусти. Въ отвѣтъ на это онъ сталъ говорить о своихъ опасеніяхъ и о томъ, какъ мало дохода приноситъ ему лугъ. — „Послушай меня, любезный другъ," возразилъ сосѣдъ: „сдѣлай съ твоимъ лугомъ то, что я сдѣлалъ съ своимъ: этотъ же самый ручей протекаетъ мимо моего луга, и трава на немъ была также не хороша; я провелъ въ него ручей — и посмотри, какая высокая и сочная трава стала рости на томъ мѣстѣ."

Поселянинъ обрадовался умному совѣту, нанялъ помощниковъ и тотчасъ же принялся прокапывать ручей. Но увы! ручей совершенно затопилъ лугъ и занесъ его пескомъ и камнями. Несчастный поселянинъ въ отчаяніи побѣжалъ къ сосѣду и сталъ бранить его за данный ему совѣтъ.

„За что ты сердишься на меня?" отвѣчалъ ему тотъ: „повѣрь, совѣтъ я тебѣ далъ отъ добраго сердца. Ты самъ виноватъ, пеняй на свое нетерпѣніе. Тебѣ слѣдовало перерѣзать лугъ маленькими каналами, а не пускать на него всю массу воды. Иначе хлынувшая вода унесетъ и тотъ небольшой слой плодородной почвы, который покрывалъ лугъ, а на его мѣсто оставитъ только песокъ да камни."

2. Крокодилъ.

Въ глубокой древности, толпа людей покинула свои старыя жилища и пустилась въ страну, орошаемую Ниломъ. Имъ понравилась прекрасная рѣка съ ея притоками, и они настроили жилищъ по берегамъ ея. Но въ скоромъ времени изъ прекрасныхъ водъ Нила поднялось страшное чудовище, называемое крокодиломъ; ни люди, ни животныя не могли спастись отъ зубовъ его. Съ громкими воплями обратились жители къ богу Озирису, моля его освободить ихъ отъ чудовища. Тогда Озирисъ отвѣчалъ имъ устами мудраго жреца: „развѣ вамъ мало той силы и разума, которыми одарило васъ божество? Знайте же: кто призываетъ помощь свыше, не прибѣгая къ собственной силѣ, тотъ молитъ напрасно."

Тогда они вооружились мечами и кольями и напали на чудовище въ его тростниковомъ жилищѣ; настроили плотинъ и въ нѣсколько дней исполнили такія работы, за которыя не осмѣлились бы и взяться прежде. Такимъ образомъ люди сознали въ себѣ ту внутреннюю силу, которая создала впослѣдствіи величественныя пирамиды и обелиски; изобрѣли много искусствъ и орудій, неизвѣстныхъ имъ прежде.

Такъ борьба съ враждебной силой пробуждаетъ и укрѣпляетъ дремлющія силы человѣка.

Но у жителей нильской долины не было еще орудія, которымъ они могли бы окончательно уничтожить чудовище, защищенное крѣпкимъ панцыремъ. Они могли только напугать его на короткое время, чѣмъ и удовольствовались. Мало-по-малу пропадало прежнее рвеніе ихъ въ борьбѣ съ непріятелемъ. А чудовище между тѣмъ все ростилось и множилось; и все сильнѣе и сильнѣе становилась его ярость. Тогда безумный и разслабленный народъ сталъ воздавать крокодилу божескія почести. Ему приносили добровольно тучныя жертвы, и чудовище усиливалось, а народъ погрязалъ въ тупоуміи и трусости.

Но лопнула наконецъ слишкомъ туго натянутая тетива, и заслуженная кара постигла тирана. Озирисъ сжалился надъ несчастными, и устами мудрыхъ жрецовъ сталъ ободрять ихъ на новую борьбу. Вскорѣ по всему берегу раздался воинственный крикъ, и рѣка побагровѣла отъ крови убиваемыхъ. Но, наконецъ, силы стали измѣнять бойцамъ. Тогда взмолился жрецъ, а за нимъ и народъ, къ Озирису о ниспосланіи имъ помощи, и божество услышало ихъ мольбу. На берегу Нила явилось маленькое

животное, называемое ихневмономъ, или фараоновою мышью. „Смотрите", сказалъ жрецъ: „вотъ Озирисъ посылаетъ намъ помощь."—Ты смѣешься надъ нами? кричала въ отвѣтъ ему толпа.

Тогда сказалъ имъ жрецъ: „ждите окончанія и довѣрьтесь высшей силѣ. Въ ея рукахъ самое ничтожное средство можетъ прекратить самое большое несчастіе".

Число чудовищъ между тѣмъ значительно убывало, и народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ маленькое животное усердно выслѣживало яйца и дѣтенышей крокодиловъ. Такимъ образомъ ихневмонъ въ короткое время истребилъ зародыши сотенъ тирановъ и освободилъ страну отъ язвы, отъ которой не могли избавить ее всѣ усилія человѣка.

„Видите," сказалъ имъ при этомъ мудрый жрецъ: „если вы хотите уничтожить зло, уничтожайте его въ зародышѣ и въ самомъ корнѣ. Тогда малое средство легко производитъ то, чего въ послѣдствіи не сдѣлаетъ цѣлое войско."

3. Персики.

Одинъ поселянинъ привезъ изъ города пятокъ отличныхъ персиковъ. Дѣти его, отъ рода не видавшія этого плода, съ удивленіемъ любовались на румяный цвѣтъ и нѣжный пушокъ, которымъ покрыты были эти красивыя яблоки. Потомъ отецъ раздѣлилъ ихъ между четырьмя своими сыновьями, а пятый персикъ далъ матери.

Вечеромъ, когда дѣти собрались спать, отецъ спросилъ ихъ: „ну, какъ понравились вамъ красивыя яблоки?"

„Очень понравились!" вскричалъ старшій изъ нихъ. „Они имѣютъ такую пріятную кислоту и такой нѣжный вкусъ. Я спряталъ косточку и хочу посадить ее въ землю: у меня выростетъ изъ нея цѣлое дерево."

„Прекрасно!" сказалъ отецъ. „Ты поступилъ очень разсчетливо. Хорошій хозяинъ долженъ думать не только о настоящемъ, но и о будущемъ."

„А я свой персикъ сейчасъ же съѣлъ и косточку бросилъ," вскричалъ самый младшій: „а мама мнѣ дала еще отъ своего половину. Что за вкусный плодъ! такъ и таетъ во рту."

„Ну," замѣтилъ отецъ: „нельзя сказать, чтобы ты поступилъ очень благоразумно, но за то естественно и совершенно по-дѣтски. Благоразуміе придетъ въ свое время."

„А я подобралъ косточку, которую бросилъ мой маленькій братъ,“ началъ второй сынъ: „разбилъ ее и нашелъ въ ней превкусное зернышко: оно было сладко, какъ орѣхи. А свой персикъ я продалъ, и получилъ за него столько денегъ, что могу купить на нихъ цѣлую дюжину, когда буду въ городѣ.“

Отецъ покачалъ головою и сказалъ: „это благоразумно, но — неестественно для ребенка. Боже сохрани, если ты сдѣлаешься скрягой!“

„Ну, а ты, Петруша?“ спросилъ отецъ, обращаясь къ третьему сыну. — Петруша отвѣчалъ съ сердечной простотой: „я отнесъ свой персикъ больному сыну нашего сосѣда, Егорушкѣ. Онъ не хотѣлъ-было его брать: но я положилъ персикъ къ нему на постель, и ушелъ.“

Тогда отецъ спросилъ: „ну, дѣти, который же изъ васъ сдѣлалъ самое лучшее употребленіе изъ своего персика?“

„Петруша! Петруша!“ закричали въ одинъ голосъ всѣ трое.— Но Петруша молчалъ, а мать улыбнулась сквозь слезы и нѣжно обняла его.

4. Грядка гвоздики.

„Маменька, дай намъ по грядкѣ гвоздики — одну мнѣ, одну Петрушѣ и одну Соничкѣ, — мы будемъ ходить каждый за своей грядкой.“

Такъ говорилъ маленькій Ѳедя своей матери. Мать исполнила его просьбу и дала каждому изъ дѣтей отдѣльную грядку. Гвоздика еще не начинала цвѣсти, но грядки были покрыты уже множествомъ почекъ. Дѣти были въ восторгѣ и говорили: „то-то будетъ веселье, когда эти почки зацвѣтутъ!“

Но нетерпѣливый Ѳедя никакъ не могъ дождаться времени; ему все хотѣлось, чтобы его грядка разцвѣла прежде всѣхъ другихъ.

Онъ подошелъ къ своей гвоздикѣ и началъ развертывать почки руками. Его очень радовали красненькіе и желтенькіе лепестки, уже выглядывавшіе изъ-подъ зеленаго покрова.

Но скоро ему и это надоѣло. Онъ оборвалъ листву съ почекъ и расправилъ скрывавшіеся подъ ними завитки цвѣта. „Глядите! глядите!“ кричалъ онъ громкимъ голосомъ: „моя гвоздика разцвѣла!“ Но скоро его цвѣтки стали никнуть своими головками и прежде чѣмъ насталъ полдень, они совершенно завяли.

Мальчикъ заплакалъ о своей гвоздикѣ, но мать сказала ему: „нетерпѣливый ребенокъ! Дай Богъ, чтобы ты сегодня въ пер-

вый и въ послѣдній разъ портилъ радости жизни собственной своей виною. Тогда я могу съ утѣшеніемъ сказать, что ты еще не очень дорого купилъ трудное и великое искусство—ждать“.

5. Яблоко.

При дворѣ Ирода жилъ царедворецъ, который одѣвался въ пурпуръ и драгоцѣнныя ткани и велъ роскошный образъ жизни. Издалека пріѣхалъ повидаться съ нимъ другъ его юности, съ которымъ онъ разстался много лѣтъ тому назадъ. Обрадованный этимъ пріѣздомъ, царедворецъ приготовилъ большой пиръ и пригласилъ всѣхъ своихъ друзей. Столъ былъ уставленъ превосходными кушаньями на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ и драгоцѣнными сосудами съ самыми разнообразными напитками. Хозяинъ занималъ верхній конецъ стола, по правую руку сидѣлъ его пріѣзжій другъ. Всѣ ѣли, пили и веселились.

Пріѣзжій другъ говорилъ царедворцу, что такого блеска и великолѣпія, какъ въ его домѣ, онъ никогда не видалъ у себя на родинѣ. Онъ восхищался окружающею ихъ роскошью и утверждалъ, что другъ его самый счастливый изъ смертныхъ.

Въ отвѣтъ на это хозяинъ взялъ съ золотаго блюда большое, красное яблоко и подалъ его другу своей юности съ такими словами: „вотъ это яблоко покоилось на золотомъ блюдѣ и очень красиво на видъ.“ Пріятель взялъ яблоко, разрѣзалъ его, и что же? — внутри его былъ червякъ.

Тогда онъ взглянулъ на друга, но царедворецъ опустилъ глаза въ землю и вздохнулъ.

6. Щегленокъ.

Въ зимнюю стужу щегленокъ началъ биться въ окно одного добраго поселянина, какъ бы желая влетѣть въ хижину. Поселянинъ открылъ окно и дружелюбно принялъ довѣрчивую птичку въ свое жилище. Щегленокъ клевалъ крошки хлѣба, падавшія со стола. Дѣти поселянина очень любили и ласкали его.

Когда воротилась весна и кусты покрылись зелеными листьями, поселянинъ отворилъ окно, и маленькій его гость улетѣлъ въ сосѣднюю рощу, свилъ себѣ гнѣздо и запѣлъ веселую пѣсенку.

И что же? Когда наступила зима, щегленокъ опять прилетѣлъ въ хижину поселянина и привелъ съ собою свою маленькую подругу. И поселянинъ, и дѣти его обрадовались, видя, какъ довѣрчиво смотрѣли на нихъ обѣ птички своими свѣтлыми глазками.

И дѣти сказали: „птички смотрятъ на насъ такъ, какъ будто хотятъ сказать намъ что-то.“

„Да,“ отвѣчалъ отецъ: „если бы онѣ могли говорить, то сказали бы намъ: „Довѣріе возбуждаетъ довѣріе, и любовь вызываетъ любовь.“

7. Стрижка овецъ.

Одна госпожа повела свою маленькую дочку смотрѣть, какъ стригутъ овецъ. Дѣвочкѣ стало ихъ очень жалко, и она сказала: „ахъ, зачѣмъ эти жестокіе люди такъ мучатъ бѣдныхъ овечекъ?“

„Въ этомъ нѣтъ ничего жестокаго,“ возразила мать. „Люди стригутъ овечекъ для того, чтобы имъ было во что одѣваться. Такъ Богъ велѣлъ: всѣ люди родятся на свѣтъ нагими“.

„А за что же овечки должны зябнуть?“ сказала Оля.

„И овечки не будутъ зябнуть,“ отвѣчала мать: „Богъ даетъ людямъ одежду и посылаетъ остриженной овечкѣ теплое лѣто.“

8. Безплодное дерево.

У одного поселянина былъ братъ, отличный садовникъ, который жилъ въ городѣ и держалъ богатый фруктовый садъ. Молва объ его искусствѣ и о превосходныхъ деревьяхъ его сада распространилась далеко. Пошелъ и нашъ поселянинъ къ нему въ городъ, и не могъ налюбоваться вдоволь на прекрасныя, стройныя деревья. Садовникъ сказалъ ему: „любезный братъ, дарю тебѣ лучшее изъ моихъ деревьевъ; оно будетъ усладой и тебѣ, и твоимъ дѣтямъ, и дѣтямъ дѣтей твоихъ.“ Затѣмъ онъ позвалъ своихъ работниковъ и показалъ имъ дерево, которое они должны были высадить. Поселянинъ былъ очень доволенъ этимъ подаркомъ и велѣлъ отвезти его на свое поле.

На другой день онъ былъ въ большомъ затрудненіи, куда посадить ему дерево. Онъ разсуждалъ такъ: если я посажу его вонъ тамъ на холмѣ, вѣтеръ будетъ срывать дорогіе плоды и не дастъ имъ дозрѣть; посадить здѣсь, недалеко отъ воротъ, также не годится, потому что прохожіе будутъ обрывать мои плоды; посадить у самыхъ дверей дома—тоже неудобно: не убережешься отъ своихъ собственныхъ дѣтей и отъ домашней прислуги.

Думалъ, думалъ онъ, наконецъ придумалъ посадить деревцо позади амбара, какъ разъ на сѣверной сторонѣ. „Такъ будетъ хорошо: никому не придетъ въ голову, что оно здѣсь,“ говорилъ онъ самъ себѣ, и радовался своей изобрѣтательности.

Но что же! проходитъ годъ, другой, а дерево все не приноситъ плода. — Наконецъ онъ позвалъ къ себѣ брата, садовника, и сталъ пенять ему, говоря: „ты обманулъ меня — вмѣсто плодовитаго дерева, далъ мнѣ какой-то изсохшій сукъ. Взгляни, вотъ ужъ третій годъ, а на немъ нѣтъ ничего, кромѣ листьевъ."

Садовникъ засмѣялся, увидавъ дерево. „Меня это нисколько не удивляетъ," отвѣчалъ онъ. „Ты выбралъ для дерева такое мѣсто, гдѣ нѣтъ ему ни свѣта, ни тепла, а только дуетъ на него холодный вѣтеръ. Какъ же ты хочешь, чтобы оно цвѣло и приносило плоды? Природа его была благородна и осталась такою же. Но ты сажалъ его съ злыми и подозрительными мыслями: могло-ли же изъ этого выйти что нибудь хорошее?"

9. Раковины.

Отецъ принесъ своему маленькому сыну нѣсколько хорошенькихъ раковинъ, набранныхъ имъ на берегу моря. Трудно описать восторгъ ребенка. Онъ положилъ ихъ въ красивый ящикъ и созвалъ своихъ товарищей, чтобы показать имъ свое сокровище. Скоро по всей деревнѣ у дѣтей только и разговору было что о прекрасныхъ раковинахъ и о драгоцѣнномъ ящикѣ. А самъ обладатель этихъ сокровищъ пересчитывалъ ихъ каждый день и каждый день открывалъ въ нихъ новыя красоты. Каждой раковинѣ онъ далъ особое прозваніе.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ отцу вздумалось доставить ребенку еще большее удовольствіе. Онъ сказалъ мальчику: „пойдемъ на берегъ моря: тамъ ты увидишь много, много раковинъ и наберешь ихъ, сколько душѣ будетъ угодно."

Когда они пришли къ морю, приливъ только что кончился, и на пескѣ было разбросано безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ раковинъ. Ребенокъ принялся собирать ихъ. Возьметъ одну — его манитъ другая; овладѣетъ этой — а тамъ еще лучше: словомъ, чѣмъ больше мѣнялъ онъ, тѣмъ труднѣе было для него остановиться на чемъ-нибудь. Съ отчаяніемъ, опустивъ головку, бродилъ онъ взадъ и впередъ, и наконецъ, уставши выбирать, бросилъ все. Съ пустыми руками и въ дурномъ расположеніи духа онъ воротился домой и раздарилъ даже и тѣ раковины, которыя прежде доставляли ему столько удовольствія.

Такой исходъ сильно огорчилъ отца, и онъ сказалъ: „Я сдѣлалъ ошибку, которая отняла у ребенка всю утѣху, а меня лишила удовольствія любоваться его милымъ простодушіемъ."

10. Фіалка.

Раннимъ весеннимъ утромъ шла малютка Маша по полю, съ отцомъ и съ матерью. Вдругъ она спросила: „отчего это всѣ такъ любятъ фіалку? Объ ней сложено столько хорошенькихъ пѣсенекъ, а когда она начинаетъ цвѣсти, всякій старается найти хоть одну фіалку, и такъ радуется своей находкѣ!“

Такъ говорила Маша своей матери.

„Вотъ видишь ли,“ отвѣчала мать: „фіалка—первый даръ весны послѣ зимнихъ морозовъ. Понятно, что всему хорошему мы бываемъ рады, особенно когда долго не видали его.“

„И мы тѣмъ больше благодарны веснѣ за этотъ цвѣтокъ, что она даетъ намъ его такъ скоро и такъ рано,“ прибавилъ отецъ: „кто дѣлаетъ добро скоро, тотъ доказываетъ, что онъ дѣлаетъ его охотно, и тѣмъ увеличиваетъ нашу благодарность. А благодарность дѣлаетъ святою и самую радость.“

„Отчего это фіалку называютъ цвѣткомъ скромности?“ спросила Маша.

„Она заслуживаетъ это названіе,“ отвѣчала мать: „потому что ростетъ въ укромныхъ мѣстахъ, и однакожъ цвѣтетъ и благоухаетъ не хуже всякаго другаго цвѣтка.“

„Но отъ этого ее цѣнятъ не меньше,“ сказалъ отецъ: „и ищутъ, и радуются, когда находятъ.“

„Однакожъ это отлично, что природа намъ даетъ такъ рано этотъ скромный и хорошенькій цвѣтокъ!“ воскликнула Маша.

„Она хочетъ показать этимъ,“ замѣтила мать, улыбаясь, „что и въ дѣтяхъ хорошія качества должны зацвѣтать рано, чтобы принести отрадные плоды.“

„А то, что весна предлагаетъ намъ свой первый прекрасный даръ съ такою скромностью,“ прибавилъ отецъ, „заставляетъ насъ ожидать, что она подаритъ намъ еще много великаго и прекраснаго: ибо только тамъ можетъ преуспѣвать добро и красота, гдѣ живетъ скромность и смиреніе.“

Въ эту минуту Маша нашла у дороги совершенно разцвѣтшую фіалку, притаившуюся въ терновникѣ. Но въ синей чашечкѣ цвѣтка блестѣла полная капля росы и клонила его къ землѣ своею тяжестью.

Дѣвочка остановилась и, посмотрѣвъ на цвѣтокъ, сказала: „Эта тяжелая капля совсѣмъ испортитъ фіалку и пригнетъ ее къ землѣ.“

„Нисколько,“ отвѣчала мать. „Прозрачная капля словно бриліантикъ блеститъ въ красивой чашечкѣ! Скоро ее разогрѣетъ солнышко и утянетъ вверхъ, а вмѣстѣ съ этимъ подниметъ и фіалка свою головку, и будетъ цвѣсть и благоухать еще лучше прежняго. Небесная роса живитъ и питаетъ цвѣточки.“

„Замѣть, Машенька,“ сказалъ съ своей стороны отецъ, „что эта фіалка ростетъ въ терновникѣ. Но онъ не вредитъ ей: напротивъ, онъ защищаетъ ее отъ ночнаго холода и отъ бурнаго вѣтра. О нѣжномъ цвѣткѣ печется небесная любовь.“

Дѣвочка задумчиво посмотрѣла на цвѣтокъ и сказала: „И я тоже не сорву этой фіалки прежде, чѣмъ она укрѣпится отъ капли росы и выпрямитъ головку.“

„Какъ легко дѣтская простота чуетъ въ земномъ небесное!“ замѣтила мать, обратившись къ отцу.

„Это отъ того, что она къ нему ближе,“ отвѣчалъ отецъ.

11. Деревцо.

Мальчикъ, видя, что отецъ его сажаетъ дикую яблоню, спросилъ его: „Что ты хочешь дѣлать съ этимъ корявымъ деревомъ?— Оно не стоитъ того, чтобъ занимать мѣсто въ нашемъ саду,“— прибавилъ мальчикъ.

Но отецъ отвѣчалъ: „не суди прежде времени, сынъ мой. Развѣ ты знаешь это деревцо, которое ты называешь корявымъ?“

„Да что тутъ знать!“ сказалъ мальчикъ. „Сразу видно, что оно такое!“

„Наружность его ты видишь,“ отвѣчалъ отецъ: „но ты не видишь того, что въ немъ сокрыто. Вѣдь это неказистое деревцо можетъ сдѣлаться высокимъ, прекраснымъ деревомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно принесетъ цвѣтъ и плодъ, и будетъ радовать нашъ вкусъ и зрѣніе. Теперь оно еще не можетъ дѣлать этого, потому что въ немъ еще покамѣстъ безъ дѣйствія дремлетъ таинственная сила, которая сдѣлаетъ его впослѣдствіи большимъ деревомъ.“

Черезъ нѣсколько времени Вася увидѣлъ, что отецъ опять хлопочетъ около деревца: онъ втыкалъ возлѣ него палку и привязывалъ его къ ней.

„Для чего ты это дѣлаешь?“ спросилъ мальчикъ. „Ты отнимаешь у него свободу.“

„Это для того,“ отвѣчалъ отецъ, „чтобы вѣтеръ не сломалъ его и чтобы оно росло стройнѣе и прямѣе.“

Потомъ отецъ отсѣкъ на яблонѣ нѣкоторые сучья, вскопалъ вокругъ нея землю и обсадилъ ее терномъ, чтобы къ ней не могла подходить скотина.

„Я люблю это деревцо за ту скрытую силу," сказалъ отецъ, „которая въ немъ заключена. И я пекусь объ немъ для того, чтобы эта скрытая сила возросла и созрѣла."

Въ началѣ слѣдующей весны отецъ снова подвелъ мальчика къ дереву. Онъ отрѣзалъ сучокъ отъ другаго плодовитаго дерева, потомъ взялъ ножикъ и разомъ срѣзалъ верхушку яблони. „Ай!" закричалъ мальчикъ, испугавшись: „куда теперь годится наша яблонька?"

Но отецъ улыбнулся, и сталъ прививать къ деревцу принесенный имъ сучокъ. Потомъ онъ тщательно перевязалъ его и сказалъ, обращаясь къ сыну: „Вотъ видишь ли: останься это деревцо въ лѣсу, оно выросло бы кривымъ и суковатымъ и никогда не принесло бы съѣдобныхъ плодовъ. А я далъ его росту и внутренней силѣ надлежащее направленіе. Прежде чѣмъ явилась весна во всей своей красѣ, я привилъ къ дикому деревцу сучокъ отъ облагороженнаго растенія, чтобы онъ влилъ въ нее свою растительную силу и давалъ бы впослѣдствіи хорошій цвѣтъ и плодъ."

Весело было смотрѣть на деревцо, когда оно распустило свои вѣтки и сучья. Оно покрылось почками и цвѣтомъ, а осенью вѣтви его гнулись подъ тяжестью золотистыхъ, румяныхъ яблоковъ.

„Ну, что ты теперь скажешь?" спросилъ отецъ, обращаясь къ своему маленькому сыну.

„О!" отвѣчалъ съ восторгомъ мальчикъ: „изъ него вышло отличное, благодарное деревцо!"

„Посмотри," продолжалъ отецъ, „какъ оно протягиваетъ къ тебѣ отягченныя вѣтви! Ну, Вася! дарю его тебѣ. Пускай съ нынѣшняго дня оно будетъ твоимъ! Теперь оно достигло своего назначенія!"

12. Хлѣбныя зерна.

На одномъ большомъ островѣ жилъ старикъ съ тремя женатыми сыновьями. Пока онъ былъ крѣпокъ и здоровъ, онъ работалъ за всю семью и ни въ чемъ у нихъ не было недостатка. Чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „часъ мой пробилъ, — я долженъ оставить васъ;

пора вамъ самимъ заботиться о себѣ и о своихъ дѣтяхъ. Но я не совѣтую вамъ оставаться жить всѣмъ въ одномъ мѣстѣ: пусть лучше одинъ идетъ на востокъ, другой на западъ, третій на сѣверъ. Вотъ вамъ хлѣбныя зерна: берегите ихъ до поры до времени. А когда меня не станетъ, пусть каждый изъ васъ выберетъ себѣ поле, вспашетъ его, удобритъ и посѣетъ эти зерна: вашъ трудъ будетъ вознагражденъ сторицею. Не забудьте также огородить поле заборомъ, чтобы лѣсные звѣри не потоптали его.“

Вскорѣ сыновья похоронили отца. Потомъ они раздѣлились между собою и разошлись въ разныя стороны, взявъ съ собой и сѣмена, какъ совѣтовалъ имъ отецъ. Пришедши на мѣсто, старшій вынулъ сѣмена, данныя ему отцомъ, и разсуждалъ такъ: „къ чему я стану мучить и себя и землю, съ трудомъ взрѣзывая грудь ея? Пригрѣетъ ее солнышко, взмочитъ дождичекъ — она и такъ принесетъ плодъ.“—Разсуждая такимъ образомъ, онъ разбросалъ зерна по жесткой землѣ. Но сѣмя не взошло и не принесло плода. Тогда онъ сталъ смѣяться надъ подаркомъ отца и скоро забылъ о немъ.

Другой сынъ, направившій свой путь къ западу, пришелъ въ страну, богато одаренную природой. Тогда онъ сказалъ себѣ: здѣсь всего много; къ чему же я буду налагать на себя лишній трудъ? И онъ отложилъ хлѣбныя зерна въ сторону. Когда наконецъ все готовое было съѣдено, онъ принялся за сѣмена, данныя ему отцомъ, и посѣялъ ихъ. Но онъ не дождался всхода, потому что червь подточилъ всѣ зерна, и онъ сѣялъ одну шелуху. Тогда онъ посмѣялся надъ подаркомъ отца и забылъ о немъ.

Не такъ поступилъ младшій. Послѣдовавъ совѣту отца, онъ выбралъ лучшую землю, вспахалъ ее, удобрилъ, окопалъ канавами, огородилъ заборомъ, и тогда только посѣялъ зерна. Сѣмя взошло и принесло самъ-шестьдесятъ и самъ-сотъ. Такъ дѣлалъ онъ и слѣдующіе года: поля его расширялись, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалась и жатва, такъ что и онъ, и его дѣти, и дѣти дѣтей его жили въ довольствѣ и изобиліи.

Прошло нѣсколько лѣтъ; старшіе братья впали въ нищету и, услышавъ о богатствѣ младшаго, отправились къ нему. Увидѣвъ богатыя нивы и слыша веселыя пѣсни жнецовъ, братья сказали другъ другу: „мы сдѣлали большую ошибку, что пренебрегли даромъ нашего отца.“

13. Вѣрность.

Одинъ языческій царь приказалъ привести къ себѣ христіанскаго епископа и требовалъ отъ него, чтобы онъ отрекся отъ своей вѣры и принесъ жертву идоламъ. Но епископъ отвѣчалъ: „Государь! этого я не сдѣлаю.“

„Какъ!“ сказалъ разгнѣванный царь: „развѣ ты не знаешь, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ, и я могу предать тебя смерти?—одно мановеніе—и тебя не станетъ.“

„Это я знаю,“ отвѣчалъ епископъ: „но позволь мнѣ, государь, предложить тебѣ одно сравненіе и одинъ вопросъ. Представь себѣ, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ тебѣ слугъ попался въ руки враговъ твоихъ, и они всячески старались побудить его къ невѣрности противъ тебя и измѣнѣ. Но какъ вѣрный слуга твой оставался неизмѣннымъ и непоколебимымъ въ своей вѣрности то враги взяли его, сняли съ него всю одежду, и нагаго прогнали отъ себя съ посмѣяніемъ. Скажи, государь, когда онъ придетъ къ тебѣ, не дашь ли ты ему лучшія изъ одеждъ своихъ, и не вознаградишь ли его за претерпѣнное имъ посмѣяніе и поруганіе честію и славою?“

„Конечно, такъ“, отвѣчалъ царь: „но къ чему ты мнѣ объ этомъ разсказываешь, и гдѣ это могло случиться?“

Тогда благочестивый епископъ сказалъ: „Государь! ты можешь снять съ меня эту одежду; но Господь мой облечетъ меня въ новую, лучшую... Могу-ли же я такъ дорожить земною одеждою, чтобъ отдать за нее мою вѣрность?“

Тогда царь сказалъ: „иди; я дарю тебѣ жизнь.“

14. Не все для себя: ино мѣсто и для другихъ.

Богатый дворянинъ, умирая, завѣщалъ своему племяннику деревню и значительное количество земли; но земля эта была болотистая, нездоровая и необитаемая. Новый владѣлецъ осушилъ болота и стоячія воды, насадилъ всякихъ деревьевъ и кустарниковъ, такъ что на томъ мѣстѣ выросъ красивый садъ съ тѣнистой рощицею, которая доходила до деревни.

Спустя много лѣтъ пріѣхалъ къ новому владѣльцу его прежній наставникъ. Хозяинъ повелъ его осматривать свои владѣнія и разсказалъ, какъ онъ осушилъ болото и превратилъ его въ прекрасный садъ. Старый наставникъ осматривалъ все съ удо-

вольствіемъ, хвалилъ каждую вещь порознь и все вмѣстѣ. Хозяинъ говорилъ о томъ наслажденіи, какое доставляетъ ему это маленькое созданіе его рукъ, и о тѣхъ планахъ, которые онъ намѣревался выполнить: онъ предполагалъ сдѣлать кое-какія новыя постройки, развести разную дичь и т. д.

Старый наставникъ отвѣчалъ на это: „Все это очень хорошо; но для полнаго совершенства твоему созданію недостаетъ еще одного.“—„Чего же?“ спросилъ хозяинъ.

— Вспомни, отвѣчалъ старикъ, что Богъ, насадивши эдемъ, поселилъ въ немъ человѣка.

Хозяинъ промолчалъ, но слова эти глубоко запали ему въ душу.

На слѣдующую весну неизмѣнный старый наставникъ опять посѣтилъ его. Хозяинъ повелъ гостя къ концу рощицы; здѣсь стояли два новыхъ прекрасныхъ зданія.

Старикъ улыбнулся, пожалъ руку своему бывшему ученику и сказалъ ему: „я зналъ, что твое сердце пойметъ меня. Вотъ теперь любовь довершила дѣло.“

Одно изъ зданій было пріютъ для сиротъ, другое—школа.

15. Сѣмя.

Два путника только что расположились отдохнуть въ гостинницѣ, какъ вдругъ раздался набатъ и крикъ, что деревня горитъ. Одинъ изъ путниковъ быстро вскочилъ, бросилъ въ сторону свою палку и узелокъ, и поспѣшилъ на помощь. Другой удерживалъ его, говоря: „зачѣмъ мы будемъ понапрасну тратить время? И безъ насъ найдется здѣсь довольно рукъ! Да и какое намъ дѣло до чужихъ?“ Но тотъ, не слушая его, побѣжалъ къ горѣвшему дому. Тогда товарищъ его не-спѣша вышелъ за нимъ, остановился вдали и ждалъ, что будетъ.

Передъ горѣвшимъ домомъ стояла мать и въ отчаяніи звала дѣтей: дѣти мои, дѣти! Услыхавъ этотъ вопль отчаянія, чужеземецъ бросился въ домъ, не обращая вниманія на то, что балки трещали и пламя хлестало по немъ. Народъ толковалъ, что онъ непремѣнно погибнетъ.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Но вотъ показался чужеземецъ, съ опаленными волосами; онъ вынесъ на рукахъ двухъ младенцевъ и подалъ ихъ матери. Она сжала дѣтей въ своихъ объятіяхъ и бросилась къ ногамъ ихъ спасителя. Тотъ поднялъ ее и сталъ утѣшать. Домъ между тѣмъ рухнулъ.

На возвратномъ пути въ гостинницу, товарищъ этого человѣка сказалъ ему: „И кто велѣлъ тебѣ пускаться на такое опасное дѣло!“ — Тотъ, Кто повелѣваетъ мнѣ бросать сѣмя въ землю, чтобы, сгнивши тамъ, оно принесло новый плодъ, отвѣчалъ первый. — „Ну, а если бы ты погибъ подъ развалинами рухнувшаго дома? — Въ такомъ случаѣ я самъ былъ бы сѣменемъ, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой.“

16. Слезы.

Въ одну лунную, свѣтлую ночь Гиллелъ ходилъ съ ученикомъ своимъ Сади по масличной горѣ, между садовъ. При свѣтѣ луны Сади замѣтилъ вдали какого-то человѣка и, указывая на него, сказалъ учителю: что такое онъ дѣлаетъ тамъ?

„Это Садокъ,“ отвѣчалъ Гиллелъ; „онъ сидитъ на могилѣ сына своего и плачетъ.“

Какъ? неужели Садокъ не можетъ преодолѣть своей печали? сказалъ юноша. Его называютъ всѣ мудрымъ и праведнымъ...

„Поэтому онъ и не долженъ чувствовать скорби?“ возразилъ Гиллелъ.

Тогда Сади спросилъ: Какое же преимущество мудрый имѣетъ предъ глупымъ?

„А вотъ — посмотри,“ отвѣчалъ ему учитель: „горькія слезы падаютъ изъ глазъ его на землю, а взоръ его обращенъ къ небу.“

17. Переправа черезъ рѣку.

Молодой человѣкъ, никогда еще не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника перевезти его на другую сторону. Деревня, куда нужно было придти ему, лежала на другой сторонѣ, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевощикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ, и давно уже миновалъ деревню. — „Куда же это ты ѣдешь, пріятель?“ спросилъ его юноша. „Прямо туда, куда нужно,“ отвѣчалъ перевощикъ. — „Если это называется прямо,“ сказалъ юноша, „то ужъ я не знаю, что значитъ криво. Если мы будемъ такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ на пятьсотъ выше деревни.“ — „Да, баринъ, еслибъ мы все такъ ѣхали,“ возразилъ перевощикъ: „но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе

снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка — дай Богъ ему царство небесное! — говаривалъ часто: хорошій перевощикъ и добрый христіанинъ должны ставить цѣль свою повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другаго теченіе жизни.“ Дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевощикъ долженъ былъ употребить всѣ силы, чтобы не пристать ниже деревни.

18. Дѣдушка и внучекъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дряхлый старичокъ. Глаза его помутились отъ старости, колѣна тряслись и слышалъ онъ, бѣдный, плохо. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, то едва могъ держать въ рукѣ ложку, проносилъ ее мимо рта и проливалъ супъ на скатерть. Сынъ его и жена сына смотрѣли на него съ отвращеніемъ, и наконецъ помѣстили его въ уголкѣ за печкой, куда приносили ему скудную пищу, въ старой глиняной мискѣ.

У старика часто навертывались слезы на глаза, и онъ грустно посматривалъ въ ту сторону, гдѣ накрытъ былъ столъ. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась въ дребезги. Молодая невѣстка разразилась упреками несчастному старику. Онъ не смѣлъ отвѣтить и только, вздохнувши, поникъ головой. Ему купили деревянную миску, изъ которой онъ съ той поры и ѣлъ постоянно.

Нѣсколько дней спустя, сынъ и невѣстка увидѣли, что ребенокъ ихъ, которому было четыре года, сидя на землѣ, складываетъ дощечки. „Что ты дѣлаешь?“ спросилъ его отецъ.

— Коробочку, отвѣчалъ онъ, чтобъ кормить изъ нея папашу съ мамашей, когда они состарятся.

Мужъ и жена молча переглянулись, потомъ заплакали, и съ тѣхъ поръ стали опять сажать старика за свой столъ, и никогда больше не обращались съ нимъ грубо.

19. Христіанская любовь.

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томленьи и слезахъ,
И думалъ, про себя, въ тоскѣ невыразимой:
„О, гдѣ моя родня? Гдѣ близкій, гдѣ любимый?“
И много мимо шло... Но чтожъ? Никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да вдаль его манила

Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ.
Ужъ мной овладѣвалъ холодной смерти сонъ;
Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ очахъ ужъ слезы застывали.
Но вотъ пришелъ одинъ, склонился надо мной
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.
Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но, полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью.
Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ.
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
„Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый."

Ю. Жадовская.

20. Четыре времени года.

„Ахъ, еслибъ все была зима!" сказалъ Петруша, послѣ того, какъ онъ игралъ въ снѣжки и катался съ горы на санкахъ.

Отецъ приказалъ ему отмѣтить это желаніе въ записной книжкѣ, и онъ то исполнилъ.

Прошла зима, наступила весна. Петруша стоялъ съ отцомъ своимъ подлѣ цвѣтника, въ которомъ распустились розы, лиліи, гіацинты и нарциссы, и былъ внѣ себя отъ радости. Весна приноситъ съ собою эти цвѣты, сказалъ отецъ: съ ней они и проходятъ. „Ахъ, еслибы все была весна!" отвѣчалъ Петруша. Отецъ велѣлъ ему и это желаніе записать въ книжку, и онъ записалъ.

Миновала весна, наступило лѣто. Въ одинъ прекрасный день Петруша съ своими родителями и нѣсколькими другими дѣтьми пошли въ ближнюю деревню и цѣлый день тамъ пробыли. Вокругъ ихъ видны были зеленыя поля и долины, покрытыя множествомъ цвѣтовъ, и луга, на которыхъ прыгали ягнята. Тамъ они ѣли ростущія лѣтомъ ягоды, и провели время очень весело.

Не правда ли, сказалъ отецъ, возвращаясь домой, что лѣтомъ можно имѣть много забавъ? „Ахъ, отвѣчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобы всегда было лѣто!" И это желаніе записано въ книжку.

Настала и осень. Вся семья отправилась на нѣсколько дней въ виноградные сады. Не было уже такихъ жаровъ, какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенный и небо свѣтлое. На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые грозды, на грядахъ лежали благоу-

ханныя дыни, и вѣтви деревъ отъ спѣлыхъ плодовъ къ землѣ преклонялись. Тутъ-то любо было Петрушѣ, который былъ большой охотникъ до всякихъ плодовъ!

Это прекрасное время скоро минетъ, сказалъ отецъ; зима уже на дворѣ. „Ахъ!" сказалъ Петруша, „я бы желалъ, чтобъ зима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень".

Право, ты желалъ бы этого? спросилъ отецъ. „Желалъ бы", отвѣчалъ Петруша. Но посмотри, продолжалъ отецъ, вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, читай! „Я желаю, чтобъ всегда была зима". А вотъ на этой страницѣ, прочитай, что написано? „Я желаю, чтобъ всегда была весна". А вотъ на этой? „Я желаю, чтобъ всегда было лѣто". Знаешь ли ты, промолвилъ отецъ, чья рука это писала? „Моя", отвѣчалъ Петруша. А чего же ты теперь желаешь? „Я желаю, чтобъ всегда была осень". Но это очень забавно, сказалъ отецъ: зимою ты хочешь всегдашней зимы, весною всегдашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени! Подумай, что изъ того должно слѣдовать? „Что всѣ времена года хороши".

Конечно такъ: всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами; и Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы, слабые люди! Если бы прошлая зима состояла въ твоей волѣ, то у насъ не было бы ни весны, ни лѣта, ни осени. Ты покрылъ бы землю вѣчнымъ снѣгомъ для того только, чтобъ играть въ снѣжки и кататься съ горы на санкахъ; и сколько другихъ удовольствій ты лишилъ бы насъ! Счастливы мы, что не въ нашей состоитъ власти управлять свѣтомъ: получивъ эту власть, мы тотчасъ бы его разрушили.

21. Каннитферштанъ.

Часто мы на свою негодуемъ судьбу: а если разсудишь, какъ все на свѣтѣ невѣрно, то сердцемъ смиришься и станешь Бога за участь свою прославлять. Иному труднѣе опытъ такой достается, иному легче. И вотъ какъ разъ до премудрости этой, не умствуя много, а просто случаемъ страннымъ, одною забавной ошибкой добрался бѣдный нѣмецкій ремесленникъ... Былъ по какому-то дѣлу онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ;—городъ богатый, пышный, зданья огромныя, тьма кораблей. Заглядѣлся бѣдный мой нѣмецъ, глаза разбѣжались. Вдругъ онъ увидѣлъ домъ, какого не снилось ему и во снѣ: до десятка трубъ, три

жилья, зеркальныя окна, ворота съ добрый сарай — удивленье! Съ смиреннымъ поклономъ спросилъ онъ перваго встрѣчнаго: „Чей этотъ домъ, въ которомъ такъ много въ окнахъ тюльпановъ, нарциссовъ и розъ?“ Но видно, прохожій — или былъ занятъ, или столько же зналъ по-нѣмецки, сколько тотъ по-голландски, то есть, не зналъ ни полслова, — какъ бы то ни было, *киннитферштанъ!* отвѣчалъ онъ. А это *каннитферштанъ* есть голландское слово или лучше — четыре слова, и значитъ оно: не могу васъ понять. Простодушный нѣмецъ, напротивъ, вздумалъ, что такъ назывался владѣлецъ дома, о коемъ онъ спрашивалъ. „Видно, богатъ не на шутку этотъ *каннитферштанъ*“, сказалъ про себя онъ, любуясь домомъ. Потомъ отправился далѣе. Приходитъ на пристань—новое диво: тамъ кораблей числа нѣтъ: ихъ мачты словно какъ лѣсъ. Закружилась его голова, и сначала онъ не видалъ ничего: такъ много онъ разомъ увидѣлъ; но наконецъ на огромный корабль обратилъ онъ вниманье. Этотъ корабль недавно пришелъ изъ Остъ-Индіи: много вкругъ суетилось людей: его выгружали. Какъ горы были навалены тюки товаровъ; множество бочекъ съ сахаромъ, кофе, перцемъ, пшеномъ сарачинскимъ. Разинувъ ротъ, съ удивленьемъ глядѣлъ на товары нашъ нѣмецъ, и свѣдать крѣпко ему захотѣлось, чьи были они. У матроса, несшаго тюкъ огромный, спросилъ онъ: „какъ назывался тотъ господинъ, которому море столько сокровищъ разомъ прислало?“ Нахмурясь, матросъ проворчалъ мимоходомъ: *каннитферштанъ!* — „Опять! смотри, пожалуй! какой же этотъ *каннитферштанъ* молодецъ! мудрено ли построить домъ съ богатствомъ такимъ и разставить въ горшкахъ золоченыхъ столько тюльпановъ, нарциссовъ и розъ по окошкамъ?“ Пошелъ онъ медленнымъ шагомъ назадъ и задумался: горе взяло его, когда онъ размыслилъ, сколько богатыхъ на свѣтѣ и какъ онъ бѣденъ. Но только что началъ съ собою онъ разсуждать, какое было бы счастье, когда-бъ онъ самъ былъ *каннитферштанъ*, какъ вдругъ передъ нимъ — погребенье. Видитъ: четыре лошади въ черныхъ, длинныхъ попонахъ гробъ на дрогахъ везутъ и тихо ступаютъ, какъ будто зная, что мертваго съ гробомъ въ могилу навѣки отвозятъ; вслѣдъ за гробомъ родные, друзья и знакомые, молча, въ траурѣ идутъ; вдали одиноко звонитъ погребальный колоколъ. Грустно стало ему, какъ всякой смиренной, доброй душѣ при видѣ мертваго тѣла; и снявши набожно шляпу, молитву творя, проводилъ онъ глазами ходъ погребальный; потомъ подошелъ къ одному изъ послѣднихъ, шедшихъ за гробомъ, который въ эту

минуту былъ занятъ важнымъ дѣломъ: разсчитывалъ, сколько прибыли чистой будетъ ему отъ продажи корицы и перцу. Тихонько дернувъ его за кафтанъ, онъ спросилъ: „конечно, покойникъ былъ вамъ добрый пріятель, что такъ вы задумались? кто онъ?“ *Каннитферштанъ!*—былъ короткій отвѣтъ. Покатились слезы градомъ изъ глазъ у честнаго нѣмца; сдѣлалось тяжко сердцу его, а потомъ и легко; и вздохнувши, сказалъ онъ: „бѣдный, бѣдный *каннитферштанъ!* отъ такого богатства что осталось тебѣ? Не то же-ль, что рано иль поздно мнѣ отъ моей останется бѣдности—саванъ и тѣсный гробъ.“ И въ мысляхъ такихъ побрелъ онъ за тѣломъ, какъ будто самъ былъ роднею покойнику; въ церковь вошелъ за другими, тамъ голландскую проповѣдь, въ коей не понялъ ни слова, выслушалъ съ чувствомъ глубокимъ; потомъ, когда опустили *каннитферштана* въ землю, заплакалъ; потомъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ своею дорогой. И съ тѣхъ поръ, какъ скоро грусть посѣщала его и ему становилось досадно видѣть счастье богатыхъ людей, онъ всегда утѣшался, вспомнивъ о *каннитферштанѣ*—его несмѣтномъ богатствѣ, пышномъ домѣ, большомъ кораблѣ — и тѣсной могилѣ. (*Жуковскій.*)

22. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, —
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня;
Въ награду любаго возьмешь ты коня.
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ

И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И воды и суша покорны тебѣ:
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
„И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ,
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могучему данъ.
„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего!"
Олегъ усмѣхнулся, — однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, — ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя!
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки-други, возьмите коня.
„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите, —
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ? промолвилъ Олегъ;
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все также ль легокъ его бѣгъ?

Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
И внемлютъ отвѣту; на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и до нынѣ носилъ бы меня!—
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости:
И видятъ—на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости.
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они. (*Пушкинъ.*)

23. Смерть Олега.

(*По лѣтописи.*)

Однажды Олегъ вспомнилъ про коня, на котораго онъ уже давно не садился. А не садился онъ на него вотъ почему: какъ-то разъ спрашивалъ онъ волхвовъ и кудесниковъ: „отъ чего мнѣ назначено умереть?“ — а одинъ изъ кудесниковъ и сказалъ ему: „князь! есть у тебя конь, на которомъ ты любишь ѣздить—такъ отъ него тебѣ смерть принять.“ Олегъ же взялъ это себѣ въ голову и сказалъ: „такъ не сяду же я на него никогда, и глядѣть на него больше не стану.“ И велѣлъ этого коня кормить,

а къ себѣ не водить. Такъ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ, не видя его до тѣхъ поръ, пока пошелъ на Грековъ. А воротившись отъ Грековъ въ Кіевъ, прожилъ еще 4 года, и только на пятый вспомнилъ про коня своего, отъ котораго волхвы пророчили ему умереть. Призвалъ онъ самаго старшаго конюха и сказалъ: „гдѣ мой конь, котораго я поставилъ кормить и беречь, а къ себѣ не подводить?“ Тотъ говоритъ: „умеръ.“ А Олегъ посмѣялся надъ кудесникомъ, говоря: „то-то не правду говорятъ волхвы, а все ложь.“ И велѣлъ осѣдлать себѣ коня: „поѣду, говоритъ, посмотрю на его кости.“ Пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ были кости того коня и черепъ голый, слѣзъ съ коня и сказалъ съ усмѣшкой: „ужъ не отъ этого ли черепа смерть придетъ мнѣ?“ И наступилъ на черепъ ногою. И выползла змѣя изъ черепа, и ужалила его въ ногу. Съ того онъ разболѣлся и умеръ.—И понесли его съ плачемъ великимъ и похоронили его на горѣ Щековицѣ; и есть могила та и до сего дня—слыветъ Олеговой.

24. Смерть Олега.

Сей герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое — и смерть его казалась потомству чудесною. „Волхвы — такъ говоритъ лѣтописецъ — предсказали князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года; въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться! Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила князя и герой скончался...“ Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его; но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности. (*Карамзинъ.*)

25. Война мышей и лягушекъ.

Слушайте, я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ. Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ: но въ этой сказкѣ моей найдется и правда. Милости же просимъ тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться, сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлобья, всякую шутку считать за грѣхъ, мы просимъ покорно къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку. Было прекрасное майское утро. Квакунъ Двадесятый, царь знаменитой породы, властитель ближней трясины, вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей свитой придворныхъ. Въ припрыжку они бросились на пригорокъ, сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись, царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы, началося: ужъ много было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито; царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита вслѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень. Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ, съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ же, но въ шубкахъ дымнаго цвѣта. Рысцой они подбѣжали къ болоту. Бѣлая шубка носикъ въ болото уткнулъ, и поднявши правую ножку, началъ воду тянуть, и казалось, былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку часто онъ вверхъ подымалъ и вода съ усатаго рыльца мелкимъ бисеромъ падала. Вдоволь напившись и лапкой рыльце обтерши, сказалъ онъ: какое раздолье студеной выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю то, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ—изъ мутной лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка! Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала: тотчасъ скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли пять какихъ-то звѣрковъ съ усами турецкими, уши длинные, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ пьютъ; а кто и откуда они, неизвѣстно. Съ десяткомъ стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку провѣдать, кто незваные гости: когда непріятели, взять ихъ, если дадутся; когда сосѣди, пришедшіе съ миромъ, дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ: это мыши, не важное дѣло! Но мнѣ не случалось

бѣлыхъ между ними видать, и это мнѣ чудно: Смотрите жъ, спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними самъ на словахъ объяснюся; увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый. Бѣлый между тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ; слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ, выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро Пышка съ своими къ болоту приблизился, — здравствуй, почтенный воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ спросу вашей воды напился я: мы всѣ отъ охоты устали; въ это же время здѣсь никого не нашлось. Благодарны очень мы вамъ за прекрасный напитокъ, и сами готовы равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность есть добродѣтель возвышенныхъ душъ. Удивленный такою умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи вашемъ свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ, кто вы и какъ васъ зовутъ. Я посланъ сюда пригласить васъ съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась наша по вкусу вода, а платы не требуемъ: воду создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце. Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: царская воля будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою, — плавать я не умѣю. Я царскій сынъ и наслѣдникъ царства мышинаго. Въ это мгновенье, спустившись съ пригорка, царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ—Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою, нѣсколько струсилъ, ибо не вѣдалъ, доброе ль, злое ль было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ — Бѣлая шубка, вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво онъ поклонился царю Квакуну; а царь, благосклонно лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю очень мы рады: садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно, края, ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось. Бѣлая шубка, царю поклоняся опять, на зеленой травѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ, кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ? Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда, не таяся, правду всю скажешь. Я царь и много имѣю богатства; будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.

„Нѣтъ никакой мнѣ причины,“ отвѣтствовалъ Бѣлая шубка, „царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы царской, весьма на землѣ знаменитой: отецъ мой изъ дома древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій Третій, владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ предковъ. Но область свою онъ самъ расширилъ войнами: три подполья, одинъ амбаръ и двѣ трети ветчинни онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей, и въ супруги взявши царевну Прасковью Пискунью, бѣлую шкурку. Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое: въ свѣтѣ нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста, Петръ Долгохвостъ, по прозванью Хватъ. Былъ я воспитанъ въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ, крысой. Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи, вскребаюсь въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье. Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:

Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной, раззадорясь, вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной гривѣ запутался; левъ проснулся, и лапой огромной стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка. Съ духомъ собравшись, я высунулъ носъ изъ-подъ лапы. Левъ-государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило милость твою оскорбить; пощади, не губи: не ровенъ часъ, самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно, онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ; льву услужить ты задумалъ; добро, мы посмотримъ, какую милость окажешь ты намъ! Ступай. Тогда онъ раздвинулъ лапу, а я — давай Богъ ноги; но вотъ что случилось. Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ нашихъ львинымъ рыканьемъ: смутилась, какъ будто отъ бури, вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что же въ полѣ увидѣлъ? Царь левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ, мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися, лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было все то напрасно; лишь только себя онъ запутывалъ. Видишь, Левъ-государь, сказалъ я ему, что я пригодился. Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать зубами; узлы перегрызли тенетъ, и левъ распутлялся. Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился

въ ближнемъ лѣсу, гдѣ вмигъ и пропалъ. По этому дѣлу прозванъ Хватомъ и славу свою поддержать я стараюсь. Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду здѣсь мы встрѣчаемъ опасность: такъ Богъ уже землю устроилъ. Все здѣсь воюетъ, съ травою овца,—съ овцою—голодный волкъ, собака—съ волкомъ, съ собакой—медвѣдь, а съ медвѣдемъ—левъ: человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ. Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ, сильныхъ гонителей: совы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ злѣе козни людскія. И тяжко подъ-часъ намъ приходитъ. Я однако спокоенъ; я помню, что мнѣ мой наставникъ премудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью учатъ. Съ вѣрой такою ни что не бѣда. Я доволенъ тѣмъ, что имѣю: счастью радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.

26. Левъ и Мышь.

(*Басня Эзопа.*)

Когда Левъ спалъ, Мышь пробѣжала по его тѣлу. Онъ, вставши, поймалъ ее. Мышь просила оставить ее въ живыхъ, говоря, что она за это много возблагодаритъ ему. Левъ, разсмѣявшись, пустилъ ее. Спустя немного времени послѣ того дѣйствительно спасенъ онъ мышью. Когда охотники, поймавши его, привязали веревкою къ дереву, то мышь, услышавъ его стонъ и пришедши къ нему, перегрызла веревку и, освободивъ его, сказала: „ты смѣялся надъ мною, не думая, чтобы я могла тебѣ когда-нибудь возблагодарить; увѣрься же теперь, что и мыши благодарны.“

Благомыслящіе люди, хотя бы и бѣдны были, при случаѣ могутъ быть полезны и вельможамъ.— (*Пер. Мартыновъ.*)

27. Левъ и Мышь.

(*Подстрочный переводъ изъ Лафонтена.*)

Вѣтренный Мышенокъ выскочилъ изъ-подъ земли и нечаянно попался Льву въ лапы. Царь звѣрей при этомъ случаѣ показалъ, что онъ такое, и подарилъ Мышенку жизнь. Это благодѣяніе не прошло даромъ. Кто бы подумалъ, чтобы Льву могъ когда-нибудь оказать услугу Мышенокъ? А между тѣмъ это случилось, и вотъ какимъ образомъ: Левъ, вышедъ изъ лѣсовъ, былъ пой-

манъ въ сѣти, и сколько ни ревѣлъ, не могъ выпутаться изъ нихъ;—прибѣжалъ Мышенокъ, и зубами перегрызъ петли.

Терпѣніе и время дѣлаютъ больше, чѣмъ сила и бѣшенство.

28. Левъ и Мышь.

У Льва просила Мышь смиренно позволенья
По близости его въ дуплѣ завесть селенье,
И такъ примолвила: „Хотя-де здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ и славенъ;
Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ,
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ:
Но будущее кто угадывать возьмется?
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведется?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ быть, подъ-часъ тебѣ и пригожусь.
—„Ты!“ вскрикнулъ Левъ: — „Ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье.
Прочь, прочь отсель, пока жива —
Иль твоего не будетъ праху.“
Тутъ Мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простылъ ея и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однакожъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенета.
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стонъ.
Какъ онъ ни рвался, ни метался,
Но все добычею охотника остался,
И въ клѣткѣ на показъ народу увезенъ.
Про Мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Что бы помочь она ему съумѣла,
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла,
И что его своя кичливость съѣла.
Читатель! истину любя,
Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя —
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодезь — пригодится
Воды напиться.

(*Крыловъ.*)

29. Левъ и Комаръ.

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги:
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!

Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спѣсь наказанъ Комаромъ, —
Вотъ что я слышалъ стороною:

Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ,
И мѣсто высмотрѣвъ, и время улуча,
Орломъ на Льва пустился,
И льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не трусить:
Льву сѣлъ на самый лобъ и Львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ:
Скрежещетъ въ ярости зубами
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ:
Отколь у всѣхъ явились ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ.
И кто жъ? Комаръ
Надѣлалъ всѣмъ тревоги.
Рвался, метался Левъ, и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и мира запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ. (*Крыловъ.*)

30. Война мышей и лягушекъ.

(*Продолженіе.*)

Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста. Гость дорогой, сказалъ онъ ему: признаюсь откровенно, столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ. Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ то, что случилось когда съ мыши-

нымъ вашимъ народомъ; что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ когда воевали.

„Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни строитъ нашъ хитрый двуногій злодѣй, человѣкъ. Онъ ужасно жаденъ: онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, коими наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій; узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемной дверью. Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье. Намъ же съ-дуру на мысль взбрело, что, поладить съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный кусокъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ, вотъ цѣлый десятокъ смѣлыхъ охотниковъ вызвались—въ домикъ забраться, безъ платы въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ. Входятъ они, но только что начали дружно висячій кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило страшное зрѣлище насъ, увидѣли мы, какъ злодѣи нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали. Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.

„Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и расклалъ ихъ словно какъ добрый по всѣмъ закоулкамъ: народъ нашъ очень довѣрчивъ и вѣтренъ, мы лакомки; бросились жадно вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные, съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью бѣгали съ пискомъ они, родныхъ друзей и знакомыхъ болѣ не зная въ лицо: наконецъ утомясь, обезсилѣвъ, всѣ попадали мертвые лапками вверхъ. Запустѣла цѣлая область отъ этой бѣды: отъ ужаснаго смрада труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый надолго былъ обезмышенъ.

„Но главное бѣдствіе наше нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился, намъ ко вреду, съ Сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой; кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ хитрый котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье Божье. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего, и мнѣ захотѣлось высунуть

носъ изъ подполья. Мать, царица Прасковья, съ крысой Онуфріемъ крѣпко на крѣпко мнѣ запретили норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку выглянулъ, вижу—камнемъ выстланный дворъ, освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились, птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались. Выйти не смѣя, смотрю я изъ щелки,—и вижу на дальнемъ краю двора звѣрокъ усатый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося радостью сердце мое, и я ужъ сбиралася покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться,—вдругъ зашумѣло что-то вблизи: оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крычковатый; подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ; и какъ будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья, разнаго цвѣта, торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы,—начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.

„Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ; свѣчу ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка, намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы, что проснулись наши враги. А пріятель, такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало, котъ Мурлыка. Хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ къ этому плуту подъѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею. Будь же впередъ остороженъ.

31. Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ невидавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду; и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:

„Оставя нашу нору
И перебравшись черезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ,—
Какіе звѣри, самъ не зналъ.
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой—нахалъ, крикунъ, теперь лишь словно съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта;
И будто двѣ руки, служащи для полета:
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него, я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга:
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши какъ у насъ,—и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами."
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила:
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ—Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель.
Другой же былъ Пѣтухъ, смиренный куръ любитель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья. (*Дмитріевъ.*)

32. Война мышей и лягушекъ.

(*Окончаніе.*)

„Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ. Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я только то, что

случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось все подполье: шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, — словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный Климъ, по прозванью бѣшеный хвостъ. Такое прозванье дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ маятникъ стукалъ.

„Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ. Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на бревнѣ, повѣшенъ за ноги мордою внизъ: оскалены зубы; какъ палка вытянутъ весь; и спина и хвостъ и переднія лапы словно какъ мерзлые; оба глаза глядятъ, не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ:— погуляемъ нонче и мы! И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки не было тамъ никакой: и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ вдругъ распустились когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ, усъ не тронется, глазъ не моргнетъ.—Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ—да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу какъ-то она отъ него уплела), берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ: вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него. То услыша, громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать, мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные пры-

гать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши, всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ, Климъ, по прозванью — Бѣшеный хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово; мы-жъ при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: „жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ Сибирскій, ростъ богатырскій, сизая шкурка, усы какъ у Турка; былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ;—радуйся, наше подполье!...“ Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой, иному хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки. Царицу Прасковью чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки; царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но мудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.“

(*Жуковскій.*)

33. Рейнеке-Лисъ.

Насталъ Троицынъ день, праздникъ весны, и король звѣрей, Нобель, собралъ въ обновленномъ лѣсу весь свой дворъ. Со всѣхъ сторонъ явились вассалы, большіе и мелкіе, только плутъ Рейнеке не явился. Онъ боялся собранныхъ звѣрей, потому что всѣ они были обижены имъ, и каждый имѣлъ какую-нибудь жалобу на Рейнеке. Сперва выступилъ Изегримъ, волкъ, съ своими братьями и друзьями, и жаловался, что Рейнеке обидѣлъ его жену и дѣтей. Потомъ явился барсъ заступникомъ зайца и разсказалъ, какъ Рейнеке вызвался выучить зайца всему, что нужно знать капеллану, и во время урока пѣнія схватилъ за шею зубами такъ крѣпко, что только нечаянный приходъ барса спасъ зайца отъ смерти. Много было и всякихъ другихъ жалобъ. Барсукъ, племянникъ Рейнеке, старался оправдать своего дядю отъ обвиненій, разсказалъ разныя козни другихъ животныхъ противъ Лиса и прибавилъ въ заключеніе, что Рейнеке теперь измѣнилъ образъ жизни, живетъ монахомъ, умерщвляетъ свою плоть и давно уже не ѣстъ мяснаго. Но —

Только что Гримбартъ окончилъ, къ общему всѣхъ удивленью,
Съ родомъ своимъ появился пѣтухъ Курогонъ. На носилкахъ,
Безъ головы и безъ шеи насѣдку несли за нимъ слѣдомъ.
Звали ее Скороножкой: была она лучшей насѣдкой.
Ахъ! и текла ея кровь, пролитая Лисомъ безпутнымъ!
Пусть же король все услышитъ! Вотъ къ королю подступаетъ
Храбрый пѣтухъ Курогонъ съ лицомъ, омраченнымъ печалью;
Два пѣтуха за нимъ слѣдомъ также печальные идутъ.
Звался Ораломъ одинъ, и лучше его не нашли бы
Между Парижемъ и Гентомъ; другой былъ немного поменьше,
Именемъ былъ Запѣвало, тоже гладкій парнище;
Оба несли по зажженной свѣчѣ, и братьями были
Умерщвленной жены, и звали они на убійцу
Всѣ проклятія неба! Несли же носилки другіе
Два пѣтуха, помоложе, и вопли ихъ слышались всюду.
И Курогонъ тутъ промолвилъ: „Съ жалобой къ вамъ, государь, мы!
Сжальтесь надъ нами, взгляните, какое намъ всѣмъ поруганье!
Все отъ Рейнеке Лиса, ваше величество, терпимъ.
Только зима миновала и рощи, цвѣты и лужайки
Насъ къ веселью позвали, сталъ и я любоваться
Рѣзвымъ потомствомъ своимъ, что вдругъ меня окружило.
Десять надежныхъ сынковъ, да дочекъ съ четырнадцать были
Мнѣ утѣшеньемъ; жена, насѣдка чудесная, въ лѣто
Вывела всѣхъ ихъ одна и всѣхъ возрастила на славу.
Гладкіе были такіе всѣ и довольные; пищу
Въ безопасныхъ мѣстахъ себѣ они находили.
Дворъ нашъ былъ монастырскій, съ высокой и крѣпкой оградой;
Шесть огромныхъ собакъ жили въ дому вмѣстѣ съ нами,
Нашихъ дѣтей полюбили и бдѣли надъ ними. Но Лиса,
Видно, досада схватила, что мы живемъ понемножку,
Счастливы всѣ, и его сѣтей и проказъ избѣгаемъ.
Все, бывало, онъ бродитъ ночью у стѣнъ, да въ ворота
Въ тихомолку глядитъ; но къ счастью, собаки узнали;
Онъ на утеку, но какъ-то онѣ его изловили
И, если правду сказать, его потрепали маленько;
Но таки спасся, шельмецъ, и насъ оставилъ въ покоѣ.
Слушайте жъ дальше! Немного спустя, онъ монахомъ приходитъ,
Мнѣ съ печатью письмо отдаетъ. И узналъ я
Вашу печать на письмѣ; а въ письмѣ я читаю,
Что миръ прочный звѣрямъ и птицамъ вы объявили.
И говорить онъ мнѣ началъ: будто онъ въ схиму постригся,
Будто далъ онъ обѣтъ отъ всѣхъ грѣховъ отмолиться,
Будто онъ кается въ нихъ... И были мы всѣ тому рады.
Рейнеке схимникомъ сталъ, такъ стало быть нечего больше
Намъ бояться за жизнь. Я вышелъ со всѣми своими
За монастырскія стѣны, и рады мы были свободѣ.
Только раскаялись вскорѣ. Онъ въ кустахъ притаился;
Прыгнулъ, разбойникъ, и намъ двери собой заслоняя,

Лучшаго сына схватилъ и съ нимъ—поминайте какъ звали!
Все погибло для насъ: лишь только попробовалъ насъ онъ—
Началъ за нами гоняться, и ни собаки, ни люди
Насъ не могли защитить отъ козней его богомерзкихъ.
Такъ потаскалъ у меня почти всѣхъ дѣтей онъ, разбойникъ;
Изъ двадцати только пять всего у меня и осталось,
Прочихъ онъ всѣхъ задушилъ. Сжальтесь надъ горемъ несчастныхъ!
Онъ зарѣзалъ вчера лишь дочь мою, только собаки
Тѣло одно и спасли. Вотъ оно здѣсь передъ вами!
Онъ, кровопійца, то сдѣлалъ.... О! будьте вы къ намъ милосерды!
Тутъ промолвилъ король: „Ну чтожъ ты, Гримбартъ, намъ скажешь?
Такъ-то постится твой схимникъ, такъ-то онъ плоть распинаетъ!
Только бы годъ мнѣ прожить, а онъ ужъ меня не забудетъ!"
После того на совѣтъ король созываетъ мудрѣйшихъ,
Чтобъ рѣшили вопросъ, какъ наказать за убійство,
О которомъ и онъ и всѣ лишь сейчасъ услыхали.
И на совѣтѣ рѣшили: отправить посла къ лиходѣю,
Чтобы онъ волей-неволей предсталъ передъ царскія очи
Въ первый же день засѣданья, когда всѣ чины соберутся.
Браунъ-медвѣдь былъ избранъ посломъ.

Браунъ шелъ голой степью цѣлый день и вечеромъ пришелъ къ горамъ, гдѣ въ богатомъ своемъ замкѣ Малепартѣ жилъ Рейнеке. Дворъ былъ запертъ, и Браунъ сквозь ворота передалъ ему порученіе короля. Рейнеке заставилъ его долго ждать; наконецъ вышелъ, осыпалъ гостя ласками, извинялся, что не можетъ сейчасъ съ нимъ отправиться въ путь, потому что слишкомъ много ѣлъ меду и оттого отяжелѣлъ.—„Какъ, меду!" воскликнулъ медвѣдь: „ахъ, я усталъ съ дороги и оголодалъ, дай мнѣ поѣсть!" —„Меду? сколько хочешь!" отвѣчалъ Рейнеке: „внизу подъ горой живетъ мужикъ, у котораго я всегда беру медъ; если хочешь, то пойдемъ, братъ, къ нему." Браунъ обрадовался. На дворѣ крестьянина нашли они крѣпкій дубовый пень, въ который мужикъ загналъ клинъ, чтобы расколоть его. „Ну, всунь туда рыло, какъ можно поглубже," сказалъ Рейнеке: „въ этомъ деревѣ много меду, болѣе, чѣмъ ты думаешь." Медвѣдь всунулъ морду по уши и переднія лапы въ разщепъ, а Рейнеке вытащилъ клинъ и потихоньку убрался домой. Браунъ увидѣлъ, что онъ попался. Тщетно бросался онъ, грозилъ и просилъ, вылъ и ревѣлъ. На ревъ выбѣжалъ мужикъ; увидѣвъ медвѣдя, онъ побѣжалъ въ корчму и привелъ оттуда другихъ мужиковъ съ топорами и дубинами. Они избили Брауна такъ, что кровь лилась ручьями, и вѣрно убили бы, еслибъ медвѣдь отчаяннымъ усиліемъ не вырвалъ голову и ноги, оставивъ съ нихъ кожу въ разщепѣ. Произошло всеоб-

щее смятеніе, пользуясь коимъ, Браунъ кинулся въ воду, и теченіе отнесло его на нѣсколько миль внизъ по рѣкѣ. Облитый кровью явился онъ передъ королемъ. Тотъ взбѣсился, что Рейнеке такъ дурно обошелся съ его посломъ, и клялся отомстить злодѣю за Брауна. Немедленно былъ наряженъ котъ Гинце въ Малепартъ, чтобы хитростью заманить Лиса ко двору.

Гинце благополучно достигъ Малепарта. Рейнеке принялъ и его какъ нельзя ласковѣе. Но такъ какъ Гинце не хотѣлъ ѣсть меду, а другаго ничего не было въ домѣ, то Рейнеке повелъ его въ амбаръ деревенскаго попа, чтобы онъ наловилъ себѣ тамъ мышей. Наканунѣ Рейнеке укралъ изъ этого амбара нѣсколько куръ, и передъ дырой, черезъ которую онъ пролѣзъ, поставили западню. Рейнеке зналъ это. „Вотъ, полѣзай тутъ,“ сказалъ онъ коту, „а я постою на часахъ.“—Но едва котъ всунулъ голову въ дыру, какъ попалъ въ западню. Рейнеке далъ тягу, а Гинце отчаяннымъ крикомъ перебудилъ всѣхъ людей въ домѣ. Его начали бить и навѣрно убили бы, еслибъ по счастью не оборвалась веревка. Съ выбитымъ глазомъ и общипанной шкурой, онъ возвратился ко двору короля.

Левъ исполнился гнѣва, и одинъ только барсукъ успокоилъ его обѣщаніемъ тотчасъ отправиться за Рейнеке и привести его завтра же ко двору. Барсукъ исполнилъ свое слово. Рейнеке преспокойно выслушалъ его и понялъ, что всего лучше явиться на царскій зовъ. Онъ разсчитывалъ хитростью избавиться отъ бѣды и отвести отъ себя и своего семейства страшный гнѣвъ короля. И такъ они утромъ отправились въ дорогу. Дорогой Рейнеке исповѣдалъ барсуку всѣ свои грѣхи, разсказалъ всѣ свои проказы, и барсукъ далъ ему полное разрѣшеніе. Съ трепетомъ въ сердцѣ Рейнеке достигъ двора королевскаго.

И вотъ обступаютъ тронъ большіе и малые звѣри лѣса и пустыни, и приносятъ на Рейнеке жалобы. Рейнеке долго оправдывается, и съ необыкновеннымъ искусствомъ слова его льются изъ устъ, какъ будто бы онъ говорилъ чистую правду. Но число жалобъ все возрастаетъ; наконецъ, честные и безпристрастные судьи вступаются, и раздается общій голосъ: „онъ виновенъ! кругомъ виновенъ!“

— Король рѣшился повѣсить Лиса. Всѣ обрадовались этому; Изегримъ, Браунъ и Гинце старались, чтобы Рейнеке не убѣжалъ; они вывели его на поле, гдѣ уже стояла висѣлица. Король, ко-

ролева, весь дворъ и многочисленное собраніе звѣрей окружали ее: всѣмъ хотѣлось взглянуть на казнь разбойника Лиса.

Лисъ же думалъ въ предсмертной тоскѣ: „О, еслибъ теперь мнѣ
Выдумать что поновѣе, получше,—и жизнь даровалъ бы
Мнѣ король умиленный, и трое враговъ моихъ лютыхъ
Ни при чемъ бы остались, вредъ и позоръ потерпѣвши.
Дай-ка, обдумаю все я. Если бы мнѣ удалося
Только взяться за слово—тогда ужъ меня не повѣсятъ;
Я не теряю надежды; авось какъ-нибудь и удастся."
И уже съ лѣстницы онъ къ народу взываетъ: „Я вижу
Смерть свою передъ глазами, отъ ней мнѣ ужъ нѣтъ избавленья.
Я объ одномъ лишь прошу васъ всѣхъ, кто слышитъ меня здѣсь:
Прежде чѣмъ землю оставлю, мнѣ бы хотѣлось предъ вами
Всѣми открыто сказать послѣднюю исповѣдь, всѣмъ вамъ
Чистосердечно признаться во всѣхъ своихъ прегрѣшеньяхъ,
Чтобы другой кто-нибудь не былъ обвиняемъ напрасно
Въ томъ иль другомъ преступленьи, мной въ тихомолку свер-
шенномъ."
Многіе сжалились. Говоръ въ тѣсной толпѣ расходился:
Просьба не такъ велика, а жить осталось немного!
И короля попросили. Король наконецъ соизволилъ.
Тутъ почувствовалъ Лисъ въ сердцѣ своемъ облегченье
И надѣяться сталъ. Оправившись, такъ говорилъ онъ:
„... Я въ этомъ собраньи
Ни одного не встрѣчаю, кого бы я не обидѣлъ.
Разъ укусилъ я ягненка до смерти... Еще умертвилъ четырехъ я
Малыхъ козлятъ; не щадилъ ни гусей, ни куръ, ни утокъ,
Гдѣ бы мнѣ ни попались, и многихъ въ песокъ зарывалъ я,
Коль аппетитъ проходилъ, иль мнѣ ихъ ѣсть не хотѣлось.
„Вотъ еще что приключилось: разъ зимою, на Рейнѣ
Я познакомился съ волкомъ; добычу онъ тамъ караулилъ.
Тотчасъ меня увѣрять сталъ, что въ родствѣ онъ со мною,
Даже и степень родства умѣлъ перечислить по пальцамъ.
Я согласился: и мы другъ съ другомъ союзъ заключили,
И поклялись тогда же всюду быть вмѣстѣ, какъ братья;
Но, къ сожалѣнію, дружба эта мнѣ вредъ принесла лишь.
Вмѣстѣ окрестность мы всю обошли. Онъ кралъ все по многу,
Я по малу. Что добывалось, то общимъ должно бы
Быть по условью, но общимъ у насъ ничто не бывало:
Все онъ дѣлилъ произвольно; никогда половины
Я не имѣлъ отъ него. Да и то ли еще испыталъ я!
Если теленка онъ кралъ, вола добывалъ на дорогѣ,
Если его заставалъ я среди изобилья, и козу,
Только убитую, жралъ онъ, козелъ у него подъ когтями
Недорѣзанный бился,—онъ на меня огрызался,
Злился и гналъ меня прочь: ему моя часть приходилась.
И всегда-то со мною такъ поступалъ онъ, большая-ль,
Малая-ль намъ доставалась добыча. И если случалось

Намъ сообща одолѣть быка, иль корову зарѣзать,
Тотчасъ являлась жена и семь волчатъ его жадныхъ
И на добычу бросались, меня отгоняя отъ пищи.
Хоть бы косточка мнѣ когда доставалась; ужъ развѣ
Голая вся, да и то ее обгрызутъ и обгложутъ.
Все сносить я былъ долженъ съ терпѣніемъ! Но слава Богу,
Голода я не терпѣлъ: тихонько кормился я кладомъ,
Золотомъ и серебромъ, зарытыми мной въ одномъ мѣстѣ;
Тамъ довольно съ меня. Его не свезешь цѣлымъ возомъ,
Если бы даже семь разъ онъ за нимъ возвращался."
И услышалъ король тутъ, что говорилъ онъ о кладѣ,
Наклонился къ нему и молвилъ: „Откуда у васъ онъ?
Кладъ-отъ? о немъ говорю я." И Лисъ королю отвѣчаетъ:
„Этой тайны не скрою отъ васъ я, и что мнѣ теперь въ ней?
Вѣдь не унесть же съ собою мнѣ всѣхъ вещей драгоцѣнныхъ.
И когда повелите, я все разскажу вамъ по правдѣ;
Пусть же все выйдетъ наружу; за всѣ сокровища міра,
Право, я бъ не рѣшился дольше скрывать эту тайну,
Ибо кладъ былъ украденъ. Много лицъ сговорились
Васъ, государь, умертвить, и еслибъ въ то самое время
Кладъ этотъ не былъ хитро похищенъ, то васъ бы не стало, —
Этотъ пунктъ, государь, замѣтьте! Жизнь ваша, корона,
Счастье отъ этого клада зависѣли..."
Тутъ король перебилъ: „молчите всѣ и внимайте:
Рейнеке съ лѣстницы можетъ сойти и стать ко мнѣ ближе;
Долженъ все я узнать — меня касается это."
Рейнеке, слышавшій все, утѣшился снова и началъ
Съ лѣстницы тихо сходить, къ досадѣ враговъ ненавистныхъ:
И подошелъ къ королю и къ супругѣ его мягкосердой,
Ставшимъ тотчасъ же допрашивать, какъ все случилось.
Тутъ-то готовиться началъ къ новымъ онъ небылицамъ.
„Только бы снова мнѣ въ милость къ особамъ царскимъ втереться —
Думалъ онъ такъ—и только бы хитростью мнѣ удалося
Злыхъ враговъ погубить, на казнь меня радостно ведшихъ,—
И я спасенъ—и надолго нѣтъ мнѣ опасностей больше.
Да, не шутя, это можетъ мнѣ быть неожиданнымъ счастьемъ;
Только ужъ лгать мнѣ придется, какъ я не лгалъ еще сроду."
Хитрости Лиса внемлите теперь, и какъ удалося
Лису прикрыть свои шашни и повредить многимъ лицамъ!
Какъ безпримѣрно онъ лгалъ, отца обезчестилъ за гробомъ,
Очернилъ барсука неслыханно-злой клеветою,
Лучшаго друга, который ему служилъ постоянно!
Такъ себѣ все онъ позволилъ, чтобы разсказъ вѣроятнѣй
Всѣмъ показался и чтобы отмстить врагамъ своимъ сильнымъ.

Вотъ что разсказалъ Рейнеке: „Моему отцу посчастливилось найти огромный кладъ. Послѣ этого онъ возгордился, началъ своевольничать, поссорился съ королемъ и возмутился противъ него.

Онъ послалъ къ Брауну, приглашая его пріѣхать во Фландрію и занять королевскій престолъ. Браунъ съ радостію принялъ это предложеніе, ибо давно старался возвратить себѣ отцовскій тронъ, занятый тобою. Гинце, Изегримъ и Гримбартъ также присоединились къ его партіи, и въ одну темную ночь рѣшили умертвить короля и вѣнчать на его мѣсто въ Ахенѣ Брауна. Для этой цѣли мой отецъ, при помощи своего богатства, долженъ былъ собрать огромную армію. Я узналъ объ этомъ черезъ жену свою и, зная злой нравъ Брауна, предвидѣлъ печальную участь царства, а потому рѣшился разстроить этотъ замыселъ. Для этого я прежде всего долженъ былъ похитить у отца кладъ. Узнавъ, гдѣ онъ спрятанъ, я, съ помощью жены, мало-по-малу перетаскалъ его весь. Между тѣмъ мой отецъ объѣздилъ всѣ земли между Эльбою и Рейномъ, и щедрыми обѣщаніями собралъ огромное войско. Но когда, по возвращеніи домой, онъ не нашелъ клада, то отъ стыда и досады повѣсился. Такъ я пожертвовалъ отцомъ, чтобы спасти тебя, государь — и меня хотятъ повѣсить, между тѣмъ какъ лукавые враги твои, Браунъ и Изегримъ, засѣдаютъ въ твоемъ совѣтѣ!“

Между тѣмъ и король и королева желаньемъ
Кладъ присвоить себѣ возгорѣлись; оба къ сторонкѣ
Вдругъ отошли и позвали Лиса къ себѣ и спросили
Оба его въ одинъ голосъ: „Скажите, гдѣ кладъ вашъ хранится?
Намъ бы знать это очень хотѣлось.“ Лисъ отвѣчалъ имъ:
„Что жъ мнѣ за прибыль свой кладъ показывать вамъ, когда вами
Я на смерть осужденъ, когда вы вѣрите больше
Лютымъ злодѣямъ моимъ, разбойникамъ и душегубцамъ,
Лгущимъ вамъ безпощадно, чтобъ только лишить меня жизни?..“

Королева упросила короля простить Рейнеке, и Лисъ началъ разсказывать:

„Слушайте! есть на востокѣ отъ Фландріи страшная пустынь,
Въ ней одинокій лѣсокъ, по прозвищу Гистерло, — имя
Вы не забудьте, смотрите! Также есть тамъ колодезь,
Крекельборномъ зовется, близко они другъ отъ друга;
Вы ужъ отыщете вѣрно. Никто въ эти дикія страны
Не проходитъ по цѣлымъ годамъ. И живутъ-то тамъ только
Филинъ вмѣстѣ съ совою; вотъ тамъ-то кладъ свой зарылъ я,—
Крекельборномъ зовется то мѣсто, замѣтьте вы это.
Сами вы и ступайте туда съ супругой; нельзя тутъ
Ни на кого положиться: былъ бы страшный убытокъ;
Нѣтъ, посылать за себя я вамъ не совѣтую; лучше
Сами туда отправляйтесь. Когда Крекельборнъ вы пройдете,
Тотчасъ увидите двѣ березки—еще недалеко
Отъ колодца одна, такая кудрявая—къ нимъ-то
Такъ-таки вы и идите; подъ ними же будетъ и кладъ вашъ.

Ройте только прилежнѣй; прежде мохъ на кореньяхъ
Подъ руку вамъ попадется, а тамъ ужъ увидите тотчасъ
Кучи вещей драгоцѣнныхъ, искусно отдѣланныхъ, вмѣстѣ
Съ царской короной Эмриха... Исполнись желанье медвѣдя,
Онъ носилъ бы ее теперь на главѣ своей глупой...
Много на этой коронѣ найдете вы цѣнныхъ каменьевъ
И искусной рѣзьбы изъ разныхъ рѣдкихъ металловъ;
Нынѣ подобныхъ вещей не дѣлаютъ; кто ихъ и купитъ?
Да, государь, я увѣренъ, при взглядѣ на эти богатства,
Вы помянете добрымъ меня и помыслите вѣрно:
Честный Рейнеке-Лисъ! Ты, мудро подъ мохомъ зарывшій
Кладъ драгоцѣнный, о! будь благословенъ ты во вѣки,
Счастливъ будь, гдѣ бы ты ни былъ!" Такъ говорилъ лицемѣръ имъ.
Но король возразилъ: „Вы съ нами вмѣстѣ пойдете;
Какъ же иначе мѣсто найду я? Конечно, слыхалъ я
Много объ Ахенѣ, Кельнѣ, Любекѣ, также Парижѣ;
Но чтобъ Гистерло было на свѣтѣ, объ этомъ я, право,
Въ жизнь не слыхалъ, да и твой Крекельборнъ что-то въ ухо не лѣзетъ.
Ты ужъ не лжешь ли, смотри? не сочинилъ ли названья?"
И не понравилась Лису рѣчь королевская. „Я васъ —
Молвилъ — не къ Іордану за кладомъ шлю; недалеко
Онъ отюда лежитъ. Вы мнѣ не вѣрите точно?
Близко, опять подтверждаю, во Фландріи все и лежитъ-то.
Спросимъ кого-нибудь лучше; тамъ многіе, вѣрно, бывали.
Крекельборнъ, Гистерло! да, такъ точно они и зовутся."
Зайца онъ позвалъ потомъ: но тотъ, трепеща, колебался.
Рейнеке крикнулъ ему: „Иди же скорѣй и не бойся,
Васъ король призываетъ, хочетъ, чтобъ вы, подъ присягой,
Вами данной недавно, ему отвѣчали правдиво;
Такъ вотъ, скажите-ка намъ, когда вамъ только извѣстно,
Гдѣ лежитъ Крекельборнъ и Гистерло? ну-ка, скажите!"
Заяцъ имъ отвѣчалъ: „Какъ же! мнѣ это извѣстно.
Гистерло рядомъ лежитъ съ Крекельборномъ въ пустынѣ.
Есть тамъ лѣсочекъ; его-то и прозвали Гистерло: тамъ-то
Долго хромой Симонетъ съ шайкой своей пробивался,
Тайно фальшивыя деньги чеканя. Много и я тамъ
Горя терпѣлъ, голодая или дрожа на морозѣ,
Какъ отъ Рина-бульдога тамъ укрывался бывало."
Рейнеке прервалъ его: „Теперь вы можете снова
Стать съ другими въ ряды — довольно вы намъ ужъ сказали."
И король Лису молвилъ: „Вы на меня не пеняйте,
Если я сгоряча въ вашихъ словахъ усумнился:
Только ужъ вы постарайтесь меня довести прямо къ мѣсту."

Лисъ отвѣчалъ на это, что онъ, къ несчастію, отлученъ папою отъ церкви за свои грѣхи и долженъ прежде всего совершить очистительное путешествіе въ Римъ.

„Правда—король отвѣчалъ—не зналъ я твоихъ обстоятельствъ,
Если ты отлученъ, съ тобой мнѣ идти неприлично.
Заяцъ, иль другой кто, туда проводить меня можетъ.
И желанье твое себя покаяньемъ очистить
И отъ церковной опалы избавиться я одобряю,
Рейнеке. И потому дарую тебѣ позволенье
Завтра отправиться въ путь; въ этомъ тебѣ не мѣшаю.
Вижу, что обратиться къ добру ты истинно хочешь.
Богъ да поможетъ тебѣ окончить твое предпріятье!“
(*М. Достоевскій.*)

34. Греческая царевна Навзикая.

Одиссей достигъ Схеріи, земли Феакіянъ. Изнуренный долговременнымъ плаваньемъ по бурному морю, онъ крѣпко заснулъ на берегу, зарывшись въ кучѣ сухихъ листьевъ. Чтобы дать ему случай попасть въ домъ феакійскаго царя и получить средства для достиженія родины, богиня Аѳина устроила такъ: она полетѣла въ городъ Феакіянъ, вступила въ домъ царя Алкиноя, проникла въ спальню его дочери Навзикая и, принявъ на себя видъ одной изъ ея подругъ, сказала ей: „Видно, тебя беззаботною мать родила, Навзикая! Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ твой брачный день; ты должна и себѣ приготовить заранѣе платья, и тѣмъ, кто тебя поведетъ къ жениху молодому. Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ; мать и отецъ веселятся, любуяся нами. Проснись же, встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитеся всѣ вы утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе кончить. Не долго останешься ты незамужнею дѣвой; много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася. Встань и явися не медля къ отцу многославному съ просьбой: дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно взять всѣ повязки, покровы и разныя платья: чтобъ также ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла—то тебѣ неприлично:—путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно долгъ“. Давши царевнѣ такой совѣтъ, Аѳина вновь улетѣла туда, гдѣ обитали боги.

Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь, тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица близь очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ, нити пурпурныя тонко суча; а въ дверяхъ отворенныхъ встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ шелъ, приглашенный туда отъ знатныхъ мужей феакійскихъ. Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала: милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ дать мнѣ, чтобъ я въ ней, уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ много скопилось нечистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ. Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ нашихъ вельможъ, отличался своею опрят-

ной одеждой; пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ; два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ; въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ". Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей: дочка! ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же; дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую, быстроколесную: будетъ при ней для поклажи и коробъ. Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуясь, взяли они колесницу большую, ее снарядили, вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали. Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ. Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ, ей принесла: отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ. Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной рысью, везя нелѣниво и грузъ и царевну. За нею слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки. Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ. Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая. Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ. Начали платья онѣ полоскать и потомъ, до чиста ихъ вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ на берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали. Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ, весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой, влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу. Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала, пѣсню же стала сама бѣлокурая пѣть Навзикая. Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида многовершинный Тайгетъ и крутой Эврима нтъ обѣгаетъ, смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ; съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца, бѣгаютъ нимфы полей—и любуется ими Латона; всѣхъ пре-

вышаетъ она головой, и легко между ними, сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа. Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала царевна. Стали онѣ наконецъ собираться домой, въ колесницу муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.

Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство, какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна въ городъ людей феакійскихъ ему указала дорогу: бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но въ нихъ не попавши, онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ; громко онѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.

(*Жуковскій.*)

35. Свиданье Одиссея съ отцомъ.

Одиссей и сопутники, вышедъ изъ града, поля достигли, которое самъ обработывалъ добрый старецъ Лаэртъ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владѣя. Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ: отовсюду широкимъ навѣсомъ домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ спали; была между ими старушка породы Сикельской: старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно.

Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ: всѣ вы теперь совокупно войдите во внутренность дома. Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте; я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ, буду-ль имъ узнанъ, меня угадаютъ ли старцевы очи, или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомецъ? Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ и поспѣшно въ домъ съ Телемакомъ вступили они. Одиссей же направилъ путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтить надѣясь Лаэрта. Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Долiона и не было также тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Доліоновыхъ; посланы были всѣ они въ поле терновникъ сбирать для заграды садовой; съ ними пошелъ и старикъ Доліонъ указать имъ дорогу. Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный встрѣтилъ; онъ тамъ подчищалъ деревцо; былъ одѣтъ неопрятно; платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачьей, наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ онъ защищалъ рукавицами; шлыкъ изъ потертейся козьей шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя. Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый. Онъ при-

таился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаніи, стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что сдѣлать: вдругъ ли открывшись, ко груди прижать старика и, цѣлуя руки его, объявить о своемъ возвращеньи въ Итаку? Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу? Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напослѣдокъ, что лучше опыту старца притворно-обидною рѣчью подвергнуть. Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту. Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой. Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный: старецъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ: садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься деревѣ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды лозъ виноградныхъ и гряды цвѣточныя—все здѣсь въ приборѣ. Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно, старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопрятно; ужъ вѣрно твой господинъ до тебя такъ недобръ не за лѣность въ работѣ. Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ; царское что-то и въ видѣ и въ станѣ твоемъ нахожу я; болѣ подобенъ ты старцу, который, омывшись, насытясь, спитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично. Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая: кто господинъ твой? За чьимъ плодоносным ты садомъ здѣсь смотришь? Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать: вправду-ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшій? Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора весть не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ, нѣкогда принятомъ мною, его разспросить попытался: живъ ли и здѣсь ли еще, или ужъ въ область Аида сошелъ онъ? Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу я: давно ужъ мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ странъ приходило ко мнѣ: но такой между ими разумный мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки, Аркезіада Лаэрта, молвою-хвалимаго, сыномъ. Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ онъ съ дружелюбною роскошью—много запасовъ имѣлъ я въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи: золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ; далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами, съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ вседневныхъ мантій и къ верх-

нимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ; кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣльныхъ невольницъ; были онѣ молодыя, красивыя, самъ онъ ихъ выбралъ. Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею: странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ желаешь свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди. Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки; еслибъ въ Итакѣ живымъ своего ты давнишняго гостя встрѣтилъ, тебя отдарилъ бы онъ такъ-же богато, принявши въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга дарили. Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая: сколько съ тѣхъ поръ миновалось лѣтъ, какъ въ своемъ угощалъ ты домѣ несчастнаго странника? Странникъ же былъ сынъ мой, сынъ Одиссей—злополучный! быть можетъ, далеко отъ милой родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояднымъ достался въ добычу; матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ погребенъ и оплаканъ; и не былъ дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести. Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать: Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто твой отецъ? Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку? Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ, какъ попутчикъ, къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ онъ? Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: если ты знать любопытствуешь, все разскажу по порядку; я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ; Полипимонидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой; имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный демонъ противъ желанья меня, отъ Сиканіи плывшаго, бросилъ; свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ. Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять совершилось лѣтъ, какъ, мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился; весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой: часто видаться, другъ другу подарками радуя сердце. Такъ говорилъ Одиссей, и печаль отуманила образъ старца; и, прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осыпалъ. Сердце у сына въ груди повернулось и, спершись, дыханье кинулось въ ноздри его — онъ сраженъ былъ родителя скорбью. Бросясь къ нему, онъ, его обхватя и цѣлуя, вос-

кликнулъ: здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою, волей боговъ возвратившійся въ землю отцовъ черезъ двадцать лѣтъ; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы. Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ жениховъ многобуйныхъ, мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды. Кончилъ. Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею: если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся—вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье. Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный: прежде тебѣ укажу я на этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ ногу, ты помнишь, клыкомъ кабанъ разъяренный на Парнассѣ; былъ же туда я тобою и милою матерью посланъ къ Автоликону, отцу благородному матери, много (насъ посѣтивъ) посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ. Если желаешь, могу я тебѣ перечесть и деревья въ саду, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды, бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ. Самъ ты, деревья даря, поименно мнѣ каждое назвалъ: далъ мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять отборныхъ яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноградныхъ лозъ обѣщалъ, приносящихъ весь годъ многосочные грозды; крупныя-жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой иль пурпурный, блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса. Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна и сердце у старца; всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ, милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный; но напослѣдокъ, когда возвратились и память и силы, голосъ возвысилъ и, взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ: слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ мстящіе боги, когда беззаконники вправду погибли. Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется въ градѣ скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ городамъ кефаленскимъ. Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: будь беззаботенъ: не этимъ теперь ты тревожиться долженъ. Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда; я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обильный. Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой сынъ и отецъ; и, когда напослѣдокъ вступили въ красивый домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ, съ старымъ Эвмеемъ, состряпавъ пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино разливали.

Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши, тѣло его благовоннымъ елеемъ натерли, чистою мантіей плечи его облекли; а Аѳина, тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ, сдѣлала тѣломъ полнѣй и лицу придала моложавость. Вышелъ изъ бани онъ свѣтелъ. Отца подходящаго видя, сынъ веселился его красотою, божественно чистой. Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово: о, родитель! конечно одинъ изъ боговъ олимпійскихъ такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой! Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный: еслибъ —о, Дій громовержецъ! о, Фебъ Аполлонъ! о, Аѳина! — былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ кефаленскою ратью Нериконъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ, если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился, броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ, — сокрушилъ бы колѣна многихъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцомъ, веселился. Такъ говорили они, бесѣдуя сладко другъ съ другомъ. Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ и сѣвши вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ, весело подняли руки они къ приготовленной пищѣ. Скоро съ работы пришелъ и старикъ Долiонъ съ сыновьями; звать ихъ за столъ къ нимъ на встрѣчу рабыня Сикельская вышла. (Всѣхъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцомъ ихъ, слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ пеклася). Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданнаго гостя, всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста. Ласково къ нимъ обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный: что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленіе ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы возвратились съ работы. Такъ онъ сказалъ. Долiонъ, подбѣжавъ къ своему господину, руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ; взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово: здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ дали боги тебя, а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья не было! Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою. Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать, далъ ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ знать о своемъ возвращеньи? Иль вѣстника должно послать къ ней? Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный: сказано все ей, старикъ; не заботься объ этомъ напрасно. Такъ отвѣчалъ Одиссей. Долiонъ помѣстился на гладкомъ стулѣ. Его

сыновья, своему поклонясь господину, съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать сѣли съ другими за столъ близь отца своего Доліона. Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта. (*Жуковскій.*)

36. Пріамъ у Ахиллеса.

Пріамъ, съ колесницы стремительно прянувъ на землю,
Тамъ оставляетъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя
Коней и месковъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
Гдѣ Ахиллесъ находился божественный. Тамъ Пеліона
Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдаленьи сидѣли: но двое,
Отрасль Арея Алкимъ и смиритель коней Автомедонъ,
Близко стоя, служили; недавно онъ вечерю кончилъ,
Пищу вкусивъ и питья, и предъ нимъ еще столъ оставался.
Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ покой и, Пелиду
Въ ноги упавъ, обмываетъ колѣна и руки цѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
Такъ если мужъ, преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ и къ другому народу приходитъ
Къ сильному въ домъ — съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ:
Такъ изумилися всѣ, и одинъ на другаго смотрѣли.
Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:
„Вспомни отца своего, Ахиллесъ безсмертнымъ подобный,
Старца такого жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
Можетъ быть, въ самый сей мигъ, и его окруживши, сосѣды
Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.
Но по крайней онъ мѣрѣ что живъ ты, и зная и слыша,
Сердце тобой веселитъ, и вседневно льстится надеждой
Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ градъ нашъ и гражданъ;
Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
Выкупить тѣло его, приношу драгоцѣнный я выкупъ.
Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!“
Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ, знаменитаго сына,

Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла,
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами
И желаніе плакать отъ сердца его отступило, —
Быстро возсталъ онъ, и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;
Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:
„Ахъ, злополучный: много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
Сердцу крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служитъ.
Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
Двѣ глубокія урны стоятъ передъ прагомъ Зевеса,
Полны даровъ: счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
Смертный, которому ихъ посылаетъ смѣсивъ Громовержецъ,
Въ жизни своей перемѣнно и горесть находитъ и радость;
Тотъ же, кому онъ несчастный пошлетъ, поношенію преданъ;
Нужда, грызущая сердце, вездѣ по землѣ его гонитъ:
Бродитъ несчастный, отринутъ безсмертными, смертными презрѣнъ.
Такъ и Пелея — дарами осыпали свѣтлыми боги
Съ юности нѣжной; украшенный выше сыновъ земнородныхъ
Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучій мужей Мирмидонскихъ,
Смертный, супругой богиню пріялъ отъ руки онъ безсмертныхъ.
Богъ и ему ниспослалъ злополучіе: онъ не имѣетъ
Въ домѣ своемъ поколѣнія, сына, наслѣдника царства.
Сынъ у Пелея одинъ, кратковѣчный; но я и донынѣ
Старца его не покою; а здѣсь, отъ отчизны далеко,
Здѣсь я въ Троадѣ сижу, и тебя и твоихъ огорчаю.
Самъ ты, о старецъ, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде.
Сколько народовъ вмѣщали обитель Макарова, Лезбосъ,
Фригія, край плодоносный, а здѣсь Геллеспонтъ безконечный:
Ты, среди всѣхъ, говорятъ, и богатствомъ блисталъ и сынами.
Но, какъ бѣду на тебя ниспослали небесные боги,
Около Трои твоей неумолкная брань и убійство.
Будь терпѣливъ, и печалью себя не круши безпрерывной.
Ты ничего не успѣешь, о сынѣ печаляся; плачемъ
Мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!“
Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Нѣтъ, не сяду я, Зевсовъ любимецъ, доколѣ мой Гекторъ
Въ кущѣ лежитъ, погребенью не преданный! Дай же скорѣе,
Дай симъ очамъ его видѣть, а самъ ты прими искупленье:
Мы принесли драгоцѣнное. О! насладись имъ, и счастливъ
Въ край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь

Старцу мнѣ бѣдному жить и солнца сіяніе видѣть!"
Грозно взглянувъ на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Старецъ, не гнѣвай меня! Разумѣю и самъ я; что должно
Сына тебѣ возвратить; отъ Зевса мнѣ вѣсть приносила
Матерь моя среброногая, Нимфа морская Ѳетида.
Чувствую, что и тебя — отъ меня ты, Пріамъ, не сокроешь,—
Сильная бога рука провела къ кораблямъ Мирмидонскимъ.
Нѣтъ, не осмѣлился бъ смертный, и младостью пылкой цвѣтущій,
Въ станъ нашъ вступить; ни отъ стражей недремлющихъ онъ бы не скрылся,
Ни засововъ легко бъ на воротахъ моихъ не отдвинулъ.
Смолкни, и болѣе мнѣ не волнуй ты болящаго сердца;
Или страшись, да тебя, не взирая, что ты и молитель,
Въ кущѣ моей я не брошу, и Зевсовъ завѣтъ не нарушу".
Такъ говорилъ; устрашился Пріамъ, и покорный умолкнулъ.
Сынъ же Пелеевъ какъ левъ изъ обители бросился въ двери,
Но не одинъ, за царемъ устремилися два изъ клевретовъ,
Сильный Алкимъ и герой Автомедонъ, которыхъ межъ друговъ
Болѣе всѣхъ Пеліонъ почиталъ, по Патроклѣ умершемъ.
Быстро они отъ ярма отрѣшили и коней и месковъ;
Въ кущу ввели и глашатая старцева; тамъ посадивши
Мужа на стулѣ, поспѣшно съ красиваго царскаго воза
Собрали весь многоцѣнный за голову Гектора выкупъ;
Двѣ лишь оставили ризы и тонкій хитонъ хитротканный,
Съ мыслью, чтобъ тѣло покрытое въ домъ отпустить отъ Пелида.
Онъ же, вызвавъ рабынь, повелѣлъ и омыть, и мастями
Тѣло намазать, но тайно, чтобъ сына Пріамъ не увидѣлъ.
Онъ опасался, чтобъ гнѣвомъ не вспыхнулъ отецъ огорченный,
Сына узрѣвъ, и чтобъ самъ онъ тогда не подвинулся духомъ
Старца убить, и нарушить священные Зевса завѣты.
Тѣло рабыни омыли; умаслили мастью душистой,
Въ новый одѣли хитонъ и покрыли прекрасною ризой;
Самъ Ахиллесъ и поднялъ и на одръ положилъ Пріамида.
Но друзья совокупно на блещущій возъ положили.
Онъ же тогда возопилъ, именуя любезнаго друга:
„Храбрый Патроклъ, не ропщи на меня ты, ежели слышишь
Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитаго Гектора тѣло
Выдалъ отцу: непрезрѣнными онъ заплатилъ мнѣ дарами.
Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю".
Такъ произнесъ и подъ сѣнь возвратился Пелидъ благородный;
Сѣлъ на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,
Противъ Пріама стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:
„Сынъ твой тебѣ возвращенъ, какъ желалъ ты, божественный старецъ;
Убранъ лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
Время тебѣ остается оплакать любезнаго сына,
Въ Трою привезши: тамъ для тебя многослезенъ онъ будетъ".
(Они ужинаютъ, и потомъ идутъ спать).

Всѣ, и безсмертные боги, и коннодоспѣшные мужи,
Спали цѣлую ночь, усмиренные сномъ благодатнымъ.
Гермеса токмо заботнаго сонъ не осиливалъ сладкій,
Думы въ умѣ обращавшаго, какъ Дарданида Пріама
Вывесть изъ стана, привратнымъ не зримаго стражамъ священ-
нымъ.
Ставъ надъ главою Пріамовой, такъ возгласилъ Эріуній:
„Ты не радишь объ опасности, старецъ, и такъ беззаботно
Спишь у враждебныхъ мужей, пощаженный Пелеевымъ сыномъ!
Многіе далъ ты дары, чтобы выкупить мертваго сына;
Но за живаго тебя троекратной цѣною заплатятъ
Дѣти твои, у тебя остающіясь, если узнаетъ
Царь Атреіонъ о тебѣ и Ахейцы другіе узнаютъ“.
Такъ провѣщалъ; ужаснулся Пріамъ, и глашатая поднялъ.
Гермесъ мгновенно запрягъ имъ и коней и месковъ яремныхъ;
Самъ черезъ станъ ихъ быстро прогналъ, и никто не увидѣлъ.
Но лишь достигнули путники брода рѣки свѣтловидной,
Ксанѳа пучиннаго, богомъ рожденнаго, Зевсомъ безсмертнымъ,
Тамъ благодѣтельный Гермесъ обратно вознесся къ Олимпу.
Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею;
Древній Пріамъ, и стенящій и плачущій, гналъ къ Иліону
Коней, а housки везли мертвеца... (*Гнѣдичъ*).

33. Добрый день Степана Михайловича Багрова.

Въ исходѣ іюля стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову

изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ храпятъ, собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ, но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, а всякій читатель вправѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ...“ Но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье — и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки.“ Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю.—Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно, а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и по-

чесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ ничего въ этомъ неопрятнаго, напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой,“ выводилъ, одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились на небѣ, щебетали и пѣли ласточки и косаточки, звонко били перепела въ поляхъ, разсыпались въ воздухѣ пѣсни жаворонковъ, надсѣдаясь хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистываніе погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!.. Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужики въ поле... Захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакивали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню,—чаю!“ Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ,

накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная (что было нужно въ иное утро) а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: „какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?" Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее.

— „Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!" заговорилъ Степанъ Михайловичъ: „покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?" Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что, которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Елизаветой и Александрой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два; дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень неглупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ зналъ наизусть; онъ зналъ и то, что дочери готовы его обмануть при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ

думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ безъ пощады въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: „Лошадь!“ и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ—уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то-есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой*, и, надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста, да картузъ, и подостлавъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „маренниками“; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла, какъ стѣна: дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаренным десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое не тронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все

шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого родился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощію Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Несмотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша", весело сказалъ дѣдушка:—„какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка". Бабушка растаяла отъ радости. „На половину поспѣла", продолжалъ онъ: „съ завтрашняго дня посылать по ягоды". Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. „А, готово!" еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: „спасибо", и, не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно,—чтобъ кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтымъ какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищеными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось

въ-пятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо; а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ въ погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, — Мазанъ указалъ на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое слово его было: „студеной бражки!" Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и чтожъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми, и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ, и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться; но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой..." договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ, да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи и—только разсмѣялся. Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобы позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія выдали замужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. И Багрову, круглую, но очень богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные, его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тяжесть жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидавшую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись досыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть въ плотинѣ червячковъ и наса-

живать ими удочки у барышенъ. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла со Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить въ глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жерноловъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки; — и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду, мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась". —„То-то, маленько", безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: „какъ бы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась." — „Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ."— „Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука". Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили на воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки),— и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своею дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольцу, знакомому Мордвину: „чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного не отолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше." Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на

птичій дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полу-пуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана (прозванье Горожаны она имѣла потому, что нѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ) хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ.—„Пора, Ариша, домой; староста, чай ждетъ меня", сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что чрезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣро-

ятно, кушали за нимъ даже плотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставилъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они не шутя колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, досыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, несмотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ. (*С. Аксаковъ*).

38. Нормандскій обычай.

Рыбачья хижина на берегахъ Нормандіи. Бальдеръ, *мореходецъ;* Рихардъ, *рыбакъ;* Торильда.

Бальдеръ. Твое здоровье, мой хозяинъ добрый. Признаться ли? Я благодаренъ бурѣ, занесшей насъ въ спокойный твой заливъ: давно такимъ радушнымъ угощеньемъ, у свѣтлаго огня, въ пріютѣ мирномъ, порадованъ я не былъ.

Рихардъ. Въ добрый часъ; доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь? Но вдвое намъ по сердцу гость такой, какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ, изъ коихъ въ старину приплыли наши отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ такъ много славнаго сохранено въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ. Но долженъ я тебѣ, мой благородный гость, объявить, что есть у насъ обычай, по коему здѣсь каждый иноземецъ, кто-бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій, за угощенье платитъ.

Бальдеръ. Радъ исполнить я вашъ обычай; мой корабль, стоящій на якорѣ въ заливѣ, полонъ рѣдкихъ товаровъ, собран-

ныхъ по берегамъ земель полуденныхъ: есть золотые плоды, есть вина сладкія, есть птицы, плѣняющія взоръ блистаньемъ перьевъ; и кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть: двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ. Меня не понялъ ты, мой гость почтенный: нормандскій нашъ обычай не таковъ: здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу, имѣетъ право требовать, чтобъ гость иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ, и въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платитъ. На старости держусь я старины, люблю я пѣсни, сказки и преданья. Исполни-жъ нашъ обычай, добрый гость.

Бальдеръ. Иная сказка сладостнѣе вина, душистѣй плода, пестрѣе птицы; и часто звукъ старинной бранной пѣсни, какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плѣняетъ нашъ слухъ: и такъ не вовсе я ошибся. Хоть въ памяти не много у меня разсказовъ, но почтить такой похвальный обычай я готовъ. Вотъ что недавно на палубѣ, въ морскую тишину, намъ при лунѣ одинъ изъ корабельныхъ товарищей разсказывалъ.

Рихардъ. Но прежде еще по кубку выпьемъ (*Пьютъ*). Начинай.

Бальдеръ. Два сѣверныхъ породы славной графа, друзья изъ младости, переплывали моря на корабляхъ своихъ союзныхъ; и много битвъ на сушѣ и водахъ, и много бурь они видали вмѣстѣ; и много разъ, на югѣ и востокѣ, у береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь, другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили. Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ, наслѣдіи отцовскомъ, поселились, и имъ одну печаль послало Небо: они супругъ любимыхъ схоронили, почти въ одно лишась ихъ время; горе тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада осталась имъ въ печали ихъ глубокой: у одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый, другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ союзомъ утвердить святую дружбу, чтобъ вѣчная осталась память ей, отцы дѣтей рѣшились сочетать, и ихъ они тогда же обручили. И дѣвочкѣ и мальчику на шею, на легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ, были повѣшены два перстня дорогихъ: въ одномъ изъ перстней былъ сапфиръ, какъ очи невѣстины, лазурный, а въ другомъ былъ камень, розовый, какъ молодыя, румяныя ланиты жениха.

Рихардъ. Былъ камень розовый, ты говоришь, въ кольцѣ невѣсты?

Бальдеръ. Да, большой рубинъ. Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко вла-

дѣлъ мечомъ, и могъ ужъ обуздать коня; не для тревогъ морскихъ отецъ его готовилъ; онъ былъ долженъ замки и области наслѣдственныя предковъ могучею рукою защищать. Невѣста же была младенецъ лѣтъ четырехъ: еще не покидала она своей пріютной колыбели; усердная за ней смотрѣла няня. Но что-жъ случилось? Былъ прекрасный день весенній; на берегъ морской изъ замка съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты и камешки блестящіе сбирали онѣ на берегу: малютка ими играла; море было тихо; свѣжій весенній вѣтерокъ едва касался прозрачныхъ водъ; и солнце въ нихъ сверкало, и отблескъ волнъ пріятно трепеталъ на свѣжей зелени. Челнокъ рыбачій привязанъ былъ у берега; цвѣтами душистыми наполнивши его, прислужницы малютку уложили въ цвѣты, и отвязавъ веревку, тихо на плещущихъ кругомъ волнахъ качали челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ веревка непримѣтно изъ руки, ее державшей, ускользнула въ воду, и легкою волною откачнуло челнокъ отъ берега; хотятъ его схватить, но до него уже не можетъ достать рука; море, сколь ни тихимъ казалось оно дотолѣ, тянетъ какою-то невидимою силой его впередъ; дитя, въ цвѣтахъ играя, смѣется, слышенъ крикъ его веселый, а женщины на берегу подъемлютъ отчаянные вопли. Въ это время женихъ, — пріѣхавшій съ своей малюткою невѣстой повидаться, на конѣ по ближнему береговому лугу скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался, и свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду погналъ коня, дабы поймать челнокъ. Но холодъ волнъ почувствовавши, конь сталъ на дыбы и бросился назадъ, и сѣдока умчалъ съ собой обратно. А между тѣмъ челнокъ все далѣ, далѣ; вотъ наконецъ изъ тихаго залива онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ, и скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ въ открытомъ морѣ.

Рихардъ. Бѣдное дитя, спаси тебя хранитель ангелъ твой!

Бальдеръ. Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ; а къ вечеру перемѣнился вѣтеръ и всю ту ночь свирѣпствовала буря. Вотъ наконецъ, по долгомъ и напрасномъ исканіи, нашли пустой рыбачій челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ. Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость? Ты дышешь тяжело, ты весь въ лицѣ перемѣнился!

Бальдеръ. Нѣтъ. Послушай далѣ. Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ-женихъ коня и прилѣпился къ тяжкимъ морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, бурю, бросался въ волны и боролся съ моремъ, и руку пріучалъ владѣть кормиломъ; и наконецъ, ставъ юношей могучимъ, онъ корабли вооружилъ и въ море пустился... на землѣ его надеждѣ уже ничто не льстило; ни одна красавица окрестныхъ замковъ сердца его не трогала; онъ обрученъ былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ, пожравшимъ все его земное счастье. Тамъ въ глубинѣ его невѣста, тамъ былъ обручальный перстень. Главный корабль свой онъ украсилъ парусами пурпурными и рѣзьбой золотою, какъ брачному прилично кораблю.

Рихардъ. Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ, какъ твой, на якорѣ стоящій въ заливѣ?

Бальдеръ. Можетъ быть. На этомъ брачномъ, могучемъ кораблѣ онъ претерпѣлъ не мало бурь; и волны, громы, вихри не разъ ему привѣтственныя пѣсни, въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли; не мало битвъ морскихъ онъ совершилъ; и знаютъ всѣ на сѣверѣ его подъ страшнымъ именемъ; когда въ бою, сцѣпивъ корабль свой съ кораблемъ врага, на палубу его съ мечомъ подъятымъ взбѣгаетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда! пропали мы! *Женихъ морской*, помилуй!—Я кончилъ свой разсказъ.

Рихардъ. Благодарю; мнѣ старику расшевелилъ онъ душу. Но, кажется, недостаетъ конца разсказу твоему. Кто можетъ знать, погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ? Попасться могъ навстрѣчу челноку корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ челнокъ; иль быть могло принесено дитя на островъ, моему подобный; и люди добрые могли его найти; и можетъ быть, подъ ихъ надзоромъ малютка выросла, и можетъ быть, она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ. Искусно ты досказываешь сказки. Но твой теперь чередъ; я готовъ слушать.

Рихардъ. Я въ старину знавалъ преданій много о рыцаряхъ, о герцогахъ нормандскихъ; любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *безстрашный*, который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ, и по лѣсу гулялъ въ глухую полночь, сражаясь съ нечистыми духами. Но память у меня теперь плоха, и въ головѣ отъ старости все смутно; и такъ не взыщешь ты, когда, намѣсто меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатитъ питомица моя, та молодая красавица, которая сидитъ въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и

сѣти мои чинить при свѣтѣ ночника. Она поетъ какъ соловей, и много прекрасныхъ пѣсенъ знаетъ. Не дичись, Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню про дѣвицу красавицу и перстень, что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій; я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда *поетъ:*
Тихой утренней порою
Надъ прозрачною водою
Дѣва съ удочкой сидитъ
И на удочку глядитъ.
Ждетъ... но удочка не гнется,
Волосокъ не шевельнется,
Неподвиженъ поплавокъ,
Не беретъ въ водѣ крючокъ.
И она, прождавъ напрасно,
Надѣваетъ свой прекрасной
Съ камнемъ алый перстенекъ
На приманчивый крючокъ.
Вдругъ вода зашевелилась,
И на удочкѣ явилась
У другаго перстенька
Бѣлоснѣжная рука.
И съ рукою бѣлоснѣжной,
Видомъ бодрый, взглядомъ нѣжной,
Надъ равниной водяной
Всплылъ красавецъ молодой.
Дѣва очи опустила:
„Не тебя въ волнахъ ловила
„Я, красавецъ молодой;
„Возврати мнѣ перстень мой.“—
Дѣва съ ясными очами,
Рыбу ловятъ не перстнями;
Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
Буду твой, ты будь моя.

Бальдеръ. Что слышу? Чудный, таинственный голосъ! Какое тамъ небесное лицо, горящее застѣнчивымъ румянцемъ, сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ и предо мной опять животворитъ минувшіе младенческіе годы? Что вижу? Розовый знакомый камень въ златомъ кольцѣ на пальцѣ у нея? Такъ, это ты, погибшая невѣста! А я... я твой женихъ, женихъ морей; вотъ мой сапфиръ, твоимъ очамъ подобный; а тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

Рихардъ. Я угадалъ развязку, добрый витязь. Она твоя; возьми свою невѣсту, сокровище, мнѣ посланное Небомъ. Храни ее могучею рукою: въ ней вѣрное прижмешь ты къ сердцу сердце.

(*Жуковскій*).

39. Ивиковы журавли.

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.

Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.
„О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый,
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
Бѣду отъ странничьей главы".
И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой...
И зритъ убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ мирными струнами,
Напрячь онъ лука не успѣлъ.
Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей!"
И онъ боролся ужъ съ кончиной...
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно стенящій гласъ.
„Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову!
Да грянетъ привлеченный вами,
Зевесовъ громъ на ихъ главу!
И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ!"
И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;

Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ: „старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!"
Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто-жъ—разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.
Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладонъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.
И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.
По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.
Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ,

И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И, свитыя межъ ихъ власовъ,
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.
И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:
„Блаженъ, кто не знакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ:
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы.
„Не мните скрыться—мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ—веселье намъ:
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ".
И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель—зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ—
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.
И все, и все еще въ молчаньѣ...
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парееній, слышишь?... Крикъ вдали:

„То Ивиковы журавли!..“
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ—черной полосою
Станица журавлей летитъ.
„Что? Ивикъ!“ Все восколебалось—
И имя Ивика промчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
„Нѣтъ, добрый Ивикъ! нашъ, сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?“
И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ.
То Эвменидъ ужасныхъ судъ;
Отмщенье за пѣвца готово:
Себѣ преступникъ измѣнилъ....
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ.“
И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Внезапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть была ихъ приговоръ. *(Жуковскій.)*

40. Графъ Габсбургскій.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;
Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ,
Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и порфирѣ.
Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей чиномъ,
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.
Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена,

Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота,
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
„Все царскій мой духъ восхищаетъ;
Но гдѣ-жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
„Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
„Игрой и благимъ поученьемъ?
„Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
„Днесь кесарь, покину-ль обычай святой
„Пиры услаждать пѣснопѣньемъ!“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходитъ, одѣянъ таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце манитъ....
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“

Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой,
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель):
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута ему повелитель!
По воздуху вихорь свободно шумитъ:
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ,
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
И слѣдомъ священникъ съ дарами.

И набожный графъ, умиленный душой,
  Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
  Предъ Тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
  Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь дары отдаетъ
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
  Съ священною ношею въ воду.

„Куда?“ изумившійся графъ вопросилъ.
  — Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
  Спѣшу обнаженной стопою. —

И пастырю витязь коня уступилъ,
  И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
  Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Приходитъ ко графу, смиренно коня
  Ведя за узду золотую.

„Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Чтобъ конь сей ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
  Отнынѣ Тому, чье даянье
Всѣ блага земныя, и сила, и честь;
Кому не помедлю на жертву принесть
  И силу и честь и дыханье.“

— Да будетъ же вышній Господь надъ тобой
  Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь Онъ почтенъ былъ тобою;

Гельвеція славой сіяетъ твоей,
И шесть разцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ;
Да славятся въ роды и роды."

И въ думѣ главу императоръ склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось.
Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —
И таинство словъ объяснилось:
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой;
И слезы, изъ глазъ побѣжавши струей,
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ....
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

(*Жуковскій*).

41. Пѣвецъ.

„Чей голосъ звонкій на мосту
Я слышу у воротъ?
Пускай пѣвецъ мнѣ пѣсню ту
Здѣсь въ залѣ пропоетъ!
Король сказалъ, пажи бѣгутъ,
Пѣвца въ чертогъ къ нему зовутъ:
— „Сюда, старикъ, сюда!"

— „Привѣтъ мой знатнымъ господамъ!
Тебѣ — красавицъ строй!
Какъ въ небѣ звѣздъ — одна къ одной —
Не счесть по именамъ!
Чертогъ залитъ огнями весь:
Сомкнись, мой взоръ! Не время здѣсь
Восторгу предаваться!"

И онъ запѣлъ; струна звучитъ....
Съ отвагой рыцарь прямо,
Внимая пѣнью, въ даль глядитъ,
Склонили взоръ свой дамы.
Король доволенъ пѣснью той,
И хочетъ цѣпью золотой
Почтитъ его за пѣнье.

— „Златой цѣпи не надо мнѣ:
Цѣпь — рыцарю награда;
Суровый врагъ въ стальной бронѣ
Его трепещетъ взгляда.
Ту цѣпь на канцлера надѣнь:

Ярмо онъ носитъ ночь и день —
Пусть носитъ — золотое!

„Пою, какъ птица межъ вѣтвей,
Вольна и солнцу рада,
И пѣсни звукъ въ груди моей
За пѣсни мнѣ награда.
Просить — прошу лишь объ одномъ:
Наполни кубокъ мнѣ виномъ,
Да лучшій, золотой!“

И выпилъ кубокъ онъ до дна:
„Вино — услада наша!
Блаженъ тотъ замокъ, гдѣ вина
Полна для гостя чаша!
Въ минуту радости, пѣвца
Вы сердцемъ помяните,
И какъ я — васъ, такъ вы — Творца
За даръ благодарите!“ (*К. Тимофеевъ*).

42. Сраженіе съ змѣемъ.

Что за тревога въ Родоссѣ? Всѣ улицы полны народомъ, мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый: за рыцаремъ тащатъ мертваго змѣя съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя. „Вотъ!“ говорятъ: „посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу. Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель: слава ему“. И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно рыцарь подходитъ къ престолу Магистера: шумной толпою ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши голову, юноша такъ говорить начинаетъ: „Владыка! рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родосса, мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло могутъ стада выгонять пастухи; на молитву можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику Дѣвы Пречистой ходить.“ Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ строгій Магистеръ: „Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй: въ чемъ обязанность рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ крестъ Іисуса Христа на плечахъ?“

То зрители внемля, всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: первый рыцарскій долгъ есть покорность.—„И рыцарскій долгъ сей нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ: ты мной запрещенный подвигъ дерзнулъ совершить.“ — Владыка, сперва благосклонно выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ рыцарей нашего ордена, честь христіанства, погибли въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ; мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали бѣдствія гибнущихъ братій; стремленьемъ спасти ихъ томимый, днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья съ змѣемъ, и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *дерзай!* и дерзнулъ я.

Вотъ что я мыслилъ: „Ты рыцарь: однихъ ли враговъ христіанства долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое: быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ, грозныхъ чудовищъ разить: но дерзкою силой искусство, мужествомъ мудрость должны управлять.“ И въ такомъ убѣжденьи долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства, какъ мнѣ врага побѣдить; наконецъ вдохновеніе свыше душу мою просвѣтило: найдено средство! сказалъ я въ радости сердца. Тогда у тебя позволенье, владыка, я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно было тебѣ меня отпустить. Переплывъ безопасно море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ врѣзался въ память мою: на короткихъ лапахъ громадой тяжкое чрево лежало; хребетъ, чешуею покрытый, круто вздымался; на длинной, гривистой шеѣ, торчала, пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовыя, вдругъ обхвативъ ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.

Все учредивши, двухъ собакъ могучихъ и къ бою съ дикимъ быкомъ пріученныхъ я выбралъ и мнимаго змѣя ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.

Самъ же, сидя на конѣ благородной Арабской породы, я устремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки: но наконецъ побѣдило мое постоянство ихъ робость.

Такъ совершились три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій день какъ присталъ я къ Родоссу.

О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить дѣло начатое, слугъ моихъ я зову, и ученыхъ взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись, ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню, къ коей отвсюду приходитъ молиться народъ: на утесѣ въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами; трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.

Тамъ у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сіянью дня, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ: горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры врагъ исторгался, добычу ловилъ, и ее въ свой глубокій логъ увлекалъ на пожранье. Въ ту часовню Пречистой Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье, Таинъ Святыхъ причастился; потомъ, сошедши съ утеса, латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье, и раздавъ приказанья спутникамъ (коимъ велѣлъ дожидаться меня близь часовни), сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу душу мою, и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почуявши змѣя, подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ: блещущимъ свившися клубомъ, вблизи онъ грѣлся на солнцѣ.

Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшись быстро, вдругъ онъ разинулъ огромныя челюсти, ихъ ядовитымъ обдалъ дыханьемъ и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.

Крикъ мой собакъ ободрилъ: онѣ вцѣпилися въ змѣя.

Сильной рукой я бросаю копье; но, ударясь въ чешуйный, крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло; новый ударъ я спѣшу нанести, но испуганный конь мой бѣшено сталъ на дыбы; раскаленныя очи, зіянье пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье пѣшій вступилъ

съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно колетъ и рубитъ —какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись, сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня: но въ это игновенье въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки.

Взвылъ онъ отъ боли, и бѣшено началъ кидаться.... напрасно! Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ; я поспѣшно на ноги сталъ, и бросился къ нимъ, и мечъ мой вонзился весь во чрево чудовища: хлынула чернымъ потокомъ кровь: согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь, и, тяжкимъ тѣломъ меня задавивши, издохъ надо мною. Не помню, долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ; глаза открываю: слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ.“

Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раздалися громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула рукоплесканій, и самые рыцари ордена вмѣстѣ съ шумной толпой возгласили: „хвала!“ Но Магистеръ, строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали.

Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: „змѣя, долго Родоссъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный рыцарь; но, богомъ явяся народу, врагомъ ты явился нашему Ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй, отравитель воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья, недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ можетъ и врагъ ненавистный Христа, мамелюкъ; но покорность есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель, Богъ Всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку, тамъ въ старину основали отцы нашъ Орденъ священный; тамъ, облачася Крестомъ, на себя они возложили долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.* Суетной славой ты былъ обольщенъ—удались; ты отнынѣ нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ, тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать недостоинъ.“ Такъ Магистеръ сказалъ, и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся громкій ропотъ, и рыцари Ордена сами владыку стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ очи, снялъ епанчу, у Магистера строгую руку поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами, гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ голосомъ кликнувъ, сказалъ: „обними меня, мой достойный сынъ: ты побѣду теперь одержалъ,

труднѣйшую первой. Снова сей Крестъ возложи: онъ твой; онъ награда смиренью". (*Жуковскій.*)

43. Бедуинъ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; имамы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія: ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія; бури не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды Аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ прибытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Евфрату, рѣкѣ современной міру. При пѣніи стиховъ изъ Алкорана, переправились черезъ нее молельщики, и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану Бедуинъ на прекрасной вороной лошади; онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета.

Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно, хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ, и осуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана. Османъ съ жаромъ началъ выхвалять Оттомановъ.

„Турки," говорилъ онъ Бедуину: „издавна славятся по всему востоку храбростію, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта: вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ, какъ Турокъ!* купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ: *онъ справедливъ, какъ Турокъ!* Чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатаясь по степямъ каменистой и пустой Аравіи? какая молва идетъ о васъ? То, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ султанъ ежегодно знатную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества глав-

ный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго мусульманина. Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ".

Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ, сказалъ ему Бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго,—послѣ: напередъ пособимъ несчастному.

„Поди и пособляй ты!" отвѣчалъ Османъ; „я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что сей же самый верблюдъ отмстилъ ему за себя. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, да проститъ мое согрѣшеніе Алла и его великій Пророкъ! то я зашилъ бы себѣ ротъ."

Между тѣмъ Бедуинъ высвободилъ изъ-подъ верблюда вожатаго и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ-за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана; онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

Бедуинъ опрометью поскакалъ—и не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ, и въ ту же самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ; мертвый тигръ растянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъ-естественнымъ: онъ обнялъ Бедуина, и въ первомъ жару благодарности своей предлагалъ ему со слезами, какъ слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удивленію Османа, отказался. Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ: „Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ: утоли голодъ и жажду твоего одноземца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего; одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зноя: къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нея лишусь силъ, и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ."

„Да поможетъ тебѣ Алла!“ отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами; „у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи: я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека, и болѣе денегъ, чѣмъ сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.“

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сорочинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою, и подалъ убогому. На! утоли свой голодъ и жажду, подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.

„Но я иду медленно, часто отдыхаю“, говорилъ нищій.—Такъ сядь на мою лошадь! отвѣчалъ Бедуинъ; соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

„Брось его! сказалъ Османъ Бедуину: кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу“... Разговоръ нашъ, отвѣчалъ Бедуинъ, давно уже кончился; мы ясно доказали другъ другу превосходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта, и поклялся бородою своего прадѣда отмстить Бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко; караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, укралъ у него прекрасную вороную лошадь, все имущество Бедуина.

И судьба не наказала его? Нѣтъ, онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и, окруженъ радостями, умеръ.

Діарбекирцы воспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдовать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели!

(*Беницкій.*)

44. Сказка о мудрецѣ Керимѣ.

Жилъ на востокѣ царь, а у царя жилъ во дворцѣ мудрецъ: онъ назывался Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось, что задалъ царь ему такой вопросъ: съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь и свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ не вдругъ отвѣтствовалъ: онъ попросилъ от-

срочки, сначала на день, послѣ на два, послѣ на цѣлую недѣлю; наконецъ пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ: вопросъ твой, государь, неразрѣшимъ; мой слабый умъ обнять его не можетъ; позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить. И въ путь Керимъ отправился искать отвѣта на вопросъ царя.

Сначала онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ, гдѣ, говорили, находился славный философъ; но философъ тотъ имѣлъ великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный царя, жилъ самъ какъ царь, и упивался изъ полной чаши сладостію жизни. Ему Керимъ вопросъ свой предложилъ. Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно великолѣпной пировой палатѣ, гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись, кто хочетъ, и пируй. Надъ головою гостей горятъ и ходятъ звѣзды неба; ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы; для нихъ цвѣты благоуханно дышутъ; а на столахъ предъ ними, безъ числа, стоятъ съ ѣдою блюда золотыя; и янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещетъ вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства, и гости весело сидятъ другъ съ другомъ, бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ; и новые подходятъ безпрестанно, и каждому есть мѣсто; кто-жъ довольно насытился, встаетъ и, распрощавшись съ ближайшими къ нему, уходитъ спать домой, хозяину сказавъ: спасибо за угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь. Доволенъ ли ты повѣстью моею? — Керимъ философу не отвѣчалъ ни слова: онъ печально съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ; про себя же такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ философъ, не вѣрна; не всѣ мы здѣсь съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся; не мало есть голодныхъ, одинокихъ и плачущихъ.

Кериму тутъ сказали, что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу отшельникъ набожный, смиренномудрый: ему убѣжищемъ была пещера; онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи всѣ проводилъ въ молитвѣ. И не медля къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ ему сказалъ: послушай, черезъ степи однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать, храпѣть, бросаться; путникъ испугался и побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ у самой онъ дороги водоемъ ужасной глубины, но безъ воды; изъ нѣдра темнаго его торчали вѣтвями длинными кусты малины, разросшейся межъ трещинами стѣнъ, полуразрушенныхъ отъ лѣтъ. Въ него, гонимый бѣшеннымъ верблюдомъ, путникъ въ испугѣ прянулъ; онъ за гибкій сукъ малины ухватился и повисъ надъ темной бездной. Голову поднявъ,

увидѣлъ онъ разинутую пасть верблюда надъ собой: его схватить рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ глаза ко дну пустаго водоема: тамъ змѣй ворочался, и на него зіялъ голоднымъ зѣвомъ, ожидая, что онъ, съ куста сорвавшись, упадетъ. Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ межъ двухъ погибелей. И что-жъ еще ему представилось? Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кустъ малины (за который онъ держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ стѣны разрушеннаго водоема входилъ, двѣ мыши, бѣлая одна, другая черная, сидѣли рядомъ на корнѣ, и его поочередно съ большою жадностію грызли, землю со всѣхъ сторонъ скребли, и обнажали всѣ вѣтки корня; а когда земля шумѣла, падая на дно, — оттуда выглядывалъ проворно змѣй, какъ будто спѣша провѣдать: скоро ль мыши корень перегрызутъ, и скоро ль съ ношей кустъ къ нему на дно обрушится? — Но что же! Вися надъ этимъ дномъ безъ всякой надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ на ближней вѣткѣ путникъ много ягодъ малины, зрѣлыхъ, крупныхъ; — сильно желаніе полакомиться ими зажглося въ немъ, и все онъ позабылъ: и грознаго верблюда надъ собою, и подъ собой на днѣ далекомъ змѣя, и двухъ мышей коварную работу: оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда, внизу зіять голодной пастью змѣя, и въ сторонѣ грызть корень и копаться въ землѣ мышей, — а самъ, рукой добравшись до ягодъ, началъ онъ спокойно рвать и ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь: кто этотъ жалкій путникъ?—Человѣкъ. Пустыня жъ съ водоемомъ — свѣтъ; а путь черезъ пустыню — наша жизнь земная. Гонящійся за путникомъ верблюдъ — есть врагъ души, тревогъ создатель, грѣхъ: намъ гибелью грозитъ онъ; мы жъ безпечно на вѣткѣ трепетной висимъ надъ бездной, гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта смерть, — тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ, чтобъ вѣтка тонкая переломилась. А мыши? Ихъ названье *день* и *ночь;* безъ отдыха, смѣняясь, онѣ работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни, которая межъ смертію и свѣтомъ тебя невѣрно держитъ, перегрызть: прилежно черная грызетъ всю ночь, прилежно бѣлая грызетъ весь день; а ты, прельщенный ягодой душистой — усладой чувствъ, желаній утомленьемъ, — забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышинѣ, и смерть — внизу зіяющаго змѣя, и быструю работу дня и ночи — мышей, грызущихъ корень жизни: ты все забылъ, — тебя манитъ одно невѣрное минуты наслажденье. Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ. Доволенъ ли ты повѣстью моею?

Керимъ отшельнику не отвѣчалъ ни слова; онъ печально съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ; про себя же такъ разсуждалъ: святой отшельникъ! твой разсказъ замысловатъ, но моего вопроса онъ еще не разрѣшилъ; не такъ печальна наша жизнь, какъ степь, ведущая къ одной лишь безднѣ смерти, и не однимъ минутнымъ наслажденьемъ плѣняется безпечно человѣкъ.

И ѣхалъ онъ, куда глаза глядятъ. Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный, убогимъ рубищемъ покрытый, путникъ. Онъ шелъ босой; черезъ плечо висѣла котомка; въ ней же было много хлѣба, плодовъ и всякаго добра; онъ самъ, казалось, былъ веселаго ума, глаза его сверкали остротою и на лицѣ пріятно выражалось простосердечіе. Керимъ подумалъ: задамъ ему, на всякій случай, мой вопросъ! Быть можетъ, дѣло скажетъ этотъ чудакъ. И онъ у нищаго спросилъ: съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь и свѣтъ? — На это у меня въ запасѣ есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:

Одинъ нѣмой сказалъ слѣпому: если увидишь ты арфиста, попроси его ко мнѣ, чтобъ сына моего, въ унылость впадшаго, своей игрой развеселилъ. На то сказалъ слѣпой: такого мнѣ арфиста ужъ случалось здѣсь видѣть; я безногаго за нимъ отправлю сына; онъ его въ минуту найдетъ. Безногій побѣжалъ и скоро нашелъ арфиста; былъ арфистъ безъ рукъ, но онъ упрямиться не сталъ, и такъ прекрасно началъ на безструнной арфѣ играть, что меланхоликъ безъ ума расхохотался. То слѣпой увидя, всплеснулъ руками, вслухъ нѣмой хвалить сталъ музыканта, а безногій началъ плясать, и такъ распрыгался, что много сбѣжалося людей и изъ толпы ихъ выскочилъ дуракъ: онъ изъявилъ арфисту, прыгуну и всѣмъ другимъ свое благоволенье. — Мимо ихъ прошла тихонько мудрость и увидя, что дѣлалось, шепнула про себя: таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ и такова на свѣтѣ наша жизнь. Доволенъ ли ты повѣстью моею?

Керимъ прохожему не отвѣчалъ ни слова; онъ печально съ нимъ простился и далѣе поѣхалъ; про себя же такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ, но моего вопроса не рѣшилъ онъ. Хотя мы въ жизни много пустоты, дурачества и лжи встрѣчаемъ: но и высшая значительность и правда святая въ ней заключены благимъ Создателемъ.

Подумавъ такъ, рѣшился Керимъ отправиться въ обратный путь, чтобъ донести царю, что никакого не удалось ему найти отвѣта на заданный вопросъ. Дорогой онъ молился Богу, чтобъ

своею правдой Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный и жизни таинство ему открылъ. И предъ царя явился онъ съ веселымъ лицомъ и все, что на дорогѣ съ нимъ случилось, разсказалъ.

А царь спросилъ: Что жъ напослѣдокъ самъ теперь, Керимъ, ты думаешь?

Сперва благоволи, сказалъ Керимъ, услышать, что со мною самимъ случилось на пути. Извѣстно тебѣ, что я лишь только по твоей высокой волѣ въ этотъ трудный путь отправился: то, милостію царской хранимый, и вездѣ проводниковъ имѣлъ, и пищу находилъ дневную, и никакихъ не испыталъ тревогъ. Что жъ, на дорогѣ, добраго, худаго, мнѣ повстрѣчалося, о томъ нѣтъ нужды упоминать: оно ничто въ сравненьи съ той бездной благъ, какими ты такъ щедро, мой царь, меня осыпалъ. И мое одно желанье было угодить тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду найти между людьми, чтобъ, возвратившись, тебѣ отчетъ принесть въ моихъ дѣлахъ. Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ: достоинъ ли я милости твоей? Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку въ знакъ милости Кериму. Умиленно Керимъ ее поцѣловалъ, потомъ промолвилъ: Такъ я думалъ про себя во время странствованія. Но, подходя къ твоимъ палатамъ царскимъ и печалясь, что безъ малѣйшія передъ тобой заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь, былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой обители твоей какъ скорлупа съ моихъ упала глазъ, и я постигнулъ, что наша жизнь есть странствіе по свѣту такое жъ, какъ мое, во исполненье верховной воли Высшаго Царя. Мудрецъ умолкъ, а царь ему сказалъ: Другъ вѣрный, будь моимъ отцомъ отнынѣ.

(*Жуковскій*).

45. Утро.

12-го августа 18.... ровно въ третій день послѣ дня моего рожденія, въ который мнѣ минуло десять лѣтъ и въ который я получилъ такіе чудесные подарки, въ 7 часовъ утра Карлъ Иванычъ разбудилъ меня, ударивъ надъ самой моей головой хлопушкой — изъ сахарной бумаги на палкѣ — по мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ неловко, что задѣлъ образокъ моего ангела, висѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая муха упала мнѣ прямо на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, остановилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ убитую муху на полъ и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинулъ Карла Иваныча. Онъ же, въ пестромъ ваточномъ халатѣ,

подпоясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязаной ермолкѣ съ кисточкой и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продолжалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать.

Положимъ—думалъ я—я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего онъ не бьетъ мухъ около Володиной постели? вонъ ихъ сколько! Нѣтъ, Володя старше меня; а я меньше всѣхъ; оттого онъ меня и мучитъ. Только о томъ и думаетъ всю жизнь—прошепталъ я — какъ бы мнѣ дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ и испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ.... противный человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!

Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно выражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошелъ къ своей кровати, взглянулъ на часы, которые висѣли надъ нею въ шитомъ бисерномъ башмачкѣ, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, какъ замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернулся къ намъ.

— Auf, Kinder, auf!... 's ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal! (Вставайте, дѣти, вставайте!... пора. Мамаша уже въ залѣ), крикнулъ онъ добрымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ у ногъ и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карлъ Иванычъ сначала понюхалъ, утеръ носъ, щелкнулъ пальцами и тогда только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать мои пятки.—Nu, nun, Faulenzer! (Ну, ну же, лѣнтяй), говорилъ онъ.

Какъ я ни боялся щекотки, я не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже запряталъ голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами и употреблялъ всѣ старанія удержаться отъ смѣха.

— Какой онъ добрый и какъ насъ любитъ, а я могъ такъ дурно о немъ думать!

Мнѣ было досадно и на самого себя и на Карла Ивановича, хотѣлось смѣяться и хотѣлось плакать; нервы были разстроены.

— Ach, lassen sie (Ахъ, оставьте), Карлъ Иванычъ! закричалъ я со слезами на глазахъ, высовывая голову изъ-подъ подушекъ.

Карлъ Иванычъ удивился, оставилъ въ покоѣ мои подошвы и съ безпокойствомъ сталъ спрашивать меня: о чемъ я? не видѣлъ ли я чего дурнаго во снѣ?... Его доброе нѣмецкое лицо, участіе, съ которымъ онъ старался угадать причину моихъ слезъ, заставляли ихъ течь еще обильнѣе: мнѣ было совѣстно и я не пони-

малъ, какъ за минуту передъ тѣмъ я могъ не любить Карла Иваныча и находить противнымъ его халатъ, шапочку и кисточку; теперь, напротивъ, все это казалось мнѣ чрезвычайно милымъ, и даже кисточка казалась явнымъ доказательствомъ его доброты. Я сказалъ ему, что плачу оттого, что видѣлъ дурной сонъ— будто мамаша умерла, и ее несутъ хоронить. Все это я выдумалъ, потому что рѣшительно не помнилъ, что мнѣ снилось въ эту ночь; но когда Карлъ Иванычъ, тронутый моимъ разсказомъ, сталъ утѣшать и успокаивать меня, мнѣ казалось, что я точно видѣлъ этотъ страшный сонъ, и слезы полились уже отъ другой причины.

Когда Карлъ Иванычъ оставилъ меня и я, приподнявшись на постели, сталъ натягивать чулки свои на маленькія ноги, слезы немного унялись, но мрачныя мысли о выдуманномъ снѣ не оставляли меня. Вошелъ дядька Николай—маленькій человѣчекъ, всегда серіозный, аккуратный, почтительный и большой пріятель Карла Ивановича. Онъ несъ наши платья и обувь: Володѣ сапоги, а мнѣ покуда еще несносные башмаки съ бантами. При немъ мнѣ было бы совѣстно плакать; притомъ утреннее солнышко весело свѣтило въ окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), такъ весело и звучно смѣялся, стоя надъ умывальникомъ, что даже серіозный Николай, съ полотенцемъ на плечѣ, съ мыломъ въ одной рукѣ и съ рукомойникомъ въ другой, улыбаясь, говорилъ:

— Будетъ вамъ, Владиміръ Петровичъ, извольте умываться.

Я совсѣмъ развеселился.

— Sind sie bald fertig? (Скоро ли вы будете готовы?) послышался изъ классной голосъ Карла Иваныча.

Голосъ его былъ строгъ и не имѣлъ уже того выраженія доброты, которое тронуло меня до слезъ. Въ классной Карлъ Иванычъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: онъ былъ наставникъ. Я живо одѣлся, умылся и еще со щеткой въ рукѣ, приглаживая мокрые волосы, явился на его зовъ.

(Л. Н. Толстой).

46. Изъ дѣтства Петра Великаго.

По смерти отца своего Петръ остался четырехъ лѣтъ и долгое время жилъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, а государствомъ правила сестра его, царевна Софія Алексѣевна.

У него была цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся шумными играми и, между прочими, игрою *въ солдатики.*

Эти дѣти, между которыми были и рослые парни, строились фронтомъ, занимались „метаніемъ артикула“, по образу солдатскихъ полковъ, а какъ эти игры очень забавляли молодаго царевича и вообще нравятся дѣтямъ, не привыкшимъ къ другаго рода занятіямъ, то охотниковъ поступать въ „потѣшные“ нашлось много, такъ много, что въ 1687 году — въ годъ перваго Крымскаго похода—они уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ и часть ихъ переведена въ другое дворцовое подмосковное село — Семеновское.

Эти потѣшные, размѣщенные такимъ образомъ, были началомъ двухъ полковъ Петровской *гвардіи*, учрежденія, совершенно новаго въ Россіи, которое имѣло въ послѣдствіи большое значеніе.

„Потѣхи“ Петра мало-по-малу начинаютъ принимать характеръ настоящихъ военныхъ упражненій; при потѣшныхъ уже заводится артиллерія; они строятъ укрѣпленія. Но скоро у молодаго царя является новая забава, которая еще болѣе, чѣмъ его игра въ солдатики, должна была имѣть важное значеніе для Россіи.

Вскорѣ послѣ заключенія союза съ Польшею, царевна отправила въ Италію и Францію посольство; посломъ былъ назначенъ весьма впослѣдствіи извѣстный князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ въ Преображенскомъ и, разговорясь съ Петромъ, сказалъ ему, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія и высоту строеній, не сходя съ мѣста.

Вещь показалась любознательному Петру затѣйливою, интересною; онъ просилъ Долгорукова прислать ему такой инструментъ изъ-за границы. Но когда онъ былъ присланъ, никто изъ окружавшихъ государя не умѣлъ ему указать его употребленіе. По счастью, придворный лѣкарь, изъ Нѣмцевъ, сказалъ, что между его земляками въ Москвѣ есть человѣкъ, который, вѣроятно, будетъ въ состояніи помочь царю, и прислалъ къ нему Франца Тиммермана.

Тиммерманъ былъ мудрецъ не первой руки, однако безъ труда узналъ, что иноземный инструментъ есть простая астролябія, и показалъ, какъ ее употреблять; но для этого надобно знать геометрію, а Петръ не очень отчетливо еще справлялся съ „мультипликаціей“ *). Что было дѣлать? Учиться. И Петръ сталъ учиться и геометріи, и фортификаціи, — всему, чему могъ его научить Тиммерманъ.

*) Такъ называлось въ старину ариѳметическое правило умноженія.

Однажды Петръ былъ въ Измайловѣ, одномъ изъ подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, гдѣ давно уже никто не жилъ. Тамъ, между старымъ хламомъ, валявшимся въ амбарахъ, онъ увидѣлъ небольшое судно, конструкція котораго остановила его вниманіе; онъ спросилъ, откуда оно; но его дядьки не умѣли ему на это отвѣтить. По счастью, тутъ же случился Тиммерманъ, и объяснилъ, что это англійскій ботъ. Это однакожъ было недостаточно для Петра; онъ сталъ разсматривать, отчего оно построено не такъ, какъ строятъ суда въ Россіи, въ чемъ его преимущество передъ нашими, какъ имъ управляютъ. Тиммерманъ могъ ему только сказать, что такое судно можетъ ходить на парусахъ противъ вѣтра, но больше ничего объяснить не могъ, а обѣщалъ прислать другаго своего земляка, который кораблестроительное дѣло знаетъ, и дѣйствительно прислалъ стараго Голландца Карштенъ-Бранта, корабельнаго плотника, который былъ выписанъ при царѣ Алексѣѣ, работалъ при постройкѣ корабля „Орелъ", единственнаго корабля, бывшаго передъ тѣмъ въ Россіи и сожженнаго Стенькою Разинымъ. Старикъ Брантъ давно пересталъ заниматься корабельнымъ плотничествомъ и добывалъ въ Москвѣ хлѣбъ столярною работою, но былъ однакожъ въ состояніи объяснить царю управленіе парусами, вычинилъ ботъ, придѣлалъ къ нему мачту, справилъ паруса и, перетащивши его на Яузу, вызвался все, имъ разсказанное, показать на дѣлѣ. И точно, въ назначенный день, Брантъ поднялъ паруса, шевельнулъ рулемъ и ботъ, какъ выѣзженный конь, пошелъ впередъ, назадъ, по вѣтру и противъ вѣтра, правда, не рѣдко упираясь носомъ въ извилистые берега маленькой рѣчонки, но очевидно повинуясь рулю и парусамъ. Петръ былъ въ восхищеніи, и плаванье на старомъ ботикѣ сдѣлалось любимою его забавою. Яуза скоро показалась ему тѣсною; онъ перетащилъ его на прудъ, но и тамъ было мало простору,—онъ отправился съ своимъ ботомъ на Переяславское озеро, гдѣ уже въ свою очередь судно оказалось слишкомъ малымъ, и потому Карштенъ-Брантъ принялся за свой старый топоръ и циркуль, и сталъ строить два небольшіе фрегата.

Все это очень живо рисуетъ Петра. Весьма мало развитой, но чрезвычайно любознательный, онъ все замѣчаетъ, всѣмъ интересуется, все хочетъ узнать до основанія; предается со страстію каждому занятію, не боится труда, не знаетъ препятствій, и простую забаву обращаетъ въ серіозное дѣло.

(Н. Щебальскій).

43. Петръ I въ Голландіи.

(1697).

САРДАМЪ.

Къ сѣверозападу отъ Амстердама, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ, въ Сардамѣ и другихъ, въ концѣ XVII столѣтія процвѣтало обширное кораблестроеніе, съ дѣятельною торговлей. Тамъ было не менѣе 50 частныхъ верфей, на которыхъ работы производились днемъ и ночью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Многочисленные фабрики и заводы, въ видѣ несмѣтнаго множества вѣтряныхъ мельницъ, изготовляли все необходимое для сооруженія и оснастки судовъ. Деревни кипѣли народомъ, и когда мастеровые возвращались съ работъ, матери уводили дѣтей съ улицъ изъ опасенія, чтобы не задавили ихъ шумныя толпы рабочихъ.

Въ этихъ деревняхъ впрочемъ строились только суда купеческія и китоловныя: корабли военные, также купеческіе большаго размѣра, ходившіе въ Остъ-Индію и Вестъ-Индію, сооружались въ самомъ Амстердамѣ, на двухъ большихъ верфяхъ.

Но сардамскіе плотники, работавшіе въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ, такъ много наговорили Петру о своей отчизнѣ, что только тамъ онъ надѣялся найти все, чего желала его душа, и не останавливаясь въ Амстердамѣ, продолжалъ путь къ Сардаму.

Подъѣзжая къ Форзану, царь замѣтилъ стараго знакомаго, кузнеца Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловившаго угрей, и кликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ россійскаго монарха въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда великій царь московскій изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его смиренной хижинѣ съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тщетно отговаривался кузнецъ бѣдностію и тѣснотою своего жилища: онъ долженъ былъ уступить непреклонной волѣ царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова какого-то поденщика. Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ за 7

гульденовъ. Царь между тѣмъ зашелъ въ гербергъ, подъ вывѣскою *Выдры*. День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русская одежда царскихъ спутниковъ возбудила общее вниманіе, и праздная толпа обступила гостинницу съ разспросами. „Мы простые плотники, ищемъ работы", велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ и отправился къ Кисту.

Царь-плотникъ.

Нетерпѣливо ждалъ Петръ рабочей поры, и въ понедѣльникъ рано утромъ, накупивъ плотничьихъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу, и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой-нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы, или посѣщалъ семейства сардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ царь московскій. У матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Аннѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: „онъ добрый мастеръ; я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль".— Развѣ и ты плотникъ? возразила недовѣрчивая Голландка. „Да, я плотникъ", отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ навѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Не задолго передъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени россійскаго государя, въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила его сказать, при случаѣ, его царскому величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Сардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ — иногда болѣе, чѣмъ могли они или хотѣли объяснить ему — нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ на бумажной мельницѣ, подъ

вывѣскою *Повара*, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку.

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Сардамъ, онъ купилъ у одного корабельнаго мастера за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую распилъ съ продавцомъ въ гербергѣ, небольшой яликъ и весело катался на немъ по рѣкѣ, по каналамъ и по заливу.

ОТКРЫТІЕ ТАЙНЫ.

Уже съ перваго дня появленія Петра на верфяхъ въ Сардамѣ заговорили о московскомъ плотникѣ: величественный видъ, замѣтная привычка къ господству, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, все измѣняло тайнѣ. Голландцы, тѣмъ болѣе Голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый Московитъ, съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ; не знали только, кто онъ; развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ, и нерѣдко около него собиралась толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

Одинъ сардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ, безъ сомнѣнія, посѣтитъ Сардамъ и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того зашли въ цирюльню московскіе гости, и Помпъ, увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему; многіе обратились съ разспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ тайну и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но жена Киста въ присутствіи многихъ вскричала на мужа: „Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду“.

Въ то же время случилось происшествіе, которое дало новую пищу молвѣ. Потрудившись на верфи, Петръ купилъ себѣ сливъ,

положилъ ихъ въ шляпу и кушалъ дорогою. На плотинѣ пристала къ нему толпа мальчишекъ: однимъ изъ нихъ далъ онъ по нѣскольку сливъ: другимъ не далъ и, забавляясь радостью первыхъ, неудовольствіемъ вторыхъ, продолжалъ путь. Не получившіе сливъ въ досадѣ начали бросать въ него грязью, потомъ пустили и каменья,—такъ что царь принужденъ былъ укрыться отъ своевольной толпы въ гербергѣ и, разгнѣванный безпорядкомъ, велѣлъ позвать бургомистра.

Между тѣмъ многіе изъ гражданъ, видѣвшіе это непріятное происшествіе, съ своей стороны поспѣшили дать знать мѣстному начальству и ждали на плотинѣ прибытія бургомистра, за которымъ послали сторожевое судно. Они были въ большомъ страхѣ: не царя ли московскаго въ самомъ дѣлѣ оскорбили дерзкіе мальчишки? Недоразумѣніе ихъ скоро разрѣшилъ одинъ шкиперъ, видѣвшій Петра въ Архангельскѣ: онъ вошелъ въ гербергъ, гдѣ государь пилъ чай, безъ труда узналъ его и, возвратившись къ толпѣ, объявилъ: „Точно, это самъ царь: я хорошо знаю его."

Бургомистръ не замедлилъ пріѣхать, разспросилъ обстоятельно о случившемся и, по совѣщанію съ членами мѣстной управы, приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: „Бургомистры, съ прискорбіемъ узнавъ, что дерзкіе мальчишки осмѣлились бросать грязью и каменьями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ быть здѣсь *неизвѣстными*, строжайше воспрещаютъ подобное своевольство, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Ослушники будутъ отсылаемы къ благородному господину бальи. О чемъ объявляется всѣмъ и каждому, въ предостереженіе отъ наказанія и стыда."

Въ тотъ же день вслѣдствіе изъявленнаго царемъ неудовольствія на стеченіе народа, толпившагося передъ домомъ Киста, бургомистръ велѣлъ поставить на мосту, ведущемъ къ этой части города, стражу. Разумѣется, все это удостовѣрило Сардамцевъ, что среди ихъ находился царь, и онъ уже не могъ оставаться неизвѣстнымъ.

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ одного купца и, увидѣвъ у него бургомистра, въ знакъ почтенія снялъ передъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: „не угодно ли будетъ господину его откушать завтра рыбы по-сардамски?" Царь велѣлъ сказать, что господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ приглашенія. Пріятель купца, у котораго онъ былъ въ гостяхъ, тоже богатый купецъ, съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фрук-

товымъ садомъ, въ лучшей части Сардама, и получилъ въ отвѣтъ: „Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ.“

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Сардамъ главнаго прикащика своего, удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Прикащикъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину блѣдный, какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Сардамѣ. Гоутманъ немедленно отправился туда съ однимъ пріятелемъ: они встрѣтили Петра въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули: „Вы ли это, Ваше Величество?“—„Вы сами видите,“ ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

ЛЮБОПЫТСТВО САРДАМЦЕВЪ.

Въ тотъ же день Петръ купилъ себѣ за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новую мачту.

Весь слѣдующій день онъ провелъ на водѣ, съ 4-хъ часовъ утра. Къ нему пристали яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ путь къ плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ моря. Безотвязные Голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился, и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. „Браво, Марсенъ!“ закричали въ толпѣ; „ты пожалованъ въ рыцари!“ Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Сардамъ.

На слѣдующій день назначено было спустить въ море большой корабль, построенный купцомъ Кальфомъ. Это дѣлалось такъ: корабль поднимали на плотину, перетаскивая черезъ нее на пространствѣ 20 саженъ по устроенной для того нарочно деревянной настилкѣ, и потомъ снова спускали въ воду.

Мѣстное начальство пригласило Петра взглянуть на изумительное дѣйствіе механическаго искусства, предупредивъ, что

для него и для свиты приготовлено удобное мѣсто, окруженное палисадомъ и охраняемое отъ народа городовою стражею; хозяинъ корабля присовокупилъ къ тому просьбу удостоить присутствіемъ обѣденный столъ. На первое приглашеніе царь охотно изъявилъ согласіе; отъ втораго отказался.

Въ назначенный день, рано утромъ, собралось около дома Киста такъ много народу, что всѣ предосторожности оказались тщетными: палисады были опрокинуты, стражи разогнаны. Видя несмѣтныя толпы, покрывавшія не только улицу, но и кровли домовъ, царь рѣшился остаться дома. Явились бургомистръ, члены совѣта, съ просьбою не отказать въ своемъ присутствіи, предлагая пройти въ отведенное ему мѣсто задними воротами; сначала онъ было согласился и сталъ одѣваться; но взглянувъ на улицу и увидѣвъ вездѣ густыя толпы любопытныхъ, нетерпѣливо его ожидавшихъ, съ досадою сказалъ: „Слишкомъ много народу“, захлопнулъ дверью и цѣлый день никуда не выходилъ. Это было въ субботу.

Еще болѣе собралось народу изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, также изъ Амстердама, въ воскресенье. Стража, стоявшая на мосту, не въ силахъ была удержать любопытныхъ, отвсюду стекавшихся посмотрѣть плотника царя. Домъ Киста былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ досаднѣе было Петру стеченіе народа, загородившаго дорогу, что онъ намѣревался ѣхать въ Амстердамъ, куда на другой день должно было торжественно вступить его посольство; внѣ себя отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ дому, долго не могъ пробиться сквозь густыя массы и съ великимъ трудомъ достигъ до своего буера. Между тѣмъ разыгралась сильная погода. Опытные пловцы уговаривали царя не пускаться въ заливъ въ столь опасное время. Онъ ничего не слушалъ, поднялъ парусъ и часа черезъ три благополучно прибылъ въ Амстердамъ. (*Н. Устряловъ*).

48. Царская встрѣча.

Ибрагимъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые на вѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступила; но ямщики, несмотря на дурную

погоду, везли его съ быстротою вѣтра, и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, чрезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. „Ба, Ибрагимъ!“ закричалъ онъ, вставая съ лавки; „здорово, крестникъ!“ Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. „Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ“, сказалъ Петръ, „и пріѣхалъ тебѣ на встрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня“. Ибрагимъ не находилъ словъ для изъясненія своей благодарности. „Вели же“, продолжалъ государь, „твою повозку вести за нами, а самъ садись со мною и поѣдемъ ко мнѣ“. Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты, повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: „узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по прежнему“. Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. „Лиза“, сказалъ онъ одной изъ нихъ: „помнишь-ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ: представляю тебѣ его“. Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда госу-

дарь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ: разспрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о Регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меньшикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился, князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника Петра, ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ, молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего товарища—и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. „Посмотримъ", сказалъ онъ Ибрагиму, „не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною". Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицеймейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено.

(*Пушкинъ*).

49. Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дирявый,
И бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: „здравствуй, дѣдъ!"
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
„Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія....
Жди, да у моря сиди.

Вамъ вѣдь все ничто боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
Ныньче пахнетъ табачищемъ....
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!
Лодка, вишь, имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно....

Да, ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!...
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ."

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ что рѣшето.

„Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай."

„На Петрово! Эко слово
Молвилъ! — думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?"

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ. (*А. Майковъ*).

50. Полтавская битва.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Клубами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!" Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ,
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,

Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая —
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками.
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи сыны:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,

Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близь Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненья боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,

Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ: гнутся Шведы.
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ!
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, Русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

(*А. Пушкинъ*).

51. Куликовская битва.

6-го сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или идти далѣе. Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій князь рѣшился и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и, сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!“ 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже, даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ добрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому Образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію, сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами, милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ за другомъ и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его

остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя", говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть, а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды." Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываяся назади, могу-ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ". Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила," первый ударилъ на враговъ и бился мужественно какъ рядовой воинъ: наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ, знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня; сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время!" Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій!" и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ навьюченныхъ разными драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, совершивъ побѣду, сталъ „на костяхъ", или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить

въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?" Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли Великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ, но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!" Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ и знамена христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провожаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья бѣлозерскіе, Ѳедоръ и сынъ его Іоаннъ, торусскій Ѳедоръ и Мстиславъ, дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре: Симеонъ Михайловичъ, сынъ тысячскаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество, а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близь монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно

ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

(*Карамзинъ*).

52. Іоаннъ III на рѣкѣ Угрѣ.

Царь большой Орды, Ахматъ, еще именовался нашимъ верховнымъ властителемъ и требовалъ дани.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявилъ свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ, требовать дани. Ихъ представили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* (или образъ царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами; велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „спѣши объявить царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ его *басмою* и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.“ Ахматъ воскипѣлъ яростію. „Такъ поступаетъ рабъ нашъ, князь Московскій!“ говорилъ онъ своимъ вельможамъ, и началъ собирать войско.—Другіе лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе ханское единственно наущеніямъ Казиміровымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей государь послалъ одного служащаго ему князя татарскаго, именемъ Акирея Муратовича, въ Золотую Орду, склонять Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Злобствуя на Великаго князя за его ослушаніе и недовольный умѣренностію даровъ его, ханъ условился съ королемъ, чтобы Татарамъ идти изъ волжскихъ улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ князей татарскихъ.

Ахматъ шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казиміра. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ, напалъ на литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казиміра отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ улусахъ

только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ крымскому царевичу Нордоулату и воеводѣ звенигородскому, князю Василью Ноздроватому, съ большимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду, или по крайней мѣрѣ устрашить хана. Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ Великаго князя, младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 іюня, а дядя его, Андрей Меньшой, изъ своего удѣла. Самъ государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 іюля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему Михаилу Андреевичу Верейскому, и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ митрополита, находился тамъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества.

Великій князь принялъ самъ начальство надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ. Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные могутъ кончиться гибелью нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества и единственно *отъ нетерпѣнія*: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу; гордый Витовтъ, презирая остатки Кипчакскаго ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли казались благоразуміемъ Великому князю и нѣкоторымъ изъ бояръ, такъ-что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій князь, давъ повелѣніе сыну и брату идти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ, и видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ хана. Многіе кричали въ ужасѣ: „Государь выдаетъ насъ Татарамъ! отягощалъ землю налогами, и не платилъ дани Ординской, разгнѣвилъ царя и не стоитъ за отечество". Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного лѣтописца, столь огорчило Великаго князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, духовенствомъ и боярами. „Иди же смѣло на врага!" сказали ему единодушно всѣ духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдой, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: „Смертнымъ ли бояться смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и слабъ, но не убоюся меча татарскаго, не отвращу лица моего отъ его блеска." Великій князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать хану; взялъ мѣры для защиты городовъ; отрядилъ Дмитровцевъ въ Переславль, Москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ столицы, и 3 октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, поѣхалъ къ войску.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи, и далъ знать воеводамъ, чть будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовой отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8-го октября, на восходѣ солнца, вся сила ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ Великаго князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: Россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по литовской землѣ для собиранія съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ многіе Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ:

„Дайте путь царю или онъ силою дойдетъ до Великаго князя, а вамъ будетъ худо.“

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ воеводами; всѣ изъявили бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, боярина Ощеру и Григорія Мамона, коего мать была сожжена княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство: сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣніе, женъ, дѣтей, гораздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали Великому князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, плѣненнаго Татарами; не устыдились думать, что государи московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства, онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и неувѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, государь послалъ боярина Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ мирными предложеніями къ Ахмату и князю Ординскому, Темиру. Но царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ боярину: „я пришелъ сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ и не бьетъ челомъ и уже *девять* лѣтъ не платитъ дани. Пусть самъ явится предо мною: тогда князья наши будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость“. Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординскаго. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ нихъ, митрополитъ Геронтій, архіепископъ Вассіанъ и Паисій, игуменъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали Великому князю обѣтъ его, стоять крѣпко за отечество и вѣру. Старецъ писалъ такъ:

„Наше дѣло говорить царямъ истину: что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу... Ахматъ приближается, губитъ христіанство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ нему пословъ; а нечестивый дышетъ гнѣвомъ и презираетъ твое моленіе?.. Государь! Какимъ совѣтамъ внимаешь? Людей недостойныхъ имени христіанскаго. И что совѣтуютъ? Повергнуть ли щиты, обратиться ли въ бѣгство? Но помысли, отъ какой славы и въ какое униженіе низводятъ они твое величество! Предать землю русскую огню и мечу, церкви разоренію, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изліется въ слезахъ отъ единыя мысли?... Отложи страхъ, и возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости Его... Поревнуй предкамъ своимъ... Прадѣдъ твой великій, хвалы достойный Димитрій, не сихъ ли невѣрныхъ Татаръ побѣдилъ за Дономъ? Презирая опасность, сражался впереди, сталъ въ лицо Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу его въ день брани... Ангелы снидутъ съ небесъ въ помощь твою; Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и смятутся, и погибнутъ“... и проч.

Прочитавъ сіе письмо, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи, *исполнился веселія, мужества и крѣпости*; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ городищу Опакову, и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку: воеводы Іоанновы не пустили Татаръ на свой берегъ. Ахматъ озлобился: грозилъ, что морозы откроютъ ему путь чрезъ рѣки; ждалъ Литовцевъ и зимы. О Литовцахъ не было и слуха; но въ исходѣ октября настали сильные морозы: Угра покрылась льдомъ, и Великій князь приказалъ всѣмъ нашимъ воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы.

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но бояре и князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ стра-

шится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ лѣтописцевъ. Татары, видя лѣвый берегъ, оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное: два воинства бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, раззоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ, за то, что Казиміръ ему не далъ помощи. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе ханское на Россію: царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; не вывелъ ни одного плѣнника московскаго. Одинъ лѣтописецъ казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что крымскій царевичъ, Нордоулатъ, и князь Василій Ноздроватый счастливо исполнили повелѣніе Іоанново, достигли Орды, взяли *Юртъ Батыевъ* (вѣроятно, Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нишихъ злодѣевъ, если бы уланъ Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими представленіями. „Что дѣлаешь?“ сказалъ онъ своему царевичу: „вспомни, что сія древняя Орда есть наша общая мать; всѣ мы отъ нея родились. Ты исполнилъ долгъ чести и службы московской: нанесъ ударъ Ахмату: довольно, не губи остатковъ.“ Нордоулатъ удалился; а ханъ, свѣдавъ о разореніи улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю. Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе лѣтописцы славятъ единственно милость Божію, и говорятъ: „Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію!“ Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость государства. Народъ веселился; а митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ іюня 23-го въ память освобожденія Россіи отъ ига Монголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность: хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому князю ревностные друзья отечества читали и переписывали со слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами. Славная память его осталась на вѣки неразлучной съ памятью нашей свободы.

(*Карамзинъ*).

53. Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 1824 года.

День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный. Дождь и проницательный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполняли воздухъ сыростью. Къ вечеру вѣтеръ усилился и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ 7 часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильные порывы юговосточнаго вѣтра потрясали кровли и окна, стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали по дневныхъ трудахъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая вы-

соко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близь Екатерингофа терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противустоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала; вѣтеръ усиливался и наконецъ возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ каналовъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу по полудни весь городъ (кромѣ Литей-

ной, Каретной и Рождественской частей) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, на перекресткахъ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ, и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ А. А. Милорадовичъ, въ двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской, и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ въ Морской улицѣ на мели.

Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близь Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки, и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Коломнѣ, возлѣ сада митрополита римскихъ церквей, Сестренцевича-Богуша. На Невѣ всѣ пловучіе мосты сорваны, исключая Самсоньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась, и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста или опрокинуты.

Въ третьемъ часу по полудни вода начала сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары

во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства. (*Булгаринъ*).

54. Наводненіе въ Петербургѣ, 1824 года.

Продолжительный морской вѣтеръ нагналъ массу воды въ Неву, и она, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимныхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять направленіе, вода убыла: но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ его, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не произнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіями: „за *наши* грѣхи Богъ насъ караетъ", сказалъ кто-то изъ толпы. „Нѣтъ, за *мои!*" отвѣчалъ съ грустію Государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и вошедши въ него, увидѣлъ другаго рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался.

Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердить многочисленныя связи, ихъ сопрягавшія.

Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 году. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ". Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

55. Наводненіе.

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова.
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть". Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

(*Пушкинъ*).

56. Разрывъ дигъ въ Голландіи.

Вольтеръ справедливо назвалъ Голландію самымъ чуднымъ произведеніемъ человѣческаго искусства. Дѣйствительно, Голландія овладѣла моремъ, которое, кажется, ежеминутно готово погло-

тить ее, какъ корабль, полуразрушенный бурею. Почти во всѣхъ голландскихъ провинціяхъ всѣ города и главныя селенія соединены каналами, какъ въ другихъ мѣстахъ они соединены дорогами. По этимъ каналамъ, въ опредѣленные часы, плаваютъ суда, которыя по большей части замѣняютъ дилижансы. Говоря о каналахъ, нельзя умолчать о другомъ гидравлическомъ устройствѣ, весьма значительномъ въ Голландіи: это *диги*, которыя ежегодно поправляются съ большими издержками. Онѣ защищаютъ отъ бурь Сѣвернаго моря и Зюдерзее, Зеландію, Фрисландію, Грюнингенъ и всю часть Голландіи, которая гораздо ниже уровня обоихъ морей. Теперь, смотря на эти диги, истинныя укрѣпленія, воздвигнутыя Голландіей противъ страшнаго и грознаго непріятеля, смотря на богатые и цвѣтущіе города, подобно Венеціи построенные на водахъ, гдѣ жители пользуются такою же безопасностію, какъ и внутри Европы, нельзя не удивляться смѣлости и генію первыхъ основателей этихъ дигъ. Но хотя человѣкъ умомъ своимъ почти всюду покорилъ себѣ міръ матеріальный, однако же нѣсколько разъ природа страшнымъ образомъ показывала свое могущество, и давала чувствовать власть свою слабымъ смертнымъ.

Исторія Голландіи говоритъ о трехъ великихъ наводненіяхъ, происшедшихъ отъ разрыва дигъ. Одно случилось ночью, 19 ноября 1421 года, и затопило всю южную Голландію; *семьдесятъ два* селенія исчезли подъ водою, около ста тысячъ жителей погибло въ этомъ страшномъ потопѣ. — Другое наводненіе случилось въ 1430 году. Число жертвъ въ этотъ разъ было гораздо менѣе. Все обширное пространство воды, которое называется Зюдерзее, составилось отъ одного изъ наводненій, и подъ этими водами, на которыхъ теперь плаваютъ голландскіе корабли, открыты развалины городовъ и селеній.—Вотъ какъ описано въ лондонской газетѣ наводненіе, случившееся въ 1686 году:

„Въ пятницу, 22-го ноября, въ продолженіе цѣлаго дня дулъ сильный югозападный вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ и громомъ. Около вечера вѣтеръ повернулъ на востокъ, потомъ съ востока перешелъ на сѣверо-востокъ, и такимъ образомъ продолжалъ ежеминутно мѣняться съ ужасною быстротою и силой. Буря не переставала свирѣпствовать во всю ночь, съ возрастающей силою. На многихъ домахъ были опрокинуты трубы и сорваны кровли; но всѣ эти несчастія ничего не значили въ срав-

неніи съ тѣми, которыя готовы были обрушиться на бѣдныхъ жителей. Диги, не представляя болѣе сопротивленія ярости моря, приподнятаго этой ужасной бурей, разорвались, и на другой день утромъ большая часть страны была затоплена водою, которая во многихъ мѣстахъ появилась на восемь футовъ выше дигъ. Уже тысячи жителей и стада скота были поглощены страшнымъ наводненіемъ, а вода все еще продолжала прибавляться. Наконецъ, она достигла до города Дельфзиля и поднялась такъ высоко и скоро, что жители едва успѣли взобраться на чердаки и на кровли своихъ домовъ. Все селеніе Отердамъ исчезло подъ водою. Въ Термундерзилѣ не осталось ни одного дома; изъ трехсотъ жителей, только девятнадцать человѣкъ спаслись отъ потопленія. Герескесъ, Вейвертъ, Вольдендорпъ и всѣ селенія, находящіяся въ окрестностяхъ Эмса, были полуразрушены быстротою и силой потопа. Вскорѣ и городъ Эмсъ подвергся общему несчастію. Въ субботу и въ воскресенье на той же недѣлѣ самыя нижнія части Эмса покрылись водою, такъ-что на поверхности новаго моря только кое-гдѣ виднѣлись крыши домовъ и поднимались верхи колоколенъ."

„Однимъ словомъ, прибавляетъ газета, которой разсказъ дышетъ свѣжестію и полонъ интереса — мы не находимъ словъ, чтобы описать отчаяніе жителей этой несчастной страны. Вся провинція, исключая высокихъ мѣстъ Эмса, залита водою, цѣлыя селенія поглощены моремъ; несчастные жители, которые успѣли спастись отъ гибели на чердакахъ и на кровляхъ своихъ домовъ, доведены до послѣдней крайности. Во всей странѣ раздаются крики отчаянія и жалобы, раздирающія душу, или слышенъ унылый звонъ колоколовъ, призывающій жителей твердой земли на помощь своимъ бѣдствующимъ соотечественникамъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ лодки для спасенія этихъ несчастливцевъ, которые, предавшись волѣ Провидѣнія, приготовились къ смерти, и Богъ знаетъ, поспѣетъ-ли во время помощь! вода все еще поднимается. Это ужасно! До насъ дошли свѣдѣнія, что въ Отердамѣ только двадцать пять человѣкъ избѣжали смерти; въ селеніи Петерборнъ только три дома уцѣлѣли. Вся Голландія повергнута въ отчаяніе."

Столь страшныя опустошенія заставили прибѣгнуть правительство голландское къ построенію обширнѣйшихъ *дигъ*, и въ послѣднія сто лѣтъ, кажется, истощены уже всѣ усилія ума человѣческаго и труды цѣлаго народа, чтобы отстоять отъ грозной

стихіи свою родную страну и защитить отъ внезапной гибели себя и своихъ... Нельзя не изумляться, взирая на эти голландскія построенія: да, великъ умъ человѣка, сильна его воля!... Но кто же сказалъ человѣку, что буря, подобная той, которая за четыре вѣка передъ симъ подняла цѣлое море на восемь футовъ выше плотинъ, что подобная-же буря не продолжится лишнія сутки и не поднимется море на десять, даже на двадцать футовъ... Тогда горе человѣку!... Но судьба людей въ волѣ Бога, промышляющаго о мірѣ. И человѣкъ, охраняя себя всею силою разумѣнія, успокоивается еще болѣе твердою вѣрою въ благость Провидѣнія.

57. Землетрясеніе.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще. Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ;
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душей превыше праха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены. (*Н. Языковъ*).

58. Буранъ.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія *). Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

„Баринъ! не прикажешь ли воротиться?"

— Это зачѣмъ?

„Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу."

— Что за бѣда!

„А вишь, тамъ что?" (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.

„А вонъ—вонъ: это облачко."

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облако, которое принялъ было за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облако предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облака обратились въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ— и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ,"—закричалъ ямщикъ: „бѣда! буранъ!..."

---

*) Къ Оренбургу.

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали. „Чтожъ ты не ѣдешь?" спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—„Да что ѣхать?" отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: „не вѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ и мгла кругомъ".—Я сталъ было его бранить.—Савельичъ за него заступился: „И охота была не слушаться",—говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? добро бы на свадьбу!"—Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное: „Эй, ямщикъ!" закричалъ я: „смотри, что тамъ такое чернѣется?" Ямщикъ сталъ всматриваться.—„А Богъ знаетъ, баринъ"—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: „возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ".

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ. „Гей, добрый человѣкъ!" закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?"

„Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ", отвѣчалъ дорожный: „да что толку?"

„Послушай, мужичокъ", сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довезти меня до ночлега?"

„Сторона мнѣ знакома", отвѣчалъ дорожный: „Слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я уже рѣшился, предавъ себя волѣ Божіей, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ, и сказалъ ямщику: „Ну, слава Богу, жило не далеко; сворачивай вправо, да поѣзжай". „А почему ѣхать мнѣ вправо?" спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ; „гдѣ ты ви-

дишь дорогу? Не бось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой."—Ямщикъ казался мнѣ правъ. „Въ самомъ дѣлѣ," сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?"—„А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ", отвѣчалъ дорожный: „и я слышу: дымомъ пахнуло; знать, деревня близко."—Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу, и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

(*Пушкинъ*).

59. Гроза.

Солнце склонялось къ западу и косыми, жаркими лучами невыносимо пекло мнѣ шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленныхъ краевъ брички; густая пыль поднималась по дорогѣ и наполняла воздухъ. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, который бы относилъ ее. Впереди насъ, на одинаковомъ разстояніи, мѣрно покачивался высокій, запыленный кузовъ кареты съ важами, изъ-за котораго виднѣлся изрѣдка кнутъ, которымъ помахивалъ кучеръ, его шляпа и фуражка Якова. Я не зналъ, куда дѣваться: ни черное отъ пыли лицо Володи, дремавшаго подлѣ меня, ни движеніе спины Филиппа, ни длинная тѣнь нашей брички, подъ косымъ угломъ бѣжавшая за нами, не доставляли мнѣ развлеченія. Все мое вниманіе было обращено на верстовые столбы, которые я замѣчалъ издалека, да на облака, прежде разсыпанныя по небосклону, которыя, принявъ зловѣщія, черныя тѣни, теперь собирались въ одну большую, мрачную тучу. Изрѣдка погромыхивалъ дальній громъ. Это послѣднее обстоятельство болѣе всего усиливало мое нетерпѣніе скорѣе пріѣхать на постоялый дворъ. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верстъ десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся Богъ знаетъ откуда, безъ малѣйшаго вѣтра, но быстро подвигалась къ намъ. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освѣщаетъ ея мрачную фигуру и сѣрыя полосы, которыя отъ нея идутъ до самаго горизонта. Из-

рѣдка, вдалекѣ, вспыхиваетъ молнія и слышится слабый гулъ, постепенно усиливающійся, приближающійся и переходящій въ прерывистые раскаты, обнимающіе весь небосклонъ. Василій приподнимается съ козелъ и поднимаетъ верхъ брички; кучера надѣваютъ армяки и при каждомъ ударѣ грома снимаютъ шапки и крестятся; лошади настороживаютъ ноздри, какъ будто принюхиваясь къ свѣжему воздуху, которымъ пахнетъ отъ приближающейся тучи, и бричка скорѣе катитъ по пыльной дорогѣ. Мнѣ становится жутко, и я чувствую, какъ кровь быстрѣе обращается въ моихъ жилахъ. Но вотъ передовыя облака уже начинаютъ закрывать солнце, вотъ оно выглянуло въ послѣдній разъ, освѣтило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдругъ измѣняется и принимаетъ мрачный характеръ. Вотъ задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бѣло-мутнаго цвѣта, ярко-выдающагося на лиловомъ фонѣ тучи, шумятъ и вертятся; макушки большихъ березъ начинаютъ раскачиваться, и пучки сухой травы летятъ черезъ дорогу. Стрижи и бѣлогрудыя ласточки, какъ будто съ намѣреніемъ остановить насъ, рѣютъ вокругъ брички и пролетаютъ подъ самой грудью лошадей; галки съ растрепанными крыльями какъ-то бокомъ летаютъ по вѣтру; края кожанаго фартука, которымъ мы застегнулись, начинаютъ подниматься, пропускать къ намъ порывы влажнаго вѣтра и, размахиваясь, биться о кузовъ брички. Молнія вспыхиваетъ какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линіи, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Гнѣвъ Божій! какъ много поэзіи въ этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорѣе и скорѣе; по спинамъ Василія и Филиппа, который нетерпѣливо помахиваетъ вожжами, я замѣчаю, что и они боятся. Бричка шибко катится подъ гору и стучитъ по досчатому мосту; я боюсь пошевелиться и съ минуты на минуту ожидаю нашей общей погибели.

Тпру! оторвался валекъ, и на мосту, не смотря на безпрерывные оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Приклонивъ голову къ краю брички, я съ захватывающимъ дыханіе замираніемъ сердца, безнадежно слѣжу за движеніями толстыхъ черныхъ пальцевъ Филиппа, который медленно захлестываетъ петлю и выравниваетъ постромки, толкая пристяжную ладонью и кнутовищемъ.

Тревожныя чувства тоски и страха увеличивались во мнѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ грозы; но когда пришла величественная минута безмолвія, обыкновенно предшествующая разраженію грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояніе еще четверть часа, я увѣренъ, что умеръ бы отъ волненія. Въ это самое время изъ-подъ моста вдругъ появляется, въ грязной дырявой рубахѣ, какое-то человѣческое существо съ опухшимъ, безсмысленнымъ лицомъ, качающейся, ничѣмъ не покрытой, обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и съ какой-то красной, глянцовитой культяпкой вмѣсто руки, которую онъ суетъ прямо въ бричку.

„Ба-а-шка! убогому Хри-ста-ради", звучитъ болѣзненный голосъ, и нищій съ каждымъ словомъ крестится и кланяется въ поясъ.

Не могу выразить чувства холоднаго ужаса, охватившаго мою душу въ эту минуту. Дрожь пробѣгала по моимъ волосамъ, а глаза съ безсмысліемъ страха были устремлены на нищаго...

Василій, въ дорогѣ подающій милостыню, даетъ наставленія Филиппу на счетъ укрѣпленія валька и, только когда все уже готово и Филиппъ, собирая возжи, лѣзетъ на козлы, начинаетъ что-то доставать изъ боковаго кармана. Но только что мы трогаемся, ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и, безъ малѣйшаго промежутка, сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василья и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожаный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдругъ какъ будто кто-то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. По движеніямъ локтей Василья я замѣчаю, что онъ развязываетъ кошелекъ: нищій, продолжая креститься и кланяться, бѣжитъ подлѣ самыхъ колесъ, такъ что того и гляди раздавитъ его. „Подай Хри-ста-ради." Наконецъ мѣдный грошъ летитъ мимо насъ, и жалкое созданье, въ обтянувшемъ его ху-

дые члены, промокшемъ до нитки рубищѣ—качаясь отъ вѣтра—въ недоумѣніи останавливается посреди дороги и исчезаетъ изъ моихъ глазъ.

Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, лилъ какъ изъ ведра; съ фризовой спины Василья текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшейся на фартукѣ. Сначала сбитая катушками, пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса; толчки стали меньше и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣднѣе и раскаты грома уже были не такъ поразительны за равномѣрнымъ шумомъ дождя.

Но вотъ дождь становится мельче; туча начинаетъ раздѣляться на волнистыя облака, свѣтлѣть въ томъ мѣстѣ, въ которомъ должно быть солнце, и сквозь сѣровато-бѣлые края тучи чуть виднѣется клочокъ ясной лазури. Черезъ минуту робкій лучъ солнца уже блеститъ въ лужахъ дороги, на полосахъ падающаго какъ сквозь сито, мелкаго, прямаго дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча также грозно застилаетъ противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ея. Я испытываю невыразимо-отрадное чувство надежды въ жизни, быстро замѣняющее во мнѣ тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается такъ же, какъ и освѣженная, повеселѣвшая природа. Василій откидываетъ воротникъ шинели, снимаетъ фуражку и отряхиваетъ ее; Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно впиваю въ себя освѣженный, душистый воздухъ. Блестящій, обмытый кузовъ кареты съ важами и чемоданами покачивается передъ нами; спины лошадей, шлеи, возжи, шины колесъ—все мокро и блеститъ на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Съ одной стороны дороги — необозримое поле, кое-гдѣ перерѣзанное неглубокими овражками, блеститъ мокрою землею и зеленью, и разстилается тѣнистымъ ковромъ до самаго горизонта; съ другой стороны—осиновая роща, поросшая орѣховымъ и черемушнымъ подсѣвомъ, какъ бы въ избыткѣ счастія стоитъ — не шелохнется и медленно роняетъ съ своихъ обмытыхъ вѣтвей свѣтлыя капли дождя на сухіе прошлогодніе листья. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселою пѣсnью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое движеніе маленькихъ птичекъ и изъ средины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса послѣ весенней грозы, запахъ березы, фіалки, прѣлаго листа, сморчковъ, черемухи, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ под-

ножки, бѣгу къ кустамъ и, несмотря на то, что меня осыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтви распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ...

(*Л. Н. Толстой*).

60. Буря.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ идти изъ Кадиса въ пять часовъ вечера; но море такъ разволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ, а на пароходѣ и огня не думали разводить. Всѣ пассажиры были уже на бортѣ; но капитанъ говорилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такою силою, что мой плащъ нисколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ было за фортепьяно, но качка заставляла его вдругъ нападать на такіе неожиданно дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть. Я взялъ было книгу, но движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другаго не оставалось, какъ лечь спать. У иныхъ начиналась уже морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться въ койкѣ, я снова одѣлся и пошелъ на верхъ. На палубѣ была мертвая тишина; одинъ только вахтенный ходилъ взадъ и впередъ; огня въ машинѣ еще не разводили. Небо было совершенно ясно, вѣтеръ стихъ; но волненіе нисколько не уменьшалось: волны сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь въ стѣны Кадиса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную, фосфорически сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ черную даль; вдали кое-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь.

Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ; нигдѣ ничтожность человѣческаго существованія передъ этой всеобъемлющей, неодолимой жизнію природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ.... Вѣтеръ сталъ подыматься сырой и студеный: я опять сошелъ въ залу и на этотъ разъ уснулъ. Меня разбудили стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося па-

ра: было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи; скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ въ наши паруса; море сильно волновалось, и не прошло получаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морской болѣзнью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ (а особенно разъ у береговъ Голландіи бурю, продолжавшуюся двое сутокъ), я привыкъ къ качкѣ корабля и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды понемногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе, бѣлая пѣна волнъ покрылась нѣжнымъ розовымъ отливомъ; онъ постепенно становился гуще и гуще и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся блескъ... Солнце показалось. Хорошъ былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верхи волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ, между волнами, сверкало голубое, пурпуровое, желтое пламя; въ эту минуту Океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ Океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто; только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Вдругъ эта масса начала рости съ необычайною быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны, стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, сшибаться одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся; не прошло десяти минутъ, какъ подулъ поминутно усиливающійся со стороны Африки, съ нимъ съ ужасающею быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучею. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода не замѣтенъ былъ на ней; вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ сбирать паруса, другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль, къ нему на помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усиливавшееся шипѣніе; я взгля-

нулъ направо: съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе; потомъ валъ вогнулся внутрь дугою и упалъ на пароходъ съ страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и также опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами, и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ въ глубь.... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываемая вѣтромъ съ вершинъ валовъ, разлеталась и падала бѣлымъ, шипучимъ дождемъ.

Я уже былъ давно промоченъ насквозь и сошелъ внизъ; стулья и столы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать; кромѣ того удары волнъ о борты парохода отдавались внизу, какъ удары тарановъ: пароходъ весь трещалъ и скрипѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ; здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясавшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрипомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался. Въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобъ не быть выброшену взмахами качки. Буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо; я опять кое-какъ вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, охватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревокъ снастей и предоставилъ волнамъ обливать меня сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; по-прежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ вьющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ небо было чисто, ясно, спокойно, и Испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ какъ мячикъ прыгалъ между волнами, то сбрасываемый въ разверзающуюся глубину, то взлетая на вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла, словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. То опрокидывало его на сторону, такъ-что одна половина его окунывалась въ воду, и поднявшееся колесо на другой сторонѣ попусту вертѣлось въ воздухѣ. Узкость пролива удесятеряла силу и напоръ валовъ; вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ меж-

ду снастями; валы одинъ за другимъ съ оглушающимъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безъ умолку. Во всемъ этомъ было дикое, уничтожающее величіе. Нѣсколько парусныхъ судовъ, шедшихъ по одному направленію съ нами, старались съ самаго начала бури выбраться въ открытое море, чтобъ не разбиться о берега; но одно судно находилось еще между нашимъ пароходомъ и берегомъ и тщетно старалось выбраться на широту пролива: волны и вѣтеръ все больше прибивали его къ берегу. Вотъ оно остановилось и нѣсколько минутъ качалось на одномъ и томъ же мѣстѣ—вѣрно, бросили якорь; но потомъ опять быстро понеслось къ берегу — вѣрно, якорный канатъ лопнулъ. Мы видѣли, какъ оно выставило флагъ, просящій о помощи; но пароходъ нашъ не могъ къ нему идти на помощь: подойдя ближе къ берегу, онъ самъ былъ бы въ опасности разбиться о береговыя отмели. Вдругъ судно исчезло подъ волнами и тотчасъ же снова показался его темный остовъ, но на немъ не видно было и признака мачтъ... судно разбилось... крикъ экипажа не донесся до насъ.

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у рулеваго колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи: но тутъ буря стала утихать; черный цвѣтъ тучи измѣнился на блѣдно-сѣрый, и берега Африки обозначилися. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный, бѣлая пѣна взлетала къ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара. (*В. Боткинъ*).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

1. Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ наиболѣе уединенной части Сардама: вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

(*Н. Устряловъ*).

2. Сардамскій домикъ.

Пребываніе Петра Великаго въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ сохраняютъ, какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Его посѣщали императоръ Іосифъ, король шведскій Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ, и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золоты-

ми буквами на мраморѣ Petro Magno Alexander (Петру Великому Александръ). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: „Ничто не мало великому человѣку". Домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и благополучно царствовавшій монархъ Россіи, Николай I, посѣщавшій его вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его былъ угощаемъ своею августѣйшею теткою въ 1838 г. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое, и подъ именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святые.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи твоей, —
Здѣсь родилась великая Россія! (*Н. Полевой*).

3. Кабинетъ Евгенія Онѣгина.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной, —
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ:
Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ
И чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя
И щетки тридцати родовъ
И для ногтей и для зубовъ.
(*Пушкинъ*).

4. Комната Ильи Ильича Обломова.

Лежанье у Ильи Ильича было его нормальнымъ состояніемъ. Когда онъ былъ дома — а онъ былъ почти всегда дома — онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ, служившей ему спальней, кабинетомъ и пріемной. У него было еще три комнаты, но онъ рѣдко туда заглядывалъ, утромъ развѣ, и то не всякій день, когда человѣкъ мелъ кабинетъ его, чего всякій день не дѣлалось. Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, сторы были спущены.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно убранною. Тамъ стояло бюро краснаго дерева, два

дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы, съ вышитыми, небывалыми въ природѣ птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей. Но опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ, однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти decorum неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграціозными стульями краснаго дерева, шаткими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало.

Точно тотъ же характеръ носили на себѣ картины, вазы, мелочи. Самъ хозяинъ, однако, смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ-будто спрашивалъ глазами: „кто сюда натащилъ и наставилъ все это?“ Отъ такого холоднаго воззрѣнія Обломова на свою собственность, а, можетъ-быть, и еще отъ болѣе холоднаго воззрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ господствующею въ немъ запущенностью. По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями, для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла не убранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.

Еслибъ не эта тарелка, да не прислоненная къ постели только-что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ— такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали двѣ-три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями: но страницы, на которыхъ развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтѣли; видно, что ихъ бросили давно; нумеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только, съ жужжаньемъ, испуганная муха.

(*Гончаровъ*).

5. Жилище священника.

Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна;
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ,
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ.
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ;
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахрамой
Виситъ на вербѣ восковой.

(*И. Козловъ*).

6. Классная комната.

Карлъ Иванычъ, съ очками на носу и книгой въ рукѣ, сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, между дверью и окошкомъ. Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна наша — дѣтская, другая Карла Иваныча, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги — учебныя и неучебныя: однѣ стояли, другія лежали. Только два большихъ тома Histoire des Voyages (Исторія путешествій), въ красныхъ переплетахъ, чинно упирались въ стѣну, а потомъ и пошли, длинныя, толстыя, большія и маленькія книги, — корочки безъ книгъ и книги безъ корочекъ; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажутъ, передъ рекреаціей, привести въ порядокъ библіотеку, какъ громко называлъ Карлъ Иванычъ эту полочку. Коллекція книгъ на *собственной*, если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе. Я помню изъ нихъ три: нѣмецкую брошюру объ унавоживаніи огородовъ подъ капусту — безъ переплета, одинъ томъ Исторіи Семилѣтней войны — въ пергаментѣ, прожженномъ съ одного угла, и полный курсъ гидростатики. Карлъ Иванычъ большую часть своего времени проводилъ за чтеніемъ, даже испортилъ имъ свое зрѣніе; но кромѣ этихъ книгъ и „Сѣверной Пчелы,“ онъ ничего не читалъ.

Въ числѣ предметовъ, лежавшихъ на полочкѣ Карла Иваныча, былъ одинъ, который больше всего мнѣ его напоминаетъ. „Это— кружокъ изъ картона, вставленный въ деревянную ножку, въ которой кружокъ этотъ подвигался посредствомъ шпеньковъ. На кружкѣ была наклеена картинка, представляющая каррикатуру какой-то барыни и парикмахера. Карлъ Иванычъ очень хорошо клеилъ и кружокъ этотъ самъ изобрѣлъ и сдѣлалъ для того, чтобы защищать свои слабые глаза отъ яркаго свѣта.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Иваныча. На третьей стѣнѣ, въ срединѣ которой была дверь внизъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна — изрѣзанная, наша, другая, — новенькая, *собственная*, употребляемая имъ болѣе для поощренія, чѣмъ для линеванія; съ другой—черная доска, на которой отмѣчались кружками наши большіе проступки и крестиками маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

Какъ мнѣ памятенъ этотъ уголъ! Помню заслонку въ печи, отдушникъ въ этой заслонкѣ и шумъ, который онъ производилъ, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь въ углу, такъ что колѣни и спина заболятъ, и думаешь: забылъ про меня Карлъ Иванычъ: ему, должно быть, покойно сидѣть на мягкомъ креслѣ и читать свою гидростатику,—а каково мнѣ? и начнешь, чтобы напомнить о себѣ, потихоньку отворять и затворять заслонку и ковырять штукатурку со стѣны; но если вдругъ упадетъ съ шумомъ слишкомъ большой кусокъ на землю, право, одинъ страхъ хуже всякаго наказанія. Оглянешься на Карла Иваныча, а онъ сидитъ себѣ съ книгой въ рукѣ и какъ будто ничего не замѣчаетъ.

Въ срединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашеныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ. Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешекъ, каждая колея давно знакомы и милы мнѣ; за дорогой—стриженая липовая аллея, изъ-за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа.

(*Л. Н. Толстой*).

7. Палаты царя Алкиноя.

Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ, было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя; мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали; входъ затворенъ былъ дверя-

ми, литыми изъ чистаго золота; притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ; также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое. Двѣ—золотыя съ серебряной—справа и слѣва стояли, хитрой работы искуснаго бога Гефеста, собаки стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя: были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли. Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы, тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ; мужи знатнѣйшіе града садились чиномъ на этихъ лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой. Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ. Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ: рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными, нити сучили другія и ткали, сидя за станками рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло. Сколь ѳеакійскіе мужи отличны въ правленіи были кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много. (*Жуковскій*).

8. Старинныя русскія жилища.

Большіе дома въ старину назывались *теремами*; въ Кіевѣ былъ каменный теремъ Великаго князя съ дворомъ. Обыкновенное названіе дома было *хоромы*, состоявшіе изъ теплаго жилья или *избъ* и холодныхъ лѣтнихъ покоевъ: *клѣтей*. Клѣти соединялись между собою сѣнями, переходами (помостомъ); впереди придѣлывались сѣни или крыльцо на столбахъ; около хоромовъ находились дворы, огороженные заборомъ. При хоромахъ находулись одрины (спальни), голубятни, бани, мéдуши (гдѣ хранили медъ). Въ комнатахъ стояли простые столы да лавки, называемыя *бесѣдами*; употреблялись также ковры для украшенія.

(*Водовозовъ*).

9. Дома въ Кордовѣ.

Кордова—совершенно мавританскій городъ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, узкія, вьющіяся улицы, по которымъ ходишь словно между двумя стѣнами, оконъ нѣтъ, однѣ две-

ри. Но если иная дверь отворена, то невольно остановишься и засмотришься. Каждая случайно отворенная дверь открываетъ очаровательный садикъ—тутъ и апельсинныя деревья, и рѣдкіе цвѣты: онъ обыкновенно обнесенъ высокою стѣною, за которою скрыта вся зелень. За садомъ квадратный дворикъ; тонкія мавританскія колонны разноцвѣтнаго мрамора поддерживаютъ арабскіе своды окружающей его галлереи, на которую выходятъ окна и двери жилыхъ комнатъ: посреди шумитъ фонтанъ въ мраморномъ бассейнѣ. Крыша этого двора состоитъ или изъ винограда, котораго густая зелень не пропускаетъ сквозь себя лучей солнца, или изъ холста. Въ этомъ прохладномъ дворѣ обыкновенно сидитъ семейство. (*В. Боткинъ*).

10. Испанская гостинница.

Комнаты гостинницы „Европа", въ которой живу я, выходятъ на мавританскій дворъ (здѣсь это необходимая принадлежность каждаго дома; такъ устроены и кофейныя, и гостинницы): со всѣхъ сторонъ обстановленъ онъ тонкими мраморными колоннами; посреди, въ большой мраморной чашѣ, бьетъ фонтанъ, окруженный гущею южно-американскихъ растеній и цвѣтовъ, которые здѣсь также привольно растутъ, какъ въ своемъ отечествѣ. Во время жара надъ дворомъ натягивается полотно, и въ этой душистой прохладѣ мы завтракаемъ, обѣдаемъ, читаемъ газеты. Здѣсь дворъ то же, что въ гостинницахъ Франціи и Германіи общая зала путешественниковъ. Комнаты, идущія около „двора", освѣщаются только своими стеклянными дверьми, выходящими на дворъ; оконъ нѣтъ. Внутреннія комнаты севильскихъ домовъ вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ изящнымъ „дворамъ". Напримѣръ, эта „Европа" самая великолѣпная изъ всѣхъ видѣнныхъ мною гостинницъ Испаніи, а вы не можете представить себѣ скромнаго убранства жилыхъ комнатъ: стѣны выкрашены бѣлою известью, самая простая кровать, обтянутая наглухо зеленой кисеею—отъ ночныхъ мухъ,—маленькій столъ изъ простаго дерева, надъ которымъ виситъ маленькое, въ четвертку, зеркальцо; три стула, на полу плетеный соломенный коверъ. Обѣдъ здѣсь сносенъ; одно уже то хорошо, что онъ приготовляется не на зеленомъ вонючемъ оливковомъ маслѣ, а на свиномъ салѣ. Кофе вездѣ въ Испаніи варятъ дурно, но за то въ самомъ послѣднемъ крестьянскомъ домѣ вамъ подадутъ такой шоколадъ, какого вы не найдете у любаго гастронома въ Европѣ. (*В. Боткинъ*).

11. Садъ Алкиноя.

Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ много деревъ, плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ, яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ, также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ; круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе; груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой, гроздъ пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ созрѣвая. Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый, и грозды частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ, частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь: иные были давимы въ чанахъ; другіе цвѣли иль, осыпавъ цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались. Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ овощь и вкусная зелень весь годъ собирались обильно. Два тамъ источника были: одинъ обтекалъ извиваясь садъ, а другой предъ самымъ порогомъ царева жилища свѣтлой струею бѣжалъ и граждане въ немъ черпали воду. Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноя.

(*Жуковскій*).

12. Садъ Плюшкина.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной белизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ

и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть, оно было все окинуто тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности. (*Гоголь*).

13. Садъ хорошей хозяйки.

(Хозяйка идетъ по своему саду).

Мимо конюшни и мимо красивыхъ сараевъ, хозяйка
Вдоль по двойному двору торопливо прошла и вступила
Въ садъ, который далеко холстомъ протянулся до самыхъ
Стѣнъ городскихъ, и его перешла, на растенья любуясь;
Тутъ же подпорки поправила тѣ, на которыхъ тяжелый
Сукъ опирается яблони или развѣсистой груши.
Нѣсколько также червей посняла мимоходомъ съ капусты:
Домовитая женщина шагу напрасно не ступитъ.
Такъ прошла и весь садъ она до самой бесѣдки,
Свѣжею зеленью скрытой; но сына въ ней не было: также
Какъ и въ саду, по сю пору нигдѣ его не было видно.

Только калитка едва приперта изъ бесѣдки — (калитку
Эту въ стѣнѣ городской проломалъ, по особенной власти,
Предокъ почтенный давно, какъ былъ онъ еще бургомистромъ).
Такъ свободно она перешла и сухую канаву,
Гдѣ виноградникъ отъ самой дороги, въ надежной оградѣ,
Вдоль по тропинкѣ крутой поднялся, обращаясь на полдень;
Также и тутъ восходя, она любовалась обильемъ
Гроздій, которыя чуть укрывались подъ зеленью листьевъ;
Въ средней, высокой аллеѣ дышала прохлада.
Должно по плитамъ нетесанымъ было въ нее подыматься.
Всюду висѣли кругомъ мускатель и прозрачный гутедель —
Былъ между ними и сизомалиновый крупной породы —
Сажены всѣ для того, чтобъ подносъ украшать передъ гостемъ.
Но въ остальномъ виноградникѣ лозы росли особливо:
Ихъ виноградъ, для вина дорогаго назначенный, мельче.
Такъ поднимаяся въ гору, она улыбалась заранѣ
Осени близкой и дню, въ который во всемъ околодкѣ
Гроздья снимаютъ, и жмутъ, и боченки виномъ наполняютъ....
Вечеромъ всюду потѣшнымъ огнемъ озаряется небо
Съ трескомъ, и тѣмъ почитается эта прекрасная жатва.

(*А. Фетъ*).

14. Островъ нимфы Калипсо.

Эрмій, посланный Зевсомъ къ нимфѣ Калипсо, чтобы возвѣстить ей волю боговъ, по которой она должна отпустить отъ себя Одиссея, быстро перелетаетъ пучину моря и достигаетъ острова, на которомъ эта нимфа обитала.

Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись, берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой нимфы обитель была, и ее самое тамъ увидѣлъ.

Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ и весь островъ былъ накуренъ благовоніемъ кедра и дерева жизни, ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью. Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы; въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длиннокрылыя птицы, копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумною стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая; сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ, росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли; свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь; вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ и злаковъ полные сочныхъ. Какъ бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный богъ, изумился бъ и радость въ его бы проникнула сердце.

Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса; но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца, въ гротъ онъ глубокій вступилъ напослѣдокъ; и съ перваго взгляда нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала (быть незнакомы другъ другу не могутъ безсмертные боги, даже, когда бъ и великое ихъ разлучало простанство).

Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не встрѣтилъ; онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ; горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ, взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море. (*Жуковскій*).

15. Островъ Циклоповъ.

(Одиссей описываетъ Алкиною свое путешествіе изъ-подъ Трои).

Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды Циклоповъ. Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя все, ни руками не сѣютъ; ни плугомъ не пашутъ; земля тамъ тучная, щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ рожь и пшено, и ячмень, и роскошныхъ кистей винограда полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ. Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ; въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь. Есть островокъ тамъ пустынный и дикій, лежитъ онъ на темномъ лонѣ морскомъ, ни далеко, ни близко отъ брега Циклоповъ, лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій; тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги; тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пашутъ; людей тамъ нѣтъ, безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы, ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ: нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая, разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ по морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь. Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій Циклопы; онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку; сходятъ широкой отлогостью

къ морю луга тамъ густые, влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось винограда; плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна. Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно; можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный. Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ. (*Жуковскій*).

16. Осень и Зима.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ:
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора —
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ.
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ: веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.
(*Пушкинъ*).

17. Зима.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ —
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ, —
На стеклахъ легкіе узоры, —
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ;
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь.
Бразды пушистыя взрывая,

Летитъ кибитка удалая.
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ:
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ.
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно.
(*Пушкинъ*).

18. Весна.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.
(*Пушкинъ*).

19. Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка,
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ—рябитъ.
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ—разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается:
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое! (*Никитинъ*).

20. Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.

Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній; отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной.
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской;
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой:
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка разцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется—снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ и онъ, и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣса. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
Экую радость послалъ намъ Господь—проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-атъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь.

(*Никитинъ*).

21. Ночь.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные воды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.
Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

(*Жуковкій*).

22. Ночь.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,

Теплый вечеръ прозрачно румянъ.
Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночною;
Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.
Кротко звѣздъ золотое сіянье,
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье: —
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души. (*Никитинъ*).

23. Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками
Какъ свѣча горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
Итяжелый трудъ. (*Никитинъ*).

24. Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ;
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!...
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились:
Встрѣтить ночь готовится природа,
Запахи повсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ и будто шевелится,
И ростетъ и шепчется трава!
Гдѣ-жъ крестьяне? День работавъ бодро,

Всѣ теперь за ужиномъ они:
Толкъ идетъ, чтобъ устояло ведро,
Чтобъ еще продлились эти дни!
Нѣтъ, ужъ дождь ихъ къ утру не разбудитъ,
Облака давно сбѣжали прочь!...
Что за вечеръ!... И какая будетъ
Теплая и мѣсячная ночь! (*И. Аксаковъ*).

25. Лѣсъ ночью.

Лѣсъ все чаще и гуще покрывалъ пространство; въ воздухѣ уже повѣяло прохладой; сквозь нависшія тучи лѣса виднѣлись небеса, которыя начали окрашиваться розовымъ цвѣтомъ послѣднихъ лучей солнца. Сильная усталость показывала мнѣ, что пройденный мною путь былъ великъ, а лѣсъ былъ теменъ какъ ночь.

„Ау!" закричалъ я Семенычу, и прислушался. Отвѣта не было. Я опять остановился и громко крикнулъ: „ау!" Лѣсное эхо прокатилось подъ сводами деревьевъ, и когда послѣдніе отголоски его стихли въ воздухѣ, изъ дальней-дальней стороны лѣса тихо, чуть слышно, поднялся голосъ и замеръ въ глубинѣ темнаго пространства.

Ясно, что старикъ былъ далеко. Я бросился на голосъ. Сухія вѣтки и ломъ хрустѣли подъ ногами, лѣсъ становился такъ густъ и теменъ, что трудно было даже видѣть. Удвоивая шаги, я пробирался сквозь чащу, перелѣзалъ валежникъ, шелъ долго, шелъ неутомимо, наконецъ остановился и аукнулся снова. Когда смолкло эхо, я весь обратился въ слухъ, но отвѣтомъ было одно мертвое молчаніе. Я собралъ всѣ свои силы и крикнулъ „ау": громко аукнулось со мною эхо, и болѣе ничего! Мрачный, дремучій лѣсъ обступилъ меня кругомъ, и на небольшомъ клочкѣ неба, который видѣнъ былъ сквозь сосенъ, мигала серебристая звѣздочка.

Читатель, конечно, пойметъ мое положеніе. Проживъ большую часть жизни въ городѣ, я, разумѣется, не имѣлъ никакой опытности для деревенской жизни, а особенно для такого положенія, въ которомъ находился теперь. Самая охота была не больше, какъ шалость. Да и кому бы то ни было, пріятно ли остаться въ дремучемъ лѣсу на ночь безъ всякой надежды вырваться? Даже собака, привыкшая больше къ старику, чѣмъ ко мнѣ, въ послѣднее время исчезла и не возвращалась. Это мнѣ окончательно подтвердило, что Григорій разошелся со мною, то-есть или самъ заблудился, или слишкомъ далеко отошелъ отъ меня. Мнѣ

стало ясно, что я ошибся въ направленіи, зашелъ въ Рамень, и въ этомъ дремучемъ лѣсу, гдѣ, по выраженію Григорья, и днемъ солнышко не свѣтитъ, долженъ буду остаться одинъ на всю ночь. Признаюсь, когда въ первый разъ мысль эта обрисовалась въ моей головѣ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу, и сердце замерло. Я собралъ послѣднія силы и бросился впередъ, чтобы, пользуясь слабымъ свѣтомъ сумерекъ, найти хотя какую-нибудь тропу и быть можетъ выбраться. Черныя лапы елей били меня по лицу, можжевельникъ обдиралъ платье и руки, каждый сукъ, ломавшійся подъ ногами, будилъ ночное эхо. Мнѣ пришло на мысль испытать послѣднее средство: выстрѣлами подозвать къ себѣ моего товарища. Но едва только мелькнула спасительная мысль въ головѣ, какъ тотчасъ же я долженъ былъ отказаться отъ нея: оказалось, что рога съ порохомъ не было на мнѣ. Продираясь сквозь чащу, я, вѣроятно, обронилъ его, и остался съ однимъ только зарядомъ, который былъ въ ружьѣ. Естественно, что нельзя было тратить напрасно эту единственную защиту въ случаѣ опасности. Черезъ нѣсколько шаговъ медленнаго пути, я долженъ былъ совсѣмъ остановиться: дорогу пересѣкъ оврагъ, дно котораго чернѣло, но что тамъ было? лѣсъ, валежникъ, или вода — нельзя было видѣть; наступавшая ночь все покрыла своимъ мракомъ. Въ страшномъ изнеможеніи и въ полномъ отчаяніи я упалъ на сырую землю.

Не знаю, долго ли я лежалъ такимъ образомъ; не знаю, былъ ли я въ безпамятствѣ, или спалъ послѣ сильной усталости. Будь все спокойно и тихо вокругъ, можетъ быть я пролежалъ бы такъ и до утра; но въ томъ-то и дѣло, что въ этомъ дремучемъ, повидимому совершенно молчаливомъ лѣсу, куда рѣдко попадаетъ человѣкъ, ни минуты не было спокойно. Я лежалъ еще въ совершенномъ безпамятствѣ, какъ вдругъ надъ головою моею раздался пронзительный крикъ птицы, вѣроятно, схваченной какимъ-нибудь звѣремъ. Тихій лѣсъ внезапно огласился этими криками, такъ что я въ ужасѣ вскочилъ на ноги. Молчанье водворилось снова, но не надолго. Возлѣ меня явно кто-то шевелился. Посреди тишины, на ломкой почвѣ лѣса, слышался шелестъ, — былъ ли то шагъ какого-нибудь звѣря, птицы, змѣи—во всякомъ случаѣ, положеніе было невыносимо. Эта приводящая въ отчаяніе неизвѣстность положенія была мучительна; я рѣшился, по крайней мѣрѣ, голосомъ отогнать невидимое, и кашлянулъ. Боже мой, какъ страшенъ показался мнѣ собственный голосъ! Какъ серди-

то повторило его эхо! Но вдругъ невдалекѣ отъ меня, въ оврагѣ, послышался шумъ, который привелъ меня въ совершенный ужасъ. Тамъ ворочалось какое-то огромное животное; оно то тяжело дышало, то стонало очевидно могучею грудью. Разумѣется, мнѣ припомнились разсказы Семеныча о медвѣжьихъ охотахъ въ Рамени, и я долженъ былъ рѣшительно предпринять что-нибудь для собственной безопасности. Конечно, другаго нельзя было придумать ничего, какъ взлѣзть на дерево, что я и сдѣлалъ. Ощупью нашелъ я огромную сосну, сучья которой едва могъ достать руками, взлѣзъ на ея смолистыя вѣтви, и выбравъ, сколько возможно поудобнѣе, мѣсто, сѣлъ такъ, что можно было прислониться къ дереву. Лѣсъ снова повелъ свои рѣчи. Страшный храпъ звѣря и его ворчаніе то замолкали, то вдругъ потрясали воздухъ. Посреди глубокой тишины внезапно раздался трескъ падающаго дерева; одряхлѣвшее и уже сгнившее на корню, оно падало отъ собственной тяжести, какъ будто нарочно выбравъ для своей смерти эту торжественную минуту ночи. Тишина возвращалась снова, но непонятный, неизвѣстно отъ чего происшедшій взлетъ птицы оглашалъ лѣсъ хлопомъ крыльевъ. Испуганныя птицы вскрикивали въ разныхъ мѣстахъ разными голосами, и снова все умолкало. Чьи-то явные шаги хрустѣли внизу лѣса: осторожно, молчаливо, мирно шелъ кто-то подъ вѣтвями, но кто — неизвѣстно. Лѣсъ точно испугался невѣдомаго пришельца и смолкъ въ глубокую тишину. Неизвѣстный шелъ, мракъ застилалъ все, и видѣть идущаго было невозможно; а между тѣмъ мысль: *не видитъ ли онъ меня*, ворочалась на душѣ. Шаги медленно, тихо проходили, сердито молчалъ надъ ними лѣсъ, и опять все утихало. Только величавый шумъ, подобный шуму морскихъ волнъ, вдругъ проносился сверху: это порывъ вѣтра прошелъ по громаднымъ деревьямъ и покачалъ ихъ вѣковыя вершины. Признаюсь, каждый трескъ сука, каждый крикъ птицы наводилъ ужасъ на непривычное сердце. Всѣ эти звуки, совершенно обыкновенные днемъ, были совсѣмъ иные ночью, въ глубинѣ Рамени, въ этомъ странномъ, глухомъ уединеніи. И вой звѣря, и стонъ вѣтра, и трепетъ листа какъ-то иначе звучали — отъ чего? отъ сумрака ночи, или отъ испуганнаго воображенія, я не знаю. Какъ-то страненъ, чуждъ уху былъ каждый шелестъ листа, каждое движеніе насѣкомаго. Когда умолкло все дневное, тогда-то лѣсъ и повелъ свои рѣчи, поднялъ свои таинственные, невѣдомые голоса. И каждый изъ нихъ грозилъ

мнѣ бѣдою. Но изъ всѣхъ этихъ голосовъ, поразительныхъ какъ крикъ заѣденной птицы, шумныхъ какъ вопли вѣтра, таинственныхъ какъ ночной ходъ невѣдомаго существа, страшнѣе всего былъ тотъ голосъ, которому я не знаю имени: это голосъ молчанія, голосъ невыразимой, безпробудной тишины. Выдавались минуты, которыя, конечно, казались часами, когда подъ черною гущей лѣса воцарялась невообразимая тишина. Не ворочалась травка, спалъ червякъ, не шепталъ листокъ, не хрустѣлъ верескъ, не дохнулъ вѣтерокъ — точно какъ окаменѣло все это лѣсное царство. Молчаніе охватывало кругомъ. Кто-то невѣдомый беззвучно бесѣдовалъ съ вами, охватывалъ своими безплотными объятіями. Звуки хоть и пугали, но все-таки намекали на жизнь, напоминали знакомое: но это страшное молчаніе выводило рядъ призраковъ, рой лѣсныхъ духовъ. Они-то и вели бесѣду этимъ грознымъ молчаніемъ. Тоска овладѣвала сердцемъ; мракъ томилъ глаза; хотѣлось что-нибудь увидѣть, успокоить глаза на чемъ-нибудь знакомомъ. Кругомъ мракъ. Я взглянулъ на небо: часть его была видна сквозь сосновыя лапы, но тамъ было неспокойно: густыя тучи безпрестанно закрывали его поверхность; то мохнатымъ звѣремъ, то неуклюжимъ великаномъ ползли онѣ по этому пространству и безпрестанно закрывали свѣтившіяся звѣздочки.

Но къ какому положенію не привыкнетъ человѣкъ, какія силы не покоритъ эта сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ вселенной! По истеченіи времени, не знаю какого, не такъ уже сильно пугали меня храпъ и стоны звѣря, шелестъ оборвавшейся бѣлки и вообще этотъ ночной ходъ природы, той же самой благодатной природы, которая такъ весело сіяетъ днемъ. Привыкъ нѣсколько глазъ къ этой безпредметной темнотѣ, освоилось ухо съ страшнымъ молчаніемъ. Тучи перестали ползать по небу, но намѣсто двухъ звѣздъ появилась одна, которая горѣла такъ ярко, потомъ начала бѣлѣть. Лѣсъ былъ такъ-же теменъ; но какъ будто побѣлѣе стали небеса; звѣздочки опять не стало. И на темныхъ пространствахъ лѣса стало что-то обозначаться: одно было черно какъ ночь, другое уже не такъ черно. Будто головы огромныхъ звѣрей выставились вокругъ и качали косматыми гривами. Небесный клочокъ сдѣлался еще болѣе. Кто-то свистнулъ въ вышинѣ, смолкъ и опять свистнулъ. Въ лѣсу показались неясныя краски, на небесахъ утренняя синева. Послышался иной свистъ въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ. Бѣлыя, легкія

облачка заалѣли. Лѣсъ уже пѣлъ тысячами голосовъ — въ вѣтвяхъ, въ травѣ, въ воздухѣ. Звѣрь стоналъ въ оврагѣ. Облака вспыхнули огнемъ и улетѣли. Въ сосновыя вѣтви проскользнулъ лучъ великаго свѣтила, и заигралъ въ слезкѣ росы, лежавшей на листкѣ травки. Подскочилъ заяцъ и сталъ глодать молодую осину: но, увидѣвъ меня, умчался въ чащу. Что-то брякнуло вдали, что-то похожее на человѣческій голосъ коснулось уха. Я притаилъ дыханіе и слушалъ. Лучи солнца засвѣтились пятнами на зеленой травкѣ, и благотворная теплота разлилась постепенно.

Осмотрѣвъ ружье, я пошелъ къ оврагу, въ которомъ теперь все молчало. Непроходимо ломный валежникъ покрывалъ его дно; чернымъ звѣремъ глядѣлъ оттуда пень, покрытый черноземомъ. Но гдѣ же тотъ, который пугалъ въ молчаніи ночи? А вотъ онъ! Звѣрь этотъ смотрѣлъ на меня вовсе не грозно, съ мольбой о спасеніи: это была лошадь, завалившаяся въ ломъ и почти издыхающая. Не имѣя силъ помочь ей, я отвернулся и пошелъ по лѣсу. Что-то опять прозвонило вдали: смолкло: кажется, пѣсня! Да, это пѣсня! Ближе, яснѣе — сердце забилось живѣе, пѣсня звучала сильнѣе, звонъ колокола все ближе, можно было различить и напѣвъ пѣсни. Я бросился на голосъ, и скоро межъ деревъ замелькалъ кто-то. По довольно торной дорогѣ верхомъ на лошади ѣхалъ молодой парень. Разумѣется, что съ этимъ всадникомъ я выбрался изъ лѣсу. (*Н. Дмитріевъ*).

26. Полдень въ рощѣ.

Жара заставила насъ наконецъ войти въ рощу; я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ, свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ-нибудь, далеко-далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба и ря-

домъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самостоятельное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака... и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагренные солнцемъ, все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ и поднимается свѣжее, трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите, и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите — та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія; и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины. (*И. Тургеневъ*).

27. Родина.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ

Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же;
Все тотъ-же ихъ знакомый слуху шорохъ;
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....
(*А. Пушкинъ*).

28. Усадьба въ Украйнѣ.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, исчезнутъ безслѣдно.—Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный „чирокъ“; за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами „шпанской“ земляники, съ сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохенькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близь провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, съ низу зеленой, къ верху сѣдой травой, жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода, потомъ клумбы съ цвѣтами, макомъ, піонами, анютиными глазками, крыжантами, „дѣвицей въ зелени“, кусты татарской жимолости, дикаго жасмина, сирени и акаціи съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ,

одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамахъ, съ покатой, нѣкогда крашенной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивой, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ; погребокъ съ заржавленнымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ сучьяхъ, а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ, и поле, и длинные плетни коноплянниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ.... Знакомо ли тебѣ все это, читатель? Въ самомъ домѣ все немножко на бокъ, немножко расшаталось, а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью „Strike-silent"; въ гостинной портреты хозяевъ, писанные масляными красками, съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ, а иногда старая, покоробленная картинка, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнетъ кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ, бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы.... Ничего! жить можно и даже очень недурно можно жить. (*И. Тургеневъ*).

29. Мельница.

(*Планъ сочиненія, по Холевіусу*).

Введеніе. Посѣщеніе школьнаго товарища, отцу котораго принадлежитъ мельница. Раннее утро. Дорога идетъ по горѣ, лѣсомъ.

Тема. Мельница въ лѣсу и ея окрестности.

1. (Выходъ изъ лѣсу), *взглядъ въ глубину долины съ западной стороны*. Довольно крутая, усаженная ивами дорога, извиваясь, ведетъ къ мельницѣ. Слышенъ шумъ и плескъ воды. По ту сторону опять цѣпь холмовъ, поросшихъ лѣсомъ. Къ сѣверу, внизу разстилается озеро. Изъ озера вытекаетъ рѣчка, которая приводитъ въ движеніе мельницу, потомъ дальше течетъ извилинами

и теряется къ югу въ ущельѣ. По склонамъ пашни, пастбища, тамъ и сямъ группы деревьевъ или кустарниковъ.

2. (*Прибытіе къ мельницѣ*). Верхнюю сторону занимаетъ собственно мельница, нижнюю—жилое строеніе, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, передняя сторона котораго лежитъ на водѣ. Цвѣтъ дома темнокрасный. Мука на крышѣ, на стѣнахъ и окнахъ.

3. Привѣтствія и разговоръ въ семейномъ кружкѣ.—*Видъ на дворъ съ восточной стороны*). Дворъ окруженъ тыномъ и занятъ хозяйственными постройками. Телѣги, земледѣльческія орудія, строевой лѣсъ, тесъ (мельники любятъ строиться), жернова. Конюшни; чрезъ отворенную дверь видна пара лошадей. Голубятня. Индѣйки, цесарки, павлинъ. Двѣ большія собаки на цѣпи. Нѣсколько поселянъ складываютъ съ телѣгъ мѣшки съ хлѣбнымъ зерномъ. Выпачканные въ мукѣ рабочіе. Около лѣсовъ пильщики точатъ свои пилы.

4. (Угощеніе *въ саду*). Садъ расположенъ по сю сторону рѣки, на юго-западѣ. Цвѣтникъ и фруктовый садъ. Красивый тесовый заборъ. Широкія дорожки, усыпанныя пескомъ. На высокихъ шестахъ красуются всадники, корабельщикъ съ веслами, мельница;—когда подуетъ вѣтеръ, они начинаютъ вертѣться; все это — произведенія рабочихъ въ длинные зимніе вечера. Далѣе, позади, огороды и выгонъ, гдѣ пасутся лошади, коровы, телята.

5. (Послѣ обѣда катанье въ лодкѣ—*озеро*). Берегъ частью песчаный, частью поросъ тростникомъ. Небольшой островъ съ рощицей, а въ ней хижинка. Купальня и садокъ. Утки, цапли. На берегу дѣти удятъ рыбу.

Заключеніе. Возвращеніе верхомъ въ сопровожденіи друга. Прощальный взглядъ на долину сверху. Долина освѣщена послѣдними лучами заходящаго солнца.

30. Дорога.

Солнце только-что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкой дикой лентой вьется впереди, между полями засохшаго жнивья и блестящей росою зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита, или молодая березка съ мелкими, клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и

мелкую зеленую траву дороги... Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать—признакъ истиннаго наслажденія.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое-нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю однѣ и тѣ же молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе? и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска четверкой, на почтовыхъ, быстро несется навстрѣчу. Двѣ секунды, и лица, на разстояніи двухъ аршинъ, привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлеснутыми за шлеи постромками, и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется, верхъ счастія быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ далеко за овра-

гомъ виднѣется на свѣтло-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленой крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? Отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками старыхъ, толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. „Что везете?" спрашиваетъ Василій у перваго извощика, кототорый, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально безсмысленнымъ взоромъ слѣдилъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. „Съ какимъ товаромъ?" обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новой рогожей, лежитъ другой извощихъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватой бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается, и мнѣ приходятъ мысли, что, вѣрно, эти извощики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ?...

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цифры, выставленныя на верстахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на верстовые столбы и на цифры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія на счетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. „Двѣнадцать верстъ составляетъ треть тридцати шести, а до Липецъ сорокъ одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?" и т. д.

„Василій — говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ—пусти меня на козлы, голубчикъ". Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами, онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

—Отчего это ныньче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать, говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе:—не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону и, подергивая возжой изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и не смотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротитъ всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть неизвѣстно для чего свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такой счастливой минутой и прошу Филиппа дать мнѣ *поправить*. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну возжу, потомъ другую; наконецъ, всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него, хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною не доволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей труди и отнимаетъ у меня возжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходиться и принимать темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительной ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ ватрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣе. Иногда во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ

пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать, при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ уже запахло деревней—дымомъ, дегтемъ, баранками, послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однѣхъ рубашенкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро сѣменя въ пыли босыми ноженками, несмотря на угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить проѣзжающихъ. Тпрру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляютъ за воротища, и мы въѣзжаемъ во дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

(Л. Н. Толстой).

31. Москва.

Но вотъ ужъ близко. Передъ нами
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы:
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, козаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

(А. Пушкинъ).

32. Сельское утро.

Александръ Павловичъ не могъ спать, и радъ даже былъ проникающему сквозь ставни свѣту. Онъ толкнулъ створы окна, чтобы открыть вмѣстѣ съ ними и ставень. Ему хотѣлось освѣжить чувства дневнымъ свѣтомъ, изъ темноты призраковъ прямо перейти въ свѣтлую зеленую долину, по которой текли воды Бѣлой. Рама уступила его давленію, ставень отворился, дневной свѣтъ дѣйствительно ослѣпилъ его, но представившееся его взорамъ такъ его поразило, что при первомъ впечатлѣніи онъ почти въ испугѣ отошелъ отъ окна. Тамъ, гдѣ текла рѣка, тамъ, гдѣ лежали ея берега, тамъ, гдѣ взбѣгали на горы поля и кустарникъ — теперь ничего не было — ни рѣки, ни береговъ, ни полей; было только одно безбрежное море. Вдали, какъ надгробный мавзолей, сверкалъ крестъ сельской колокольни. Изъ отдаленнаго края этого моря выступалъ лучезарный полукругъ солнца, и первыми своими лучами позолотилъ это бѣлое и безпредѣльное пространство. Черезъ нѣсколько времени море стало колебаться. Солнечная теплота мѣстами прогоняла туманы; мѣстами, какъ чудовище, вылѣзалъ черный ельникъ; мѣстами выплывалъ, какъ изумрудный островъ, зеленый берегъ; мѣстами засверкала и стальная поверхность Бѣлой. Тишина была невыразимая. Только съ крыльца доносились изрѣдка громкіе возгласы: „убѣлюся свѣтомъ яко ризою... омыеши мя и паче снѣга убѣлюся... Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене и проч.“ Это Макарычъ стоялъ на колѣняхъ и клалъ земные поклоны на сверкающій вдали крестъ колокольни. *(Н. Дмитріевъ).*

33. Пятигорскъ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Ныньче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и

закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ дальше амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ какъ поцѣлуй ребенка! солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество. (*Лермонтовъ*).

34. Нижегородская ярмарка.

Скромный домикъ архимандрита Печерскаго монастыря, въ Нижнемъ-Новгородѣ, примыкаетъ къ обители всей братіи. Домикъ простъ и не роскошенъ, но изъ оконъ его, съ ветхаго его балкона, открывается самая роскошная картина, пестрѣютъ вдали всѣ богатства Россіи.

Съ одной стороны на гористомъ берегѣ возвышается древній Кремль, и чешуйчатыя колокольни высоко обозначаются на глубокомъ небѣ, и весь городъ наклоняется и тянется къ приволжскому скату. Съ другой стороны, луговой, взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги, которыя смѣшиваютъ свои разноцвѣтныя воды у самаго подножія города и, смѣшиваясь, образуютъ мысъ, на которомъ кипитъ и бушуетъ всему міру извѣстная ярмарка; на этомъ мѣстѣ Азія сталкивается съ Европой, Востокъ съ Западомъ; тутъ рѣшается благоденствіе народовъ; тутъ ключъ нашихъ русскихъ сокровищъ. Тутъ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія, и тысячи лавокъ завалены товарами, и сотни тысячъ покупателей тѣснятся въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостинницахъ. Тутъ все населеніе толпится около одного кумира, кумира торговли. Повсюду разбитыя палатки, привязанныя обозныя телѣги, дымящіеся самовары, персидскіе, армянскіе, турецкіе кафтаны, перемѣшанные съ европейскими нарядами, повсюду ящики, бочки, кули, повсюду товаръ, какой бы онъ ни былъ: и брильянты, и сало, и книги, и деготь, и все, чѣмъ только ни торгуетъ человѣкъ. Но этого мало: вода не уступаетъ землѣ. Ока и Волга тянутся одна за другой, какъ

два огромныя войска, и сверкаютъ другъ передъ другомъ безчисленнымъ множествомъ флаговъ и мачтъ. Тутъ суда всѣхъ именованій, со всѣхъ концовъ Россіи, съ издѣліями далекаго Китая, съ собственнымъ обильнымъ хлѣбомъ, съ полнымъ грузомъ, ожидающія только размѣна, чтобъ снова идти, или въ Каспійское море, или въ Петербургъ.

Какая картина и какая противоположность: внизу—жизнь во всемъ разгулѣ страстей; на верху—спокойствіе келліи; тамъ—перемѣнчивость, опасенія, страхъ, буйство и страсти; здѣсь—безмятежная совѣсть и слово прощенія на устахъ. И каждое утро и каждый вечеръ надъ шумнымъ торжищемъ вселенной мирный пастырь тихо творитъ молитву и невольно думаетъ и задумывается о ничтожествѣ земной суеты. (*Гр. Соллогубъ*).

35. Южныя горы.

Для меня, жителя сѣверныхъ равнинъ, южныя горы имѣютъ какую-то необъяснимую прелесть; глаза, привыкнувъ съ младенчества свободно уходить въ смутную даль, ограниченную темною и мертвою линіею горизонта, съ какою-то ненасытною нѣгою блуждаютъ по этимъ высотамъ, на которыя каждый часъ дня кладетъ свои особенные тѣни колорита. Въ равнинахъ природа только на первомъ планѣ, такъ сказать, у ногъ; дальше—одно небо и пустое пространство, которое невольно склоняетъ къ задумчивости и грусти: отсюда, вѣроятно, и склонность къ мечтательности въ жителяхъ равнины. Въ горахъ надо проститься съ этой туманною безпредѣльностію: глаза повсюду встрѣчаютъ не однородную, сѣрую даль, а яркіе переливы зелени, или утесы и скалы, которымъ солнце и воздухъ сообщаютъ нѣжные и радужные цвѣта. Я думаю даже, что живописецъ, живущій въ равнинахъ, едва ли будетъ хорошимъ колористомъ: только въ горахъ можно понять все очарованіе солнца и тѣни и радужную ихъ игру. Утромъ горы лежатъ въ синемъ, чуть прозрачномъ туманѣ, сквозь который едва отдѣляются ихъ очертанія; облака, застигнутыя на отлогостяхъ затишьемъ вечера, раннимъ утромъ, розовыя, потихоньку встаютъ и уходятъ; постепенно, какъ солнце возвышается, туманъ становится прозрачнѣе и голубѣе; вотъ начинаютъ обозначаться зеленыя отлогости, красноватыя скалы, темныя ущелія. Въ этой воздушной, радужной игрѣ цвѣтовъ и лучей есть что-то музыкальное. Какъ смѣлы, рѣзки и вмѣстѣ нѣжны эти переходы! Каждая неровность, каждый

уступъ кладутъ свои оттѣнки, которые безпрестанно мѣняются съ движеніемъ солнца; пробѣгающія тѣни облаковъ еще болѣе разнообразятъ эту игру свѣта. Въ полдень туманъ исчезаетъ, оставивъ по себѣ лишь прозрачный голубой паръ, въ которомъ чувствуется что-то знойное и сонное. Есть въ полднѣ минута, когда солнце стоитъ на самой высотѣ горизонта и лучи его падаютъ перпендикулярно: яркость ихъ такъ сильна, что все разнообразіе горныхъ тоновъ исчезаетъ, утопая въ свѣтѣ; горы теряютъ свою массивность и становятся воздушными, словно прозрачными: въ эти минуты онѣ принимаютъ какой-то идеальный видъ.

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ становится золотистѣе свѣтло-голубой эфиръ, облегающій горы: снова начинаетъ выступать разнообразіе цвѣтныхъ тоновъ. Но косвенные лучи солнца уже измѣнили прежнее расположеніе ихъ: зелень, скалы и ущелья начинаютъ выступать съ новыми оттѣнками. Постепенно исчезаетъ золотистый паръ, раскрывая горы во всей ихъ осязательной массивности. Радужная дымка, лежащая на нихъ съ самаго утра, совершенно исчезла. Въ эти минуты чувствуешь, что то же очарованіе, которое для ушей лежитъ въ звукахъ, для глазъ заключается въ цвѣтахъ. Вотъ горы покрылись золотисто-палевымъ цвѣтомъ; но скоро начинаютъ пробѣгать по нимъ легкіе лиловые тоны, и все сильнѣе и все гуще, и черезъ минуту горы облиты лиловымъ сіяніемъ: какъ нѣжатся, утомленные яркостью прежнихъ цвѣтовъ, глаза на этомъ мягкомъ, ласкающемъ цвѣтѣ! съ какимъ-то задушевнымъ стремленіемъ хочешь подолѣе насмотрѣться на него! Но все больше и больше рдѣютъ лиловыя горы, и мгновенно разливается по нимъ яркій розовый пурпуръ; съ минуту стоятъ онѣ словно объятыя краснымъ пламенемъ... нѣтъ силъ смотрѣть на этотъ ослѣпительный блескъ... Онъ слабѣетъ уже... Послѣдніе, кровавые лучи заката едва на мгновеніе обольютъ еще горы алымъ свѣтомъ, какъ уже низовыя отлогости ихъ тонутъ въ сѣромъ ночномъ туманѣ; солнце скрылось, и только легкое розовое мерцаніе догораетъ кой-гдѣ на высокихъ вершинахъ.

И каждый день съ ненасытною нѣгою смотрю я на горы и каждый день все мнѣ кажется, что только сейчасъ увидѣлъ ихъ. Сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что я родился и выросъ въ странѣ равнинъ и унылой природы, а не на югѣ: тогда бы мои глаза давно привыкли къ горнымъ красотамъ южной природы и не ощущали бы этого наслажденія. (*В. Боткинъ*).

36. Новороссійскія степи.

Много приволья и простора жизни среди степей.

Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестію. Бѣлыя облака какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись, то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга, до вершины деревъ залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ, ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ логамъ и оврагамъ. Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы: высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.

Кажется, небо, упиваясь наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе: и цѣлый океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится благоуханіемъ.

Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядающія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою

молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ, утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ, день коротокъ; зари почти нѣтъ: близко южная осень.

По ноябрьскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовiю: едва проглянетъ, и скроется на цѣлый день. Туманъ потопомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ унынiе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты сбираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскiй; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Январь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись, какъ сибирскiя тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги: мятель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто проситъ прiюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, съ свистомъ взметаетъ волны снѣга, своеправно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей, онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и казаковъ: онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою и утомленный бѣжитъ далѣе... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ.

Буря утихла; небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь мирiады сверкающихъ былинокъ; высокiй бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

(*Пассекъ*).

37. Кадисъ.

При впаденiи своемъ въ океанъ, Гвадалквивиръ расширяется; въ продолженiи двухъ, трехъ часовъ пароходъ нашъ шелъ по океану. Вдали лежалъ бѣлый, какъ снѣгъ, Кадисъ. Чѣмъ ближе

подъѣзжаешь къ нему, тѣмъ видъ его становится величавѣе. Городъ расположенъ на мысѣ, выдавшемся въ море; узкой полосы земли, связывающей его съ материкомъ, не видать, и Кадисъ, съ своими ослѣпительно-бѣлыми зданіями, украшенными башенками, издали походитъ на громадный, лежащій въ океанѣ замокъ. Видъ съ высокихъ береговъ города на ярко-голубое море очарователенъ. Невозможно представить себѣ этой мягкой, яркой прозрачности воздуха, въ которомъ мачты самыхъ дальнихъ судовъ обозначаются съ ясною опредѣленностію.

Кадисъ отличается отъ всѣхъ городовъ Испаніи: красивыя зданія, свѣтлыя улицы, удивительная чистота домовъ, ихъ ослѣпительно-бѣлый цвѣтъ, повсюду необыкновенная опрятность, наконецъ совершенное отсутствіе въ архитектурѣ феодальнаго и мавританскаго характера, все это дѣлаетъ Кадисъ рѣшительно непохожимъ на прочіе испанскіе города. Здѣсь жители особенно стараются о внѣшнемъ украшеніи своихъ домовъ (чего нѣтъ нигдѣ въ Испаніи): ежегодно бѣлятъ ихъ; балконы и плоскія крыши домовъ, обнесенныя перилами, уставлены цвѣтами; на всякой крышѣ башенка, чтобъ любоваться оттуда моремъ. На улицахъ во всякое время дня множество народа (а въ остальной Испаніи выходятъ только вечеромъ); всюду характеръ праздничный, оживленный: словомъ, все свидѣтельствуетъ здѣсь, что городъ этотъ созданъ не средневѣковою, феодально-рыцарскою Испаніею, а интересами новаго времени, не воинственно-земледѣльческими нравами, а элементомъ, столь чуждымъ остальной Испаніи, торговлею. Кадисъ—городъ торговаго сословія. Его прямыя, мраморомъ вымощенныя улицы, красивыя площади, мраморные дома, огромные магазины напоминаютъ еще о томъ недавнемъ времени, когда Кадисъ былъ богатѣйшимъ торговымъ городомъ міра. Событія низвергли его, и вмѣсто прежняго знаменитаго торговаго города теперь это одна изъ неприступныхъ крѣпостей Европы. Стѣны трехъ и четырехъ-этажныхъ домовъ такъ же массивны, какъ стѣны укрѣпленій; строившіе ихъ, очевидно, разсчитывали на бомбардированіе непріятеля; лѣстницы домовъ большею частію изъ бѣлаго мрамора, полы въ домахъ выложены разноцвѣтнымъ; яркая бѣлизна домовъ, особенно сверкающая при темноголубомъ небѣ, необыкновенная чистота улицъ, окрашенныя зеленою краскою перила крышъ и балконовъ, уставленныхъ цвѣтами, все это такъ нѣжно, пестро и мило, что больше походитъ на игрушку, чѣмъ на городъ. Необыкновенная оживленность улицъ, при-

мыкающихъ къ гавани, и этотъ праздничный, изящно-опрятный видъ заставляетъ сначала подумать, что это все еще прежній цвѣтущій торговый Кадисъ; но стоитъ только выйти изъ улицъ, примыкающихъ къ гавани, и между мраморными плитами мостовой ростетъ высокая трава, длинныя улицы пусты, всюду признаки паденія и запустѣнія. (*В. Боткинъ*).

38. Театръ у древнихъ Грековъ.

Театры у Грековъ были очень обширны. Крыши на нихъ не дѣлалось, такъ какъ представленія давались только днемъ. Ихъ размѣры разсчитывались такъ, чтобы вмѣщать все мужское населеніе города и его окрестностей. Театръ въ Аѳинахъ вмѣщалъ 30,000 человѣкъ, въ Мегалополисѣ—даже 40 тысячъ. Но театральныя представленія служили не для одного увеселенія и развлеченія народа, а также и для религіозныхъ цѣлей: они сопровождали и украшали собою празднества въ честь боговъ. Далѣе, они дѣйствовали на народное образованіе, пробуждали сознаніе національности, развивали вкусъ и художественное чувство. Вслѣдствіе всего этого, государство не щадило никакихъ издержекъ для представленій. Раннимъ утромъ театры освящались богатыми жертвоприношеніями, торжественными процессіями и молитвами. Представленія начинались съ восходомъ солнца, среди благоуханнаго дыма жертвенныхъ куреній. Зрители сидѣли въ благоговѣйномъ молчаніи съ вѣнками на головахъ и въ праздничныхъ платьяхъ. Зданіе театра считалось священнымъ, подобно храму.

Его составляли три главныя части: мѣста для зрителей, сцена, естественно находившаяся насупротивъ этихъ мѣстъ, и орхестра, помѣщавшаяся въ срединѣ между обѣими этими частями. Мѣста для зрителей образовали полукруги, возвышавшіеся одинъ надъ другимъ и увеличивавшіеся по мѣрѣ удаленія отъ средины. Концами они упирались въ сцену и вмѣстѣ съ нею замыкали въ себѣ орхестру. Большею частію, театры строились на склонахъ холмовъ; ступени выдѣлывали прямо изъ земли, выкладывали ихъ мраморомъ или другимъ камнемъ; если же холмъ составляла скала, то ихъ вырубали въ ней.

Расположеніе мѣстъ для зрителей концетрическими полукругами, возвышающимися одинъ надъ другимъ, было необходимо для того, чтобы зрители могли хорошо видѣть и слышать все, что происходило на сценѣ. Въ большихъ театрахъ эти мѣста раздѣ-

лялись на два или на три отдѣленія, посредствомъ широкихъ проходовъ, тянувшихся отъ одного конца полукруга до другаго. Каждое отдѣленіе снова дробилось на нѣсколько меньшихъ, клинообразныхъ отдѣленій, посредствомъ лѣстницъ, которыя шли, въ видѣ лучей, отъ нижняго до верхняго ряда мѣстъ. Ступени были такъ широки, что сидѣвшіе на нихъ могли свободно ставить свои ноги за спинами зрителей, занимавшихъ нисшіе ступени.

На мѣста зрители проходили или сверху, черезъ двери наружной стѣны, окружавшей театръ, или же черезъ орхестру, откуда поднимались по маленькимъ лѣстницамъ на нижнюю площадку, а съ нея потомъ взбирались выше и выше по всходамъ, которые прорѣзывали лучами весь амфитеатръ.

Сцена образовала прямоугольникъ, тянувшійся въ длину всей орхестры; но глубина его была менѣе ширины. Бока сцены упирались въ два боковыя зданія, между которыми и мѣстами для зрителей находились, съ каждой стороны, ворота, для входа въ орхестру. Наконецъ пространство за задней стѣною сцены служило отчасти для переодѣванья актеровъ и хора, отчасти для помѣщенія машинъ, костюмовъ и т. п. Впрочемъ собственно машинная часть древнихъ театровъ была очень бѣдна сравнительно съ ея нынѣшнимъ богатствомъ и разнообразіемъ. Задняя стѣна сцены обыкновенно представляла собою дворецъ, съ тремя дверями: изъ среднихъ дверей выходилъ царь владѣтель дворца; всѣ другія, боковыя двери означали входъ въ женскіе покои, въ комнаты для гостей и другія второстепенныя зданія. Нерѣдко также на этой стѣнѣ изображался храмъ съ его принадлежностями. Перемѣны сценъ бывали рѣдко; хотя боковыя декораціи и могли мѣняться посредствомъ извѣстнаго механизма, но этого нельзя и сравнивать съ нынѣшними быстрыми и частыми перемѣнами сценъ и декорацій.

Самое главное отличіе древнихъ театровъ отъ нашихъ состояло въ размѣрахъ и значеніи орхестры. Она была нѣсколько ниже сцены и соединялась съ нею лѣстницами, по которымъ хоръ могъ всходить изъ орхестры на сцену и сходить со сцены въ орхестру. Такъ какъ зданія театровъ употреблялись и для религіозныхъ процессій, то для этого по срединѣ орхестры находился четырехъ-угольный жертвенникъ, окруженный ступенями.

Хоръ—какъ показываетъ уже самое положеніе орхестры, собственно для хора назначенной—занималъ средину между представлявшимися на сценѣ дѣйствіемъ и зрителемъ. Онъ не принималъ участія въ дѣйствіи, но былъ къ нему близокъ, потому что пред-

ставлялъ лица, болѣе или менѣе въ немъ заинтересованныя: жителей страны или города, свиту и т. п.; онъ сопровождалъ то, что представлялось на сценѣ, лирическимъ выраженіемъ чувствованій зрителя, слѣдящаго за представленьемъ съ глубокимъ сердечнымъ участіемъ: онъ хвалилъ добрыхъ и разумныхъ, призывалъ къ умѣренности увлекавшихся какою-нибудь страстью, утѣшалъ страждущаго, жалѣлъ невиннаго, напоминалъ о божественной карѣ, приводилъ примѣры изъ области миѳовъ, произносилъ золотыя изрѣченія мудрости и благочестія.

На высокихъ котурнахъ, въ пышныхъ праздничныхъ одеждахъ, съ золотыми вѣнками на головѣ, вступали участники хора въ орхестру и обходили жертвенникъ торжественнымъ, мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейтъ и священныхъ пѣсенъ. Разучиванье хоровыхъ пѣсенъ составляло главный предметъ заботливости поэтовъ; они трудились надъ нимъ задолго до представленія, придумывали мелодіи и соотвѣтствующія пляски, и не щадили ни трудовъ, ни издержекъ, чтобы дать вполнѣ достойное выраженіе своимъ мыслямъ. Обязанность ставить хоры была возложена правительствомъ на богачей, по очереди, и они старались перещеголять другъ друга пышностію и роскошью постановки.

Кромѣ хора, объ устройствѣ котораго заботилось государство, поэтъ получалъ также необходимыхъ актеровъ, въ случаѣ если у него не было своихъ актеровъ, которые уже исключительно посвящали себя представленію его піесъ. Наконецъ, государство же заботилось и о публикѣ: покрайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, со временъ Перикла, бѣднѣйшіе граждане получали изъ государственной казны по два обола для платы за входъ арендаторамъ театра, которые за это обязаны были содержать зданіе въ надлежащемъ порядкѣ.

39. Соборъ въ Севильѣ.

Въ концѣ XIV вѣка соборный причетъ въ Севильѣ вздумалъ на мѣстѣ арабской мечети, обращенной въ церковь, построить новый храмъ, но такой, подобнаго какому не было бы въ цѣломъ мірѣ. Неизвѣстно, кто былъ его архитекторомъ, но замѣчательно то, что на постройку его почтенный причетъ отдалъ всѣ свои доходы, оставя себѣ одно только необходимое, и черезъ 90 лѣтъ міръ имѣлъ зданіе, по огромности своей уступившее въ послѣдствіи одному только храму св. Петра въ Римѣ. Каковы же были доходы севильскаго соборнаго причта?

Внутренность храма состоитъ изъ пяти сводовъ самаго чистаго готическаго стиля, раздѣленныхъ колоннами; средній сводъ высоты неимовѣрной: внутренность готическихъ храмовъ Германіи, Франціи, Англіи, даже самаго миланскаго собора, бѣдна передъ этою страшною громадою; колонны, толщиною съ башни, кажутся тонкими и легкими въ неимовѣрной высотѣ этихъ сводовъ; 80 огромныхъ расписанныхъ оконъ освѣщаютъ храмъ; боковыя трубы органа походятъ на трубы пароходовъ: но подъ сводами храма звуки этихъ громадныхъ трубъ разносятся мелодически. Вокругъ идутъ придѣлы, каждый въ обыкновенную церковь, но колоссальность зданія такова, что ихъ не замѣчаешь. Главный алтарь посреди церкви, и съ трехъ сторонъ, во всю страшную вышину, покрытъ рѣзьбой изъ дерева въ самомъ фантастическомъ готическомъ вкусѣ: это безчисленныя башни, ниши, статуи, самой тщательной работы.

Художественное богатство собора поразительно. Картины первоклассныхъ художниковъ наполняютъ придѣлы, залы, галлереи,—не знаешь, куда смотрѣть; я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ и каждый день выходилъ оттуда съ новымъ изумленіемъ: столько разсыпано тутъ искусствъ, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою, небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Италія. Описывать севильскій соборъ нѣтъ возможности; для этого надо было бы написать цѣлую книгу. Въ придѣлахъ его соединены всѣ стили: и строгій готическій, и „возрожденія", и особенный испанскій, называемый здѣсь plateresco, отличающійся самою безумною расточительностію украшеній; тутъ есть и рококо, — каждый вѣкъ строилъ свой придѣлъ и свой престолъ, и при всемъ томъ, соборъ еще не вполнѣ отдѣланъ. Эти храмы среднихъ вѣковъ строились какими-то титанами: въ наше время подобныя зданія невѣроятны, безразсудны, невозможны. Но въ противоположность всѣмъ готическимъ церквамъ въ Европѣ, наружность собора очень проста, безъ великолѣпныхъ порталей, безъ кружевныхъ башенъ: колокольнею ему служитъ бывшій арабскій минаретъ, построенный въ X вѣкѣ арабскимъ архитекторомъ аль Геборъ, будто бы изобрѣтателемъ алгебры. Въ XVI вѣкѣ архитекторъ Эскоріала, Эррера, поднялъ ее на нѣсколько этажей; теперь это самая оригинальная, изящная колокольня въ мірѣ. (*В. Боткинъ*).

40. Соборъ въ Севильѣ.

Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, которое оставляетъ Севилья,—справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка: „кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда", справедлива ровно на столько, на сколько относится къ собору, Это зданіе не только чудо Испаніи, но чудо Европы.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженныя каменными балясинами и идущія одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежитъ одному строенію.

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго, обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще Арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями: они, говорятъ, посажены еще Арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было *по обѣщанію*. Основаніемъ плану служила такая мысль: „построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился!" Надо сказать,—цѣль была вполнѣ достигнута. Для выполненія ея, конечно, много способствовали громадныя средства, но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ одних было мало: къ такому результату могло только привести религіозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и наконецъ вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожаный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ,

кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ, какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средній сводъ высоты необъятной: подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовень; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе, и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія.

Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ подъ руки испанскихъ художниковъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ, колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаики и рѣдкія картины,—украшаютъ безчисленные ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены кромѣ того распятіями, маленькими статуйками, драгоцѣнными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первоклассныйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи.

Но желаніе дать обо всемъ хотя даже приблизительное понятіе было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день впродолженіе круглаго года, все-таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ, при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростью, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмьюдесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ Священнаго писанія. Такъ какъ окна рас-

положены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны,—солнце освѣщаетъ ихъ поперемѣнно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни пойдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, опускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ и хоръ—мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ средину главнаго свода.

Иконостасъ отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой; за нею во всю ширину свода, отъ колоннъ до колоннъ, идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой: тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже по тому, что на иконостасѣ изображенъ Ветхій и Новый Завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймой, покрытой херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбою.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянной рѣзьбою. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ то же время перелистываньемъ

пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящихся скульптурныхъ налояхъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленьи; прислушиваешься,—точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хоромъ и иконостасомъ возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилою какого-нибудь важнаго прелата: онъ служитъ поддержкою восковой свѣчки, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу; это цѣлая мачта! Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восьмнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пяти сотъ службъ. По этому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ Севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одна изъ нихъ помѣщается на особыхъ народныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Разные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все, что въ немъ заключается, невозможно; при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ и мысли путаются. (*Д. Григоровичъ*).

41. Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темносиней, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; нач-

нетъ ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный, косой парусъ, и начнетъ, также носомъ, перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ;—все живописно и великолѣпно въ немъ. (*С. Аксаковъ*).

42. Конь.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ:
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ; круть ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ —
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ,
И потокъ клубится?—мигомъ
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя...
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!
Снова въ дѣло, конь ретивой!
Въ збруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно мѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

(*Н. Языковъ*).

43. Верблюдъ.

Верблюдъ—драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь все-таки избалованное животное, требуетъ ухода, а если и можетъ обойтись безъ овса, то всегда нуждается въ чистой и вкусной водѣ, въ сочной травѣ; она не станетъ ни пить дурной воды, ни жевать негодной травы, покрывающей степь. А гдѣ прикажете взять и ту и другую, когда каравану приходится на длинныхъ переходахъ, иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и растетъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія, противныя для лошади, травы; откуда взять

чистую воду, когда и горькая вода — рѣдкость въ степи? Совсѣмъ другое дѣло верблюдъ. Верблюдъ переносчивъ: онъ пьетъ и горькую, и застоялую, и перепорченную воду; онъ можетъ день, два, три дня пробыть безъ пойла, и также усердно несетъ свою ношу, какъ будто никогда не былъ знакомъ съ водой. Обыкновенно же поятъ верблюда водой, лѣтомъ, одинъ разъ въ сутки, а осенью и зимою одинъ разъ въ продолженіе двухъ и трехъ сутокъ, если нѣтъ хорошаго водопоя. За лошадью много ухода: и безъ того ужъ усталому работнику надо тратить силы, чтобы ее распрячь или развьючить, потомъ ее нужно выводить, потомъ напоить, стреножить, цѣлую ночь пасти, глядѣть за нею съ осторожностію, чтобъ она не заблудилась, не отошла далеко, не примкнула бы къ чужому табуну; на утро ее надо снова напоить и снова, при большихъ трудахъ, навьючить, когда работнику нужно высоко надъ собою, на рукахъ, поднимать тяжелые вьюки, чтобы взваливать ихъ ей на спину; потомъ должно искусно закрутить ношу веревками и заботливо наблюдать за вьюкомъ въ продолженіе цѣлой дороги.

Съ верблюдомъ хлопотъ меньше. Съ окончаніемъ перехода, нужно только потянуть верблюда за веревку, привязанную къ колышку, продѣтому у животнаго сквозь ноздри — и верблюдъ становится на колѣни; работникъ безъ труда сбрасываетъ съ него тюки и пускаетъ верблюда на волю. Ни треножить, ни пасти верблюда не нужно: онъ самъ найдетъ себѣ пищу, самъ себя упасетъ и не отойдетъ далеко отъ стоянки. Верблюдъ скоро наѣдается и потомъ всю ночь лежитъ, не вставая съ мѣста; только немногіе, какъ исключеніе изъ общаго правила, или бродятъ ночью по близости лагеря, или стоятъ на одномѣ мѣстѣ, не сгибая колѣнъ. Къ утру верблюдъ, по слову „чокъ", опять падаетъ на колѣни; Киргизъ, безъ чувствительной траты силъ и безъ особенныхъ хлопотъ, наложитъ ему ношу и кое-какъ перепутаетъ ее веревками, не опасаясь, что онѣ развяжутся въ дорогѣ отъ движенія животнаго, и что чужой товаръ можетъ свалиться съ горбатаго „корабля пустыни". Только зимою съ верблюдомъ немного больше хлопотъ, именно потому, что онъ никогда ни на снѣгъ, ни на мерзлую землю не ложится. Для этого нужно сгрести съ назначеннаго для ночлега верблюдовъ мѣста снѣгъ и вскопать промерзлую землю особеннымъ орудіемъ, называемымъ кептонь: это родъ круглаго топора и вмѣстѣ заступа, надѣтаго на длинноватую палку въ нарочно-сдѣланное для

того отверстіе. Мѣсто для ночлега верблюдовъ выбирается такое, которое бы отовсюду защищено было отъ непогоды, напримѣръ: логъ или увалы между холмовъ, или заросшее кустарникомъ пространство. Ежели по близости оттуда растетъ камышъ, то сгребаютъ снѣгъ, а землю не вскапываютъ, но только покрываютъ ее камышомъ. Въ такомъ пріютѣ верблюды цѣлаго каравана ложатся рядомъ всѣ вмѣстѣ. Но еслибы случилось, что на притонѣ нѣтъ удобнаго мѣста для укрытія животныхъ, то верблюдовъ на ночь окружаютъ высокою стѣною или оградою, сложенною изъ товарныхъ тюковъ. На этомъ-то животномъ, прозванномъ *Кораблемъ пустыни*, и совершается въ степи караванная торговля.

44. Ласточка.

Ласточка—самая неугомонная летунья. Кажется, летать для нея почти такъ же необходимо, какъ дышать воздухомъ: она ѣстъ, пьетъ, кушаетъ и даже иногда кормитъ дѣтей на лету, съ какою-то непостижимою торопливостью, будто опасаясь присѣсть на минуту, чтобы не потерять времени, вездѣ побывать, всюду завернуть и все высмотрѣть. Это связано съ ея необходимыми потребностями: она кормится преимущественно насѣкомыми; а насѣкомыя, смотря по состоянію погоды, да и по своему свойству, то толкутся надъ рѣкой, озеромъ или болотомъ, то прячутся подъ листья деревъ или травы, то кишатъ въ прохладной тѣни лѣса, то заползаютъ въ чашечки цвѣтовъ, то забиваются подъ камни, въ трещины ихъ, щелки домовъ, ищутъ пріюта въ углахъ и т. д. Ласточкѣ все это надо вывѣдать, все оглядѣть. Это для нея, какъ для дикаря охота,—средство жить; а когда ѣсть надобно, поневолѣ поднимешься съ мѣста, расправишь крылья.

Ласточки, какъ большая часть маленькихъ птичекъ, любятъ жить общинами. Это имъ, какъ и другимъ слабымъ существамъ, необходимо для взаимной защиты и помощи. Природа дала имъ этотъ прекрасный инстинктъ участія другъ къ другу. Французскій писатель Таррагонъ разсказываетъ любопытные примѣры этого. „Однажды я, говоритъ онъ, смотрѣлъ на ряды гнѣздъ, которыя ласточки понадѣлали подъ окнами. Однимъ изъ нихъ насильственно завладѣлъ воробей,—выгналъ ласточку, преблагополучно поселился тамъ и началъ класть свои яица. Разбой совершенный! Вдругъ одна ласточка подняла ужасный крикъ, бросая на воздухъ эти пронзительные звуки, которыми она всегда воз-

вѣщаетъ ей грозящую или другимъ птицамъ бѣду. На этотъ крикъ слетѣлось безчисленное множество сострадательныхъ птичекъ. Онѣ летали взадъ и впередъ мимо гнѣзда, кружились, заглядывали въ него, какъ будто желая увѣриться, что съ нимъ случилось или кто тамъ засѣлъ въ него. Можетъ быть, даже этимъ крикомъ хотѣли выгнать оттуда нашего врага. Но упрямый воробей притаился тамъ—ни гугу! сидитъ да и только. Ласточки наконецъ всѣ закричали какъ будто призывомъ къ мести и вдругъ скрылись. Онѣ сѣли на ближнее болото, схватили носиками по куску грязи, поднялись вмѣстѣ, подлетѣли къ гнѣзду, въ которомъ сидѣлъ хищникъ, чрезъ нѣсколько минутъ замазали его тамъ на голодную смерть и опять съ крикомъ унеслись, куда кому вздумалось.

Еще, говоритъ Дюпонъ-де-Намюръ, однажды ласточка зацѣпилась лапкой за конецъ тоненькой нитки, висѣвшей съ дома. Она старалась высвободиться, пробовала летѣть; но нитка держала ее. Тогда ласточка стала кричать. На крикъ ея слетѣлись всѣ ласточки, какія только находились въ сосѣднемъ кварталѣ, щебетали, порхая вокругъ нея и какъ бы придумывая способъ помочь ей. Но вотъ одна ласточка разлетѣлась и клюнула въ конецъ нитки, подлѣ того мѣста, гдѣ бѣдная увязила ножку; вслѣдъ за нею то же другая, третья, и такъ далѣе; удары носиковъ ихъ повторялись съ необыкновенною быстротою, ласточки работали неутомимо, по крайней мѣрѣ съ полчаса, и переклевали нитку.

Ласточекъ множество породъ и каждая порода дѣлаетъ гнѣзда по своему; но вообще онѣ большею частію держатся близко къ жилью человѣка—конечно, потому, что это имъ удобно и безопасно отъ нападенія хищныхъ птицъ. Въ южной Африкѣ, ласточки иногда селятся въ крестьянскихъ лачугахъ и придѣлываютъ свои гнѣзда къ потолку; только эти гнѣзда имѣютъ форму отличную отъ гнѣздъ нашихъ европейскихъ ласточекъ; это—родъ пустаго шарика, къ отверстію котораго придѣлывается очень длинная трубочка; она и служитъ, для входа и выхода ласточки.

Когда мать выводитъ дѣтей, отецъ ночью обыкновенно сидитъ на краю гнѣзда—должно быть, чтобъ стеречь отъ опасности. Но вотъ маленькія вывелись, запищали. Тутъ ужъ начинаются общія заботы—кормить ихъ и содержать въ самой лучшей опрятности гнѣздо; черезъ это и маленькія, привыкнувъ къ ней, сами вскорѣ начинаютъ о ней заботиться.

Когда дѣти оперятся, ласточка чувствуетъ, что имъ пора учиться летать, собирать кормъ, и—почему знать?—можетъ быть, стро-

нить гнѣздо, знакомиться съ вещами и окрестностями. Мать вызываетъ ихъ ласковымъ говоромъ, манитъ кормомъ, даже потихоньку толкаетъ, порхаетъ вокругъ нихъ, какъ бы показывая, что летать совсѣмъ не опасно; иногда улетаетъ отъ гнѣзда очень далеко и крикомъ своимъ даетъ знать о себѣ, чтобы или застращать дѣтей, что мать отъ нихъ, пожалуй, совсѣмъ улетитъ, или чтобъ ободрить; — словомъ, она употребляетъ всѣ материнскія убѣжденія и уловки, похожія на тѣ, когда мы хотимъ заставить дитя ходить.

Вылетъ ласточекъ па свѣтъ — большой свѣтъ — для старыхъ большая радость: сколько крику-то, крику и щебетанья! Къ тому времени, когда ласточкамъ наступитъ время улетать, маленькія обыкновенно совсѣмъ выростаютъ. Исключенія зависятъ отъ какихъ-нибудь неизбѣжныхъ случайностей, и это бываетъ несчастіемъ для опоздавшихъ, потому что онѣ должны пропасть отъ голода. Въ путь онѣ собираются огромными тучами: слетаются быстро съ разныхъ сторонъ, и когда наберется ихъ, сколько имъ надобно, онѣ садятся на деревьяхъ, на землѣ, на кровляхъ домовъ и потомъ шумнымъ, веселымъ роемъ, взвившись высоко, несутся туда, куда Богъ указалъ имъ путь. Летятъ онѣ всегда не въ розсыпь, не въ одиночку, а довольно тѣсно сомкнувшись, чтобы удобнѣе разсѣкать воздухъ общимъ напоромъ, и выбираютъ, сколько возможно, благопріятный вѣтеръ.

Надобно беречь силы,—летѣть-то приходится далеко: изъ Европы, большею частію, въ Африку. Тамъ онѣ тоже дѣлаютъ гнѣзда, иногда въ пескѣ, иногда въ домахъ, какъ у насъ. Когда настаютъ сильные африканскіе жары,—градусовъ сорокъ въ тѣни— ласточки прилетаютъ прохлаждаться къ намъ на сѣверъ. Изъ экономіи, или по привязанности, онѣ почти всегда прилетаютъ въ мѣста, въ которыхъ были прежде, и занимаютъ старинныя гнѣзда. Иногда такимъ образомъ одно гнѣздо бываетъ колыбелью цѣлыхъ поколѣній этихъ птичекъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію; многіе дѣлали опыты: навязывали ниточки на ножки ласточкамъ, которыя водились въ гнѣздахъ подъ окнами, и онѣ на слѣдующую весну являлись съ этими замѣтками. Спаланцани дѣлалъ подобныя наблюденія восьмнадцать лѣтъ сряду, и шесть или семь паръ ласточекъ прилетали постоянно въ тѣ же гнѣзда и селились въ нихъ, почти не производя никакихъ починокъ.

Дюпонъ-де-Намюръ увѣряетъ, что ласточки—отецъ и мать— очень любятъ другъ друга, и если убьютъ одну, другая тоскуетъ,

перестаетъ щебетать, неохотно летаетъ, мало ѣстъ и умираетъ съ горя.

Перья ласточекъ вообще не очень блестящи и не разнообразны по цвѣтамъ. Цвѣта, на нихъ встрѣчающіеся, обыкновенно—бѣлый, красный, голубой, черный и пепельный. Линяя, онѣ не перемѣняютъ цвѣта. (*Изъ „Библ. для воспит.“ Рѣдкина*).

45. Бой пѣтуховъ въ Кадисѣ.

Вѣроятно, къ англійскимъ нововведеніямъ принадлежитъ здѣсь и страсть къ бою пѣтуховъ: каждое воскресенье бываетъ сраженіе, въ особо для того устроенномъ амфитеатрѣ. При мнѣ публика состояла человѣкъ изъ полутораста. Каждый изъ участвовавшихъ держалъ своего пѣтуха у себя подъ мѣстомъ. Передъ началомъ боя, пѣтуховъ свѣсили, и только пѣтухи равнаго вѣсу допускались къ битвѣ. По окончаніи предварительныхъ приготовленій, начались заклады, которые во все продолженіе боя безпрестанно предлагались и принимались. Нѣкоторые изъ пѣтуховъ отличались уже въ прежнихъ бояхъ: ихъ знали охотники по виду и держали за нихъ самые большіе заклады. Постепенно пущены были шесть паръ пѣтуховъ. Одинъ убилъ своего противника съ перваго же удара шпорами. Иной, чувствуя превосходство своего противника, бѣжалъ отъ него прочь, продолжая бѣгать вокругъ небольшой арены, противникъ за нимъ и, описывая меньшій кругъ, уже настигалъ его, какъ вдругъ—преслѣдуемый оборачивался, быстро нападалъ на своего преслѣдователя и послѣ короткаго боя повергалъ его на землю... и надобно видѣть энтузіазмъ публики къ побѣдителю. Иногда пѣтухъ ослѣпляетъ другаго, или бѣгущая изъ раненной головы кровь мѣшаетъ ему смотрѣть: въ такомъ случаѣ хозяинъ раненнаго пѣтуха можетъ взойти на арену и, держа за хвостъ своего пѣтуха, направлять его движенія. И какъ скоро слѣпой пѣтухъ замѣчалъ близость врага—тотчасъ же съ яростью нападалъ на него; и до тѣхъ поръ не отстаютъ они другъ отъ друга, пока одинъ изъ нихъ не падетъ замертво: такая ужъ храбрая натура пѣтуха. Но убиваютъ они другъ друга рѣдко. По окончаніи боя выносятъ обѣ враждующія стороны, пускаютъ имъ кровь и кладутъ въ холодную воду. Большею частію они поправляются, и хорошіе пѣтухи берегутся къ слѣдующимъ битвамъ. (*В. Боткинъ*).

46. Мальчики, стерегущіе табунъ.

Всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Изъ ихъ разговоровъ я узналъ ихъ имена и намѣренъ теперь же познакомить съ ними читателя).

Первому, старшему изо всѣхъ, Ѳедѣ, вы бы дали лѣтъ четырнадцать. Это былъ стройный мальчикъ съ красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, полу-веселой, полу-разсѣянной улыбкой. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ и выѣхалъ-то въ поле не по нуждѣ, а такъ, для забавы. На немъ была пестрая ситцевая рубаха съ желтою каемкой; небольшой новый армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечикахъ; на голубенькомъ поясѣ висѣлъ гребешокъ. Сапоги его съ низкими голенищами были точно его сапоги, не отцовскіе. — У втораго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза сѣрые, скулы широкія, лицо блѣдное и рябое, ротъ большой, но правильный, вся голова огромная, какъ говорится, съ пивной котелъ, тѣло приземистое, неуклюжее... Малый былъ неказистый, что и говорить! а все-таки онъ мнѣ понравился: глядѣлъ онъ очень умно и прямо, да и въ голосѣ у него звучала сила. Одеждой своей онъ щеголять не могъ: вся она состояла изъ простой замашной рубахи, да изъ заплатанныхъ портовъ. Лицо третьяго, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслѣповатое, оно выражало какую-то тупую, болѣзненную заботливость; сжатыя губы его не шевелились, сдвинутыя брови не расходились—онъ словно все щурился отъ огня. Его желтые, почти бѣлые волосы торчали острыми концами изъ-подъ низенькой войлочной шапочки, которую онъ обѣими руками то-и-дѣло надвигалъ себѣ на уши. На немъ были новые лапти и онучи, толстая веревка, три раза перевитая вокругъ стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему, и Павлушѣ на видъ было не болѣе двѣнадцати лѣтъ.—Четвертый, Костя, мальчикъ лѣтъ десяти, возбуждалъ мое любопытство своимъ задумчивымъ и печальнымъ взоромъ; лицо его было не велико, худо, въ веснушкахъ, къ низу заострено, какъ у бѣлки; губы едва было можно различить; но странное впечатлѣніе производили его большіе, черные, жидкимъ блескомъ блестѣвшіе глаза: они, казалось, хотѣли что-то высказать, для чего на языкѣ, на его языкѣ по крайней мѣрѣ, не было словъ. Онъ былъ маленькаго роста, сло-

женія тщедушнаго и одѣтъ довольно бѣдно.— Послѣдняго, Ваню, я сперва было и не замѣтилъ: онъ лежалъ на землѣ, смирнехонько прикорнувъ подъ угловатую рогожу, и только изрѣдка выставлялъ изъ-подъ нея свою русую кудрявую головку. Этому мальчику было всего лѣтъ семь. (*Тургеневъ*).

47. Остапъ и Андрій.

Между тѣмъ какъ мать со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулися золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли: молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности: они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. — Бѣдная мать! она какъ увидала ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

„Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать!“ произнесъ наконецъ Бульба. „Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть“.

Всѣ сѣли, не исключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба. „Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за вѣру Христову; а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ“.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. „Пусть хранитъ васъ..... Божья Матерь.... не забывайте, сынки, мать вашу.... пришлите хоть вѣсточку о себѣ.....“ далѣе она не могла продолжать.

„Ну, пойдемъ, дѣти!“ сказалъ Бульба. (*Гоголь*).

48. Ахиллесъ снаряжается къ битвѣ.

Посреди ихъ Пелидъ ополчался великій.
Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ, пышущій гнѣвомъ,
Бога дарами облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
Бросилъ мечъ на плечо съ рукояткой серебряногвоздной,
Съ лѣзвіемъ мѣдянымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался.
Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяетъ,
Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли и волны и буря,
Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ:
Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши,
Крѣпкій, надѣлъ на главу; засіялъ, какъ звѣзда, надъ главою
Шлемъ коневласый: и грива на немъ волновалась златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Такъ Ахиллесъ ополчася, испытывать началъ доспѣхи,
Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ:
И какъ крылья они подымали владыку народа.
Взялъ наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское—ясень
Крѣпкій, огромный, тяжелый: его изъ героевъ Ахейскихъ
Двигать не могъ ни одинъ, но легко Ахиллесъ потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
Сѣкъ съ высоты Пеліона, на грозную гибель героямъ.
Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали:
Въ пышныхъ поперсьяхъ къ ярму припрягли ихъ; удила въ морды
Втиснули имъ, и бразды натянувъ къ колесницѣ прекрасной,
Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда захвативши рукою
Гибкій блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомедонъ.
Сзади, готовый къ сраженію сталъ Ахиллесъ быстроногій,
Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіонъ лучезарный.

(*Гнѣдичъ*).

49. Аммалатъ-Бекъ.

Онъ (Аммалатъ-Бекъ) былъ одѣтъ въ черную персидскую чуху, обложенную галунами; висячіе рукава закидывались за плечи. Турецкая шаль обвивала подъ исподомъ надѣтый архалукъ изъ букетовой термаламы. Красные шаровары скрывались въ

верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолетъ его блистали серебромъ и золотою насѣчкою. Ручка сабли осыпана была дорогими каменьями. Сей владѣтель Тарковъ былъ высокій, статный юноша открытаго лица; черныя *зильфляры* (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки.... легкіе усы оттѣняли верхнюю губу.... очи сверкали гордою привѣтливостію. Онъ сидѣлъ на червонномъ конѣ, и тотъ крутился подъ нимъ, какъ вихорь. Противъ обыкновенія, не было на конѣ персидскаго, круглаго, расшитаго шелками чепрака; но легкое черкесское сѣдло съ серебромъ подъ чернедью, съ расписанными пошебнями, и со стременами чернаго хораманскаго булата подъ золотою насѣчкою. (*Марлинскій*).

50. Портретъ Обломова.

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, гулявшими безпечно по стѣнамъ, по потолку, съ тою неопредѣленною задумчивостью, которая показываетъ, что его ничто не занимаетъ, ничто не тревожитъ. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки шлафрока. Иногда взглядъ его помрачался выраженіемъ будто усталости или скуки. Но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать съ лица мягкость, которая была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ, не лица только, а всей души. Душа такъ открыто и ясно свѣтилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, рукъ. И поверхностно-наблюдательный, холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на Обломова, сказалъ бы: „добрякъ долженъ быть, простота!“ Человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ, съ улыбкой.

Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а безразличный, или казался такимъ, можетъ быть, потому, что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія, или воздуха, а можетъ быть, того и другаго. Вообще же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ-бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ,

мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ-изнѣженнымъ для мужчины. Движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода граціи лѣнью. Если на лицо набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ намѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ.

Какъ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ таліи, весьма помѣстительный, такъ-что Обломовъ могъ дважды завернуться въ него. Рукава, по неизмѣнной азіятской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире-и-шире. Хотя халатъ этотъ и утратилъ свою первоначальную свѣжесть и мѣстами замѣнилъ свой первобытный, естественный лоскъ другимъ, благопріобрѣтеннымъ, но все еще сохранялъ яркость восточной краски и прочность ткани.

Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ; не чувствуешь его на себѣ; онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла.

Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстуха и безъ жилета, потому что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія: когда онъ не-глядя опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больнаго или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ. (*И. Гончаровъ*).

51. Демьянова уха.

„Сосѣдушка мой свѣтъ,
Пожалуйста покушай!“
Сосѣдушка! я сытъ по горло. „Нужды нѣтъ.
Еще тарелочку: послушай,
Ушица ей-же ей на славу сварена!“—
Я три тарелки съѣлъ. „И, полно! что за счеты!
Лишь стало бы охоты,

А то во здравье, ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ;
Еще хоть ложечку! — Да кланяйся, жена!"
Такъ потчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку.
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ.
Сбирается съ послѣдней силой,
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю,
Вскричалъ Демьянъ,—за то ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!"
— Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь:
То вѣдай, что твои—и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи. (*Крыловъ*).

52. Анекдотъ о Демьяновой ухѣ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ, зная силу своего литературнаго оружія, т. е. сатиры, выбиралъ иногда случаи, чтобы не промахнуться и мѣтко попасть въ цѣль; вотъ доказательство:

Въ Бесѣдѣ русскаго слова, бывшей въ домѣ Державина, приготовляясь къ публичному чтенію, просили его прочитать одну изъ его новыхъ басенъ, которыя были тогда лакомымъ блюдомъ всякаго литературнаго пира и угощенія. Онъ обѣщалъ; но на предварительное чтеніе не явился, а пріѣхалъ въ Бесѣду во время самаго чтенія и довольно поздно. Читали какую-то чрезвычайно длинную пьесу; онъ сѣлъ за столъ. Предсѣдатель отдѣленія А. С. Хвостовъ, сидѣвшій напротивъ него за столомъ, въ полголоса спрашиваетъ у него: Иванъ Андреевичъ, что, привезли? — Привезъ. — Пожалуйте мнѣ. — А вотъ ужо, послѣ. — Длилось чтеніе, публика утомилась, начали скучать, зѣвота овладѣла многими. Наконецъ дочитана пьеса. Тогда Иванъ Андреевичъ руку

въ карманъ, вытащилъ измятый листокъ и началъ: „Демьянова уха". Содержаніе басни удивительнымъ образомъ соотвѣтствовало обстоятельствамъ, приноровленіе было такъ ловко, такъ кстати, что публика громкимъ хохотомъ отъ всей души наградила автора за басню, которою онъ отплатилъ за скуку ея и развеселилъ ее прелестію своего разсказа. *(Лобановъ).*

53. Игры.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ Гаврило, примявъ около себя высокую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы круглые, колебающіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что? сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ. — Давайте въ Робинзона.

Нѣтъ.... скучно, сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья: — вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ; должно быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворился, что очень усталъ. Можетъ быть и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ „Robinson Suisse" (Швейцарскаго Робинзона), котораго мы читали не задолго передъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія? приставали къ нему дѣвочки. — Ты будешь Charles или Ernest (Карлъ или Эрнестъ), или отецъ — какъ хочешь? говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется — скучно! сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть, сквозь слезы говорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте, только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю, и воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изъ всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ, сложа руки и въ позѣ, не имѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинувъ руки подъ голову, и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей, — и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ! и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!... Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что жъ тогда остается?....

(*Графъ Л. Н. Толстой*).

54. Вечернее гулянье въ Севильѣ.

По вечерамъ съ 8 и 9 часовъ начинается гулянье на Alameda del Duque. На югѣ нѣтъ нашихъ долгихъ сумерекъ: ночь наступаетъ тотчасъ по захожденіи солнца. Alameda del Duque небольшая площадь, обсаженная высокими, густыми акаціями и освѣщенная множествомъ фонарей; по обѣимъ сторонамъ сдѣланы скамьи, посреди огромный фонтанъ, широкимъ, разсыпающимся букетомъ бросающій воду и постоянно освѣжающій удушливо-теплый воздухъ. Около площадки расположены кофейныя лавочки

съ холодною водою, лимонадомъ. Что за живые разговоры, что за откровенный смѣхъ раздаются на этомъ гуляньѣ! О свободѣ, царствующей здѣсь, въ Европѣ не имѣютъ понятія: здѣсь словно каждый у себя дома. Эта непринужденность, этотъ громкій смѣхъ, эта живость разговоровъ, какъ все это не походитъ на европейскія гулянья, а тѣмъ менѣе на наши, на которыя мужчины и женщины выходятъ съ такими натянутыми, заученными лицами и манерами. Но что особенно замѣчательно, эта непринужденность, эта свобода проникнуты здѣсь самою изящною вѣжливостью: это не заученная, не условная вѣжливость, принадлежащая въ Европѣ одному только хорошему воспитанію, а такъ сказать врожденная, вѣжливость и деликатность чувства, а не однѣхъ внѣшнихъ формъ, какъ у насъ, и которая здѣсь равно принадлежитъ и гранду и простолюдину. Испанецъ вѣжливъ не изъ приличія, не съ одними только порядочно одѣтыми людьми, — въ этомъ отношеніи здѣсь одежда не значитъ ничего—онъ равно вѣжливъ со всѣми, и денди здѣсь не стыдится поклониться одѣтому въ плащъ съ заплатами, или сказать, что онъ знакомъ былъ съ тѣмъ лавочникомъ.—На Alameda не слышно словъ senor и senora, а только dona Dolores, don Fernando; dona Angeles, don Luis; здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ средней Испаніи, слѣдуютъ обычаю звать другъ друга по именамъ. Подумаешь, что находишься на какомъ-нибудь семейномъ праздникѣ.

55. Дядюшка.

Помѣщаемая нами сцена заимствована изъ романа графа Л. Н. Толстаго „Война и Миръ". Дѣйствіе происходитъ въ 1810 г. Молодой графъ Николай Ростовъ, офицеръ Павлоградскаго полка, пріѣхалъ погостить въ деревню къ своему отцу. Старый графъ былъ страстный охотникъ и держалъ богатую охоту. Въ одно прекрасное сентябрское утро молодому Ростову захотѣлось поохотиться на волковъ. Онъ приказалъ людямъ собраться и выѣхалъ къ мѣсту, указанному доѣзжачимъ. Николая сопровождали его сестра, 16-ти лѣтняя Наташа, и маленькій братъ Петя.

(Слѣдуетъ описаніе самой охоты).

На охотѣ встрѣчаютъ они небогатаго сосѣда и дальняго родственника Ростовыхъ,—котораго они называютъ „дядюшкой" — тоже страстнаго охотника, который также выѣхалъ па волковъ съ своими собаками. Они продолжаютъ охотиться вмѣстѣ и все больше и больше удаляются отъ дому. Наконецъ „дядюшка" предлагаетъ молодымъ Ростовымъ заѣхать къ нему отдохнуть.

— И если бы заѣхали ко мнѣ—чистое дѣло маршъ!—сказалъ дядюшка, еще бы того лучше: видите, погода мокрая, говорилъ

дядюшка, отдохнули бы, графинечку бы отвезли въ дрожкахъ. Предложеніе дядюшки было принято, за дрожками послали охотника въ Отрадное; а Николай съ Наташей и Петей поѣхали къ дядюшкѣ.

Человѣкъ пять, большихъ и малыхъ, дворовыхъ мущинъ выбѣжало на парадное крыльцо встрѣчать барина. Десятки женщинъ, старыхъ и молодыхъ, высунулись съ задняго крыльца смотрѣть на подъѣзжавшихъ охотниковъ. Присутствіе Наташи, женщины, барыни верхомъ, довело любопытство дворовыхъ дядюшки до тѣхъ предѣловъ, что многіе, не стѣсняясь ея присутствіемъ, подходили къ ней, заглядывали ей въ глаза и при ней дѣлали о ней свои замѣчанія, какъ о показываемомъ чудѣ, которое не человѣкъ и не можетъ слышать и понимать, что говорятъ о немъ.

— Аринка, глянь-ка, на бочьку сидитъ! сама сидитъ, а подолъ болтается... Вишь и рожокъ!

— Батюшки-свѣты, ножикъ-то...

— Вишь татарка!

— Какъ же ты не перекувырнулась-то? говорила самая смѣлая, прямо ужъ обращаясь къ Наташѣ.

Дядюшка слѣзъ съ лошади у крыльца своего деревяннаго, заросшаго садомъ домика и, оглянувъ своихъ домочадцевъ, крикнулъ повелительно, чтобы лишніе отошли, и чтобы было сдѣлано все нужное для пріема гостей и охоты.

Все разбѣжалось. Дядюшка снялъ Наташу съ лошади и за руку провелъ ее по шаткимъ досчатымъ ступенямъ крыльца. Въ домѣ, не оштукатуренномъ, съ бревенчатыми стѣнами, было не очень чисто,—не видно было, чтобы цѣль жившихъ людей состояла въ томъ, чтобы не было пятенъ, но не было замѣтно запущенности. Въ сѣняхъ пахло свѣжими яблоками, и висѣли волчьи и лисьи шкуры.

Черезъ переднюю дядюшка провелъ своихъ гостей въ маленькую залу съ складнымъ столомъ и красными стульями, потомъ въ гостинную съ березовымъ круглымъ столомъ и диваномъ, потомъ въ кабинетъ съ оборваннымъ диваномъ, истасканнымъ ковромъ и съ портретомъ Суворова, отца и матери хозяина и его самого въ военномъ мундирѣ. Въ кабинетѣ слышался сильный запахъ табаку и собакъ. Въ кабинетѣ дядюшка попросилъ гостей сѣсть и расположиться какъ дома, а самъ вышелъ. Ругай съ невычистившейся спиной вошелъ въ кабинетъ и легъ на диванъ, обчищая себя языкомъ и зубами. Изъ кабинета шелъ коридоръ,

въ которомъ виднѣлись ширмы, съ прорванными занавѣсками. Изъ-за ширмъ слышался женскій смѣхъ и шопотъ. Наташа, Николай и Петя раздѣлись и сѣли на диванъ. Петя облокотился на руку и тотчасъ заснулъ; Наташа и Николай сидѣли молча. Лица ихъ горѣли, они были очень голодны и очень веселы. Они поглядѣли другъ на друга (послѣ охоты, въ комнатѣ, Николай уже не считалъ нужнымъ выказывать свое мужское превосходство передъ своей сестрой); Наташа подмигнула брату, и оба удерживались не долго и звонко расхохотались, не успѣвъ еще придумать предлога для своего смѣха.

Немного погодя, дядюшка вошелъ въ казакинѣ, синихъ панталонахъ и маленькихъ сапогахъ. И Наташа почувствовала, что этотъ самый костюмъ, въ которомъ она съ удивленіемъ и насмѣшкой видала дядюшку въ Отрадномъ — былъ настоящій костюмъ, который былъ ничѣмъ не хуже сюртуковъ и фраковъ. Дядюшка былъ тоже веселъ; онъ не только не обидѣлся смѣху брата и сестры (ему и въ голову не могло придти, чтобы могли смѣяться надъ его жизнію), а самъ присоединился къ ихъ безпричинному смѣху.

—Вотъ такъ графиня, молодая — чистое дѣло маршъ — другой такой не видывалъ! сказалъ онъ, подавая одну трубку съ длиннымъ чубукомъ Ростову, а другой, короткій, обрѣзанный чубукъ закладывая привычнымъ жестомъ между трехъ пальцевъ.

— День отъѣздила, хоть мущинѣ въ пору—и какъ ни въ чемъ не бывало.

Скоро послѣ дядюшки, отворила дверь, по звуку ногъ очевидно босая, дѣвка, и въ дверь съ большимъ уставленнымъ подносомъ въ рукахъ вошла толстая, румяная, красивая баба, лѣтъ 40, съ двойнымъ подбородкомъ и полными румяными губами. Она, съ гостепріимной представительностью и привлекательностью въ глазахъ и каждомъ движеніи, оглянула гостей и съ ласковой улыбкой почтительно поклонилась имъ. Несмотря на толщину больше чѣмъ обыкновенную, заставлявшую ее выставлять впередъ грудь и животъ и назадъ держать голову, женщина эта (экономка дядюшки) ступала чрезвычайно легко. Она подошла къ столу, поставила подносъ и ловко своими бѣлыми пухлыми руками сняла и разставила по столу бутылки, закуски и угощенья. Окончивъ это, она отошла и съ улыбкой на лицѣ стала у двери. На подносѣ были травникъ, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юрагѣ, сотовый медъ, медъ вареный и ши-

пучій, яблоки, орѣхи сырые и каленые орѣхи въ меду. Потомъ принесено было Анисьей Ѳедоровной и варенье на меду и на сахарѣ, и ветчина, и курица, только что зажаренная.

Все это было хозяйства, сбора и варенья Анисьи Ѳедоровны. Все отзывалось сочностью, чистотой, бѣлизной.

— Покушайте, барышня графинюшка, приговаривала Анисья Ѳедоровна, подавая Наташѣ то то, то другое. Наташа ѣла всего, и ей показалось, что подобныхъ лепешекъ на юрагѣ, съ такимъ букетомъ вареній, на меду орѣховъ и такой курицы никогда она нигдѣ не видала и не ѣла. Анисья Ѳедоровна вышла. Ростовъ съ дядюшкой, пробуя, запивая ужинъ вишневой наливкой, разговаривали о прошедшей и будущей охотѣ, о Ругаѣ и другихъ собакахъ. Наташа съ блестящими глазами прямо сидѣла на диванѣ, слушая ихъ. Нѣсколько разъ она пыталась разбудить Петю, чтобы дать ему поѣсть чего-нибудь, но онъ говорилъ что-то непонятное, очевидно не просыпаясь. Наташѣ такъ весело было на душѣ, такъ хорошо въ этой новой для нея обстановкѣ, что она только боялась, что слишкомъ скоро за ней пріѣдутъ дрожки. Послѣ наступившаго случайно молчанія, какъ это почти всегда бываетъ у людей, въ первый разъ принимающихъ въ своемъ домѣ знакомыхъ людей, дядюшка сказалъ, отвѣчая на мысль, которая была у его гостей:

— Такъ-то вотъ и доживаю свой вѣкъ... Умрешь, — чистое дѣло маршъ, ничего не останется. Что жъ и грѣшить-то!

Лицо дядюшки было очень значительно и даже красиво, когда онъ говорилъ это. Ростовъ невольно вспомнилъ при этомъ все, что онъ хорошаго слышалъ отъ отца и сосѣдей о дядюшкѣ. Дядюшка во всемъ околодкѣ губерніи имѣлъ репутацію благороднѣйшаго и безкорыстнѣйшаго чудака. Его призывали судить семейныя дѣла, его дѣлали душеприкащикомъ, ему повѣряли тайны, его выбирали въ судьи и другія должности; но онъ отъ всего упорно отказывался, осень и весну проводя въ поляхъ на своемъ кауромъ геринѣ, зиму сидя дома, лѣтомъ лежа въ своемъ заросшемъ саду.

— Что же вы не служите, дядюшка?

— Служилъ, да бросилъ. Не гожусь, чистое дѣло маршъ, я ничего не разберу. Это ваше дѣло, а у меня ума не хватитъ. Вотъ на счетъ охоты другое дѣло, это чистое дѣло маршъ! Отворите-ка дверь-то, крикнулъ онъ. Что жъ затворили? Дверь въ концѣ коридора (который дядюшка называлъ колидоръ) вела

въ холодную, охотническую; такъ называлась людская для охотниковъ. Босыя ноги быстро зашлепали, и невидимая рука отворила дверь въ охотническую. Изъ коридора ясно стали слышны звуки балалайки, на которой игралъ очевидно какой-нибудь мастеръ этого дѣла. Наташа уже давно прислушивалась къ этимъ звукамъ и теперь вышла въ коридоръ, чтобы слышать ихъ яснѣе.

— Это у меня мой Митька кучеръ... Я ему купилъ хорошую балалайку, люблю, сказалъ дядюшка. — У дядюшки было заведено, чтобы, когда онъ пріѣзжаетъ съ охоты, въ холостой охотнической Митька игралъ на балалайкѣ. Дядюшка любилъ слушать эту музыку.

— Какъ хорошо, право отлично, сказалъ Николай съ нѣкоторымъ невольнымъ пренебреженіемъ, какъ будто ему совѣстно было признаться въ томъ, что ему очень были пріятны эти звуки.

— Какъ отлично? съ упрекомъ сказала Наташа, чувствуя тонъ, которымъ сказалъ это братъ.—Не отлично, а это прелесть что такое! Ей также какъ грибки, медъ и наливки дядюшки казались лучшими въ мірѣ, такъ и эта пѣсня казалась ей въ эту минуту верхомъ музыкальной прелести.

— Еще, пожалуйста еще, сказала Наташа въ дверь, какъ только замолкла балалайка. Митька настроилъ и опять молодецки задребезжалъ *Барыню* съ переборами и перехватами. Дядюшка сидѣлъ и слушалъ, склонивъ голову на бокъ съ чуть замѣтной улыбкой. Мотивъ *Барыни* повторился разъ сто. Нѣсколько разъ балалайку настраивали, и опять дребезжали тѣ же звуки, и слушателямъ не наскучивало, а только хотѣлось еще и еще слышать эту игру. Анисья Ѳедоровна вошла и прислонилась своимъ тучнымъ тѣломъ къ притолкѣ.

— Изволите слушать, сказала она Наташѣ, съ улыбкой, чрезвычайно похожей на улыбку дядюшки. Онъ у насъ славно играетъ, сказала она.

— Вотъ въ этомъ колѣнѣ не то дѣлаетъ, вдругъ съ энергическимъ жестомъ сказалъ дядюшка. Тутъ разсыпать надо — чистое дѣло маршъ—разсыпать.

— А вы развѣ умѣете? спросила Наташа. — Дядюшка, не отвѣчая, улыбнулся.

— Посмотри-ка, Анисьюшка, что струны-то цѣлы чтоль на гитарѣ? Давно ужъ въ руки не бралъ, — чистое дѣло маршъ! — забросилъ.

Анисья Өедоровна охотно пошла своей легкой поступью исполнить порученіе своего господина и принесла гитару.

Дядюшка, ни на кого не глядя, сдунулъ пыль, костлявыми пальцами стукнулъ по крышкѣ гитары, настроилъ и поправился на креслѣ. Онъ взялъ (нѣсколько театральнымъ жестомъ, отставивъ локоть лѣвой руки) гитару повыше шейки и, подмигнувъ Анисьѣ Өедоровнѣ, началъ не Барыню, а взялъ одинъ звучный, чистый аккордъ, и мѣрно, спокойно, но твердо началъ весьма тихимъ темпомъ отдѣлывать извѣстную пѣсню: По у-ли-и-цѣ мостовой. Въ разъ, въ тактъ, съ тѣмъ степеннымъ весельемъ (тѣмъ самымъ, которымъ дышало все существо Анисьи Өедоровны), запѣлъ въ душѣ у Николая и Наташи мотивъ пѣсни. Анисья Өедоровна закраснѣлась и, закрывшись платочкомъ, смѣясь вышла изъ комнаты. Дядюшка продолжалъ чисто, старательно и энергически твердо отдѣлывать пѣсню. Чуть-чуть что-то смѣялось въ его лицѣ съ одной стороны подъ сѣдымъ усомъ, особенно смѣялось тогда, когда дальше расходилась пѣсня, ускорялся тактъ и въ мѣстахъ переборовъ отрывалось что-то.

— Прелесть, прелесть, дядюшка; еще, еще, закричала Наташа, какъ только онъ кончилъ. Она, вскочивши съ мѣста, обняла дядюшку и поцѣловала его.—Николинька, Николинька! говорила она, оглядываясь на брата и какъ бы спрашивая его, что же это такое?

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. Дядюшка второй разъ заигралъ пѣсню. Улыбающееся лицо Анисьи Өедоровны явилось опять въ дверяхъ, и изъ-за ней еще другія лица... „За холодной ключевой, кричитъ дѣвица постой!“ игралъ дядюшка, сдѣлалъ опять ловкій переборъ, оторвалъ и шевельнулъ плечами.

— Ну, ну, голубчикъ, дядюшка, такимъ умоляющимъ голосомъ застонала Наташа, какъ будто жизнь ея зависѣла отъ этого. Дядюшка всталъ и какъ будто въ немъ было два человѣка, — одинъ изъ нихъ серьозно улыбнулся надъ весельчакомъ, а весельчакъ сдѣлалъ наивную и аккуратную выходку передъ пляской.

— Ну, племянница! крикнулъ дядюшка, взмахнувъ къ Наташѣ рукой, оторвавшей аккордъ.

Наташа сбросила съ себя платокъ, который былъ накинутъ на ней, забѣжала впередъ дядюшки и, подперши руками въ боки, сдѣлала движенье и стала.

Гдѣ, какъ, когда всосала въ себя изъ того русскаго воздуха, которымъ она дышала, эта графинечка, воспитанная эмигранткою-

французженкой, этотъ духъ, откуда взяла она эти пріемы, которые pas de châle давно бы должны были вытѣснить? Но духъ и пріемы эти были тѣ самые, неподражаемые, неизучаемые, русскіе, которыхъ и ждалъ отъ нея дядюшка. Какъ только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страхъ, который охватилъ было Николая и всѣхъ присутствующихъ, страхъ, что она не то сдѣлаетъ, прошелъ и они уже любовались ею.

Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ.

— Ну, графинечка — чистое дѣло — маршъ, радостно смѣясь сказалъ дядюшка, окончивъ пляску. — Ай да племянница! Вотъ только бы муженька тебѣ молодца выбрать, чистое дѣло — маршъ!

— Ужъ выбранъ, сказалъ улыбаясь Николай.

— О? сказалъ удивленно дядюшка, глядя вопросительно на Наташу. Наташа, съ счастливой улыбкой, утвердительно кивнула головой.

— Еще какой! сказала она.

Дядюшка съигралъ еще пѣсню и вальсъ, потомъ, помолчавъ, прокашлялся и запѣлъ свою любимую охотническую пѣсню:

Какъ со вечера пороша
Выпадала хороша...

Дядюшка пѣлъ такъ, какъ поетъ народъ, съ тѣмъ полнымъ и наивнымъ убѣжденіемъ, что въ пѣснѣ все значеніе заключается только въ словахъ, что напѣвъ самъ собой приходитъ, и что отдѣльнаго напѣва не бываетъ, а что напѣвъ такъ только, для складу. Отъ этого-то этотъ безсознательный напѣвъ, какъ бываетъ напѣвъ птицы, и у дядюшки былъ необыкновенно хорошъ. Наташа была въ восторгѣ отъ пѣнія дядюшки. Она рѣшила, что не будетъ учиться на арфѣ, а будетъ играть только на гитарѣ. Она попросила у дядюшки гитару и тотчасъ же подобрала аккорды къ пѣснѣ.

Въ десятомъ часу за Наташей и Петей пріѣхали линейки, дрожки и трое верховыхъ, посланныхъ отыскивать ихъ. Графъ и графиня не знали, гдѣ они, и крѣпко безпокоились, какъ сказалъ посланный.

Петю снесли и положили какъ мертвое тѣло въ линейку; Наташа съ Николаемъ сѣли въ дрожки. Дядюшка укутывалъ Наташу и прощался съ ней съ совершенно новой нѣжностью. Онъ пѣшкомъ проводилъ ихъ до моста, который надо было объѣхать въ бродъ, и велѣлъ съ фонарями ѣхать впередъ охотникамъ.

— Прощай, племянница дорогая, крикнулъ изъ темноты его голосъ, не тотъ, который знала прежде Наташа, а тотъ, который пѣлъ: „Какъ со вечера пороша".

Въ деревнѣ, которую проѣзжали, были красные огоньки, и весело пахло дымомъ.

— Что за прелесть этотъ дядюшка! сказала Наташа, когда они выѣхали на большую дорогу.

— Да, сказалъ Николай. Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ, мнѣ отлично. Мнѣ такъ хорошо, съ недоумѣніемъ даже сказала Наташа. Они долго молчали.

Ночь была темная и сырая. Лошади не видны были; только слышно было, какъ они шлепали по невидной грязи.

Что дѣлалось въ этой дѣтской, воспріимчивой душѣ, такъ жадно ловившей и усвоивавшей всѣ разнообразнѣйшія стороны жизни? Какъ это все укладывалось въ ней? Но она была очень счастлива. Уже подъѣзжая къ дому, она вдругъ запѣла мотивъ пѣсни: „Какъ со вечера пороша", мотивъ, который она ловила всю дорогу и наконецъ поймала. (*Л. Н. Толстой*).

55. Пиръ у Алкиноя.

Тутъ обратясь къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю выслушать слово мое васъ, людей Феакійскихъ, дабы я высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце. Гость иноземный—его я не знаю; бездомно скитаясь, онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ — молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны. Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ: ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій, долго здѣсь плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву. Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій, въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами; весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю. Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ, скип-

тродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца, всѣхъ васъ прошу, отказаться не властенъ никто; позовите также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ. Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ Демодока... Скоро всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и залы народомъ сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы. Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать; ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости. Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился. Муза его, при рожденіи, зломъ и добромъ одарила: очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье. Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой. Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ, къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найти онъ—далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ. Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою, Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ, выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой, повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ, какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась...

Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею сильной рукою широкопурпурную мантію взявши, голову ею облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней. Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакійцамъ. Когда же, пѣнье прервавъ, сладкоголосный на время умолкъ пѣснопѣвецъ, слезы отерши онъ мантію снялъ съ головы, и наполнивъ кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ. Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему Феакіянъ, гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично; голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся. Были другими его не замѣчены слезы, но мудрый царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя близь Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи. Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю выслушать слово мое васъ, лю-

дей и вельможъ Феакійскихъ; душу свою насладили довольно мы вкуснообильной пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной; время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьѣ, въ бѣгѣ проворномъ. Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе. Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока за руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ; вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить Феакійцы.

Слѣдуютъ игры и пляски на площади. Когда солнце зашло, снова всѣ возвратились въ залу, и началось вечернее пиршество.

Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись. Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцомъ Демодокомъ, чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой. Полную жиру хребтовую часть острозубаго вепря взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ), царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною: эту почетную часть изготовленной вкусно веприны дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно. Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны, всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя. Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку мясо глашатай, пѣвецъ благодарно даяніе принялъ. Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою, такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный: выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю; Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный, все ты поешь по порядку, что было съ Ахейцами въ Троѣ, что совершили они и какія бѣды претерпѣли; можно подумать, что самъ былъ участникъ всему, иль отъ вѣрныхъ все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ, чудномъ Эпеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи, спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссемъ, полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ. Если объ этомъ по истинѣ все намъ, какъ было, споешь ты, буду тогда передъ всѣми людьми

повторять повсемѣстно я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили. Такъ онъ сказалъ, и запѣлъ Демодокъ преисполненный бога: началъ съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ въ море отплыли Данаи, предавши на жертву пожара брошенный станъ свой; какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ; какъ напослѣдокъ коню Иліонъ отворили Трояне. Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ, сидѣли люди Троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье: или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить, или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть, или оставить среди Иліона мирительной жертвой вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ согласились, понеже было судьбой рѣшено, что падетъ Иліонъ, отворивши стѣны коню, гдѣ Ахейцы избранные будутъ скрываться, черную участь и смерть приготовивъ Троянамъ враждебнымъ. Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи Ахейскіе въ градъ ворвалися, чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склепа; какъ разъяренные каждый по своему градъ разоряли; какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный Арею, бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ. Тамъ истребительный бой (продолжалъ пѣснопѣвецъ) возжегши, онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой. Такъ объ Ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами. Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга, падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ, силясь отъ дня роковаго спасти сограждан и семейство. Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ, и прижавшись грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно древками копій ее по плечамъ и хребту поражая, бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе; тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ. Такъ отъ печали текли изъ очей Одисеевыхъ слезы. Всѣми другими они не замѣчены были; но мудрый царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя близь Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи. Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феакійскихъ. Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть; здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ: съ тѣхъ поръ какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ странникъ; конечно, прискорбіе сердцемъ его овладѣло. Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ

могли здѣсь равно веселиться гость нашъ и всѣ мы; конечно, для насъ то пріятнѣе будетъ.

(Потомъ Алкиной обращается къ Одиссею и проситъ его разсказать имъ свои приключенія. До глубокой ночи Одиссей занимаетъ всѣхъ своими разсказами).

(*Жуковскій*).

7. Щитъ Ахиллеса.

Ахиллесъ, обиженный Агамемнономъ, рѣшился не участвовать въ битвахъ Грековъ съ Троянами. Это рѣшеніе дало перевѣсъ Троянамъ. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій, Греки обратились къ Ахиллесу съ просьбою, чтобы онъ хоть другу своему, Патроклу, позволилъ выйти на сраженіе. Это желаніе своихъ соотечественниковъ Ахиллесъ исполнилъ и отпустилъ Патрокла, вооруживъ его въ свои доспѣхи.

Патроклъ убитъ Гекторомъ. Услышавъ объ этомъ, Ахиллесъ такъ зарыдалъ, что вопли его были слышны въ самой глубинѣ моря. Дочь морскаго царя, Ѳетида, мать Ахиллеса, вышла изъ своего подводнаго дворца, чтобы утѣшить милаго сына. Изливъ передъ матерью свое горе, Ахиллесъ поклялся отомстить жестоко Троянамъ за убійство Патрокла. Мать напоминаетъ ему, что его доспѣхи, бывшіе на Патроклѣ, теперь въ рукахъ враговъ, и проситъ его подождать, пока она сходитъ къ Гефесту, богу огня, и попроситъ сдѣлать для него новые доспѣхи. Она идетъ на Олимпъ, въ домъ Гефеста, который, выслушавъ ея просьбу, тотчасъ же раздуваетъ въ своей кузницѣ огонь, кидаетъ въ него мѣдь, олово, серебро, золото, насаживаетъ на столбъ тяжелую наковальню, беретъ въ руки огромнѣйшій молотъ и клещи, и начинаетъ работать.

Въ началѣ работалъ онъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ
Бѣлый, блестящій, тройной, и придѣлалъ ремень серебристый.
Щитъ изъ пяти составилъ листовъ, и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ по замысламъ творческимъ сдѣлалъ.
Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
Видны въ ихъ сонмѣ Пліады, Гіады, и мощь Оріона,
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона,
И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана.
Тамъ же два града представилъ онъ ясноречивыхъ народовъ:
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись,
Тамъ невѣстъ изъ чертоговъ, свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ градскимъ, провожаютъ.
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.
Далѣе много народа толпится на торжищѣ; шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,
Мздѣ за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,

Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесаныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга;
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.

Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшно сверкая оружіемъ. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться
Всѣми богатствами, сколько цвѣтущій ихъ градъ заключаетъ.
Тѣ не склонялись еще, и готовились къ тайной засадѣ.
Стѣны стеречь по забраламъ супругъ поставивъ любезныхъ,
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ постигнула старость,
Сами выходятъ: вождями ихъ идутъ Арей и Паллада,
Оба златые, одѣтые оба златою одеждой;
Видъ ихъ прекрасенъ, въ доспѣхахъ величественъ, сущіе боги!
Всѣмъ отличны они; человѣки далеко ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедшіе, гдѣ имъ казалась удобной засада,
Къ брегу рѣчному, гдѣ былъ водопой табуновъ разнородныхъ,
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отдѣлясь, впереди засѣдаютъ.
Смотрятъ кругомъ, не узрятъ ли овецъ и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показались; два пастуха за стадами,
Тѣшась цѣвницею звонкой, идутъ, не предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ засѣвшіе мужи;
Грабятъ и гонятъ рогатыхъ воловъ и овецъ среброрунныхъ.
Цѣлое стадо угнали и пастырей стада убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ и тревогу при стадѣ,
Вои, на площади стражей стоящіе, быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поскакали и въ мигъ принеслися.
Строемъ становятся, битвою бьются по брегу рѣчному;
Колютъ другъ друга, метая стремительно мѣдныя копья.
Рыщутъ и Злоба и Смута и страшная Смерть между ними:
Держитъ она то пронзеннаго, то не пронзеннаго ловитъ,
Или убитаго за ногу тѣло волочитъ по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они нападаютъ и бьются,
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ кровавые трупы.

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ; на немъ землепашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки ихъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,

Вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразнаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади орющихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь: такое онъ диво представилъ.

Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми въ дланяхъ серпами сверкая.
Здѣсь полосой безпрерывною падаютъ горстни густые;
Тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ.
Три перевязчика ходятъ за жнущими, сзади ихъ дѣти,
Горстая быстро колосья, одни за другими въ охапахъ
Вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ, и душой веселится.
Вѣстники одаль, подъ тѣнію дуба, трапезу готовятъ;
Въ жертву заклавши вола, вкругъ него суетятся; а жены
Бѣлую сѣютъ муку для сладостной вечери жнущимъ.

Сдѣлалъ на немъ отягченный гроздіемъ садъ виноградный,
Весь золотой, лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись;
И стоялъ онъ на сребряныхъ рядомъ вонзенныхъ подпорахъ.
Около саду и ровъ темносиній и бѣлую стѣну
Вывелъ изъ олова; къ саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираютъ.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской веселостью сердца,
Сладостный плодъ носили въ прекрасно-плетеныхъ корзинахъ.
Вкругъ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко брядалъ, припѣвая прекрасно подъ льняныя струны*),
Голосомъ нѣжнымъ; они же вокругъ его—пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводомъ несутся.

Тамъ же и стадо представилъ воловъ воздымающихъ роги:
Ихъ онъ изъ злата одныхъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы изъ оградъ вырываясь, мчатся на паству,
Къ шумной рѣкѣ, къ камышу густому по влажному брегу.
Слѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовъ быстроногихъ.
Два густогривые льва на переднихъ воловъ нападаютъ;
Тяжко мычащаго ловятъ быка, и ужасно реветъ онъ,
Львами влекомый, и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и сорвали огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ псовъ подстрекая.
Псы ихъ не слушаютъ; львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами:
Близко подступятъ, залаютъ на нихъ, и назадъ убѣгаютъ.

Далѣе—сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый,
Въ тихой долинѣ, прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ
Стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырей кущи.

---

*) Такъ перевелъ Гнѣдичъ, слѣдуя мнѣнію Нейта. Другіе переводятъ такъ: „подпѣвая прекрасный *Линъ*“, объясняя это слово какъ названіе особаго рода пѣсенъ, бывшаго въ обычаѣ при сборѣ винограда.

Тамъ-же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разновидный,
Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедалъ, Аріаднѣ прекрасноволосой.
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотой какъ елеемъ сіяютъ.
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ, прелестные, всѣхъ украшаютъ,
Сихъ золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится;
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.
Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.

Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ окружилъ велелѣпный.

Сдѣлавъ такъ искусно огромный и крѣпкій щитъ, Гефестъ сдѣлалъ для Ахиллеса также латы, шлемъ, поножи, и положилъ всѣ эти доспѣхи передъ Ахиллесовой матерью. И какъ ястребъ она съ осребреннаго снѣгомъ Олимпа бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

(*Гнѣдичъ*).

58. Горцы.

...Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту
И легкость ногъ, и силу длани:
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесъ проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный —
Все тотъ-же онъ; все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой

Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелье горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его — стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана—
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.
Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимной.
Бывало, въ свѣтлый байранъ,
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

(*Пушкинъ*).

59. Тарасъ Бульба.

Тарасъ Бульба былъ изъ числа первыхъ полковниковъ, когда въ Малороссіи устроены были военные полки польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: но при первомъ случаѣ онъ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ Татаръ соединенными польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну, и польскіе войска получили болѣе преимущества. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: „Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водитъ за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ; и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать какъ утереть губы"!

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ, и совершенно покорствовался его желанію. Вообще, онъ былъ охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ: гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. „Ну, дѣти! что и какъ? кого и за что нужно бить?" обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ прежде всего онъ строго разбиралъ обстоятельства и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла скотъ, или отрѣзывала часть земли, или коммисары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою; въ этихъ случаяхъ непремѣнно нужно было браться за саблю: противъ басурмановъ же, Татаръ и Турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе во славу Божію, христіанства и казачества. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядоваго казака, если бы лицо его не сохраняло какой-то повелительности и даже величія, особливо когда онъ рѣшался защищать что-нибудь. (*Гоголь*).

60. Плюшкинъ.

Чичикову случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не

придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго; оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякой разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки еще не потухли и бѣгали, изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, настороживъ уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его: никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ-ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ. Ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушила загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды никогда не употреблявшейся — ему бы показалось, ужъ не попалъ-ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки, и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что

бы, казалось, была нужна Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабыла ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ въ бюро, или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни; работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ-ли или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ открыты были всѣ окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ ко-

торыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любилъ офицеровъ, по старинному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стало замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это, то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случилось же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ ухо-

дили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: онѣ обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха — все это сваливалось въ кладовыя и все это становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ—не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

61. Старосвѣтскіе помѣщики.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противополож-

ностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара, отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть отъ того, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто-бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доб-

рота, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя-бы разсказывалъ или просто слушалъ.—Пульхерія Ивановна была нѣсколько серіозна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у ней лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно-бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ-же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не

говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ“?—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“.

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою вѣрно не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отъ чего онѣ пѣли: перержавѣвшія-ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведшая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами, соловьемъ, обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъ-угольные столики по угламъ, четырехъ-угольные передъ диваномъ и зеркаломъ

въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, коверъ передъ диваномъ, съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ — вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріей Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. „А что, Пульхерія Ивановна,“ говорилъ онъ, „если-бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда-бы мы дѣлись?“—„Вотъ это Боже сохрани,“ говорила Пульхерія Ивановна, крестясь. — „Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда-бы мы перешли тогда?“—„Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ.“—Ну, а если-бы сгорѣлъ?“—„Ну, тогда-бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.“—„А если-бы и кухня сгорѣла?“—„Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился-бы новый домъ.“—„А если-бы и кладовая сгорѣла?“—„Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.“ Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріей Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ я соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ Казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ того-же дня: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. „Какъ можно та-

кою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!“ всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ нихъ верстахъ). „Конечно,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „не равно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.“ — „Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!“ говорила Пульхерія Ивановна. „И къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать.“

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но впрочемъ вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: „Я самъ думаю идти на войну: почему же я не могу идти на войну?“—„Вотъ уже и пошелъ!“ прерывала Пульхерія Ивановна. „Вы не вѣрьте ему,“ говорила она, обращаясь къ гостю. „Гдѣ уже ему старому идти на войну! Его первый солдатъ! застрѣлитъ! ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.“—„Чтожъ,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, „и я его застрѣлю.“—„Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!“ подхватывала Пульхерія Ивановна. „Куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если-бы вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ и лицо искалѣчитъ и навѣки несчастнымъ останется!“ — „Чтожъ,“ говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: „я куплю новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику.“—„Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать,“ подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. „Я и знаю, что онъ шутитъ, но все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое

онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ". Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

(*Гоголь*).

62. Сонъ Обломова.

Илья Ильичъ проснулся утромъ на своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней; у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного-помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какія-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита

дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутацiей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеной, потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужъ давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ-будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покрививпимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣку; но галлерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только „людямъ,“ а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и ужъ направился-было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣла дойти до сѣновала, какъ ужъ надо было спѣшить разрушать его замыслы взлѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани! въ оврагъ.

— Ахъ ты, господи, что это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно, говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддержива-

лась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ давно.

Не все рѣзовъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ ростутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галлереи—отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тутъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку—будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

„У! баловень", тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо. Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта, напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. Изъ людскихъ слышалось шипѣнье веретена, да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ, тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что несешь, дуракъ? спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчалъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановилъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно:—молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: да смотри, не пролей молоко-то. — А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ:—вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ, я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, ко-

торое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами; кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался, или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню, съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ-что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ, послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ.

Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита — всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пѣшни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ повалку по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуру, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы; еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ, плюнетъ съ просонья и, почавкавъ губами, или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на

всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галлерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба, или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ вязать чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. „Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею", думала она почти сквозь сонъ: „или еще... какъ бы въ оврагъ..." Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ-будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, какъ кто проснется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины: поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ; или проткнетъ сквозь нее соломенку и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота; ему бы хотѣлось въ березнякъ; онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ уже прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ

глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно посматриваетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать, въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало по малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собиратъся къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ рождали неутомимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чаю всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель преслѣдуетъ и ту и другую взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы,

любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей; готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ; тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей; но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже-и-рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе-и-темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хруститъ подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ крѣпко и спокойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что ты, Богъ съ тобой! теперь гулять, отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушаетъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и славу Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Господи!

Далѣе, Илья Ильичъ вдругъ увидалъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужъ началъ учиться въ селѣ Верхлёвѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ сынъ Андрей, почти одних лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то некому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нечего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то какъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, образа жизни и привычекъ простиралось и на Верхлёво: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиною и неподвижностью. Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, какъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? какъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ-быть, когда дитя еще едва выговариваетъ слова, а можетъ быть, еще вовсе не выговаривало,

даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, и ужъ видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ быть, Илюша давно замѣчаетъ и понимаетъ, что говорятъ и дѣлаютъ при немъ. Можетъ-быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и какъ иначе прикажете рѣшить ему?

А бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужъ нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти.

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ отчего и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца не жирно кормятъ.

„Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы, обѣдать-то дадутъ супу, да жаркова, да картофелю, къ чаю масла; а ужинать-то *моргенъ-фри*—носъ утри“.

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкою и съ пріятною новостью:

— Сегодня не поѣдешь; въ четвергъ большой праздникъ; стоитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему, что сегодня родительская недѣля: „не до ученья: блины будемъ печь“.

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза несвѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчикъ здоровехонекъ, но молчитъ.

— Посиди-ка ты эту недѣльку дома, скажетъ она:—а тамъ—что Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четвергъ—неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга, или дѣвка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

„У, баловень, скоро ли провалишься къ своему нѣмцу!"

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

„Пріѣхала, де-скать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддѣевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!"

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а потомъ, смотришь, до страстной-недѣли ужъ недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на ѳоминой-недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ—не стоитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужъ лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и какъ выростетъ онъ въ это время! какъ потолстѣетъ! какъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха? говорили отецъ и мать:—ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья, какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадетъ, жиденькій такой... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Да, замѣтитъ отецъ:—ученье-то не свой братъ, хоть кого въ бараній рогъ свернетъ!

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не годится ѣхать, а иногда дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ, не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ, или оборвется гдѣ-нибудь.

Ильѣ Ильичу ясно видится и домашній бытъ его и житье у Штольца. Онъ только что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка, впослѣдствіи знаменитый камердинеръ его, Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, какъ бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши по утру, умыться и т. д.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? а Васька, а Ванька, а Захарка на что! Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, розини? вотъ я васъ!...

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: „Эй, Васька! Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!“

Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы, или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается въ десять отчаянныхъ голосовъ: „Ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... стой, стой!“ Задумаетъ ли онъ зимой выскочить въ сѣни, или отворить форточку—опять крики. „Ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...“ И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его, то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ, или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ, въ березнякъ,

да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его: онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, грудь охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣга: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька—всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ: но при видѣ его живаго и невредимаго, радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки.... (*И. Гончаровъ*).

63. Воспитаніе Штольца.

Штольцъ былъ нѣмецъ только въ половину, по отцу: мать его была русская; вѣру онъ исповѣдовалъ православную; природная рѣчь его была русская: онъ учился ей у матери и изъ книгъ, въ университетской аудиторіи и въ играхъ съ деревенскими мальчишками, въ толкахъ съ ихъ отцами и на московскихъ базарахъ... Нѣмецкій же языкъ онъ наслѣдовалъ отъ отца да изъ книгъ. Въ селѣ Верхлёвѣ, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ, Штольцъ выросъ и воспитывался. Съ восьми лѣтъ онъ сидѣлъ съ отцомъ за географической картой, разбиралъ по складамъ Гердера,

Виланда, библейскіе стихи, и подводилъ итоги безграмотнымъ счетамъ крестьянъ, мѣщанъ и фабричныхъ, а съ матерью читалъ Священную исторію, училъ басни Крылова и разбиралъ по складамъ же „Телемака“. Оторвавшись отъ указки, бѣжалъ разорять птичьи гнѣзда съ мальчишками, и нерѣдко, среди класса, изъ кармана его раздавался пискъ галчатъ. Бывало и то, что отецъ сидитъ въ послѣобѣденный часъ подъ деревомъ въ саду и куритъ трубку, а мать вяжетъ какую-нибудь фуфайку, или вышиваетъ по канвѣ: вдругъ съ улицы раздается шумъ, крики, и цѣлая толпа людей врывается въ домъ.

— Что такое? спрашиваетъ испуганная мать.

— Вѣрно, опять Андрея ведутъ, хладнокровно говоритъ отецъ. Двери распахиваются, и толпа мужиковъ, бабъ, мальчишекъ вторгается въ садъ. Въ самомъ дѣлѣ, привели Андрея — но въ какомъ видѣ: безъ сапогъ, съ разорваннымъ платьемъ и съ разбитымъ носомъ, или у него самого, или у другаго мальчишки. Мать всегда съ безпокойствомъ смотрѣла, какъ Андрюша исчезалъ изъ дома на полсутки, и еслибъ только не положительное запрещеніе отца мѣшать ему, она бы держала его возлѣ себя. Она его обмоетъ, перемѣнитъ бѣлье, платье, и Андрюша полсутки ходитъ такимъ чистенькимъ, благовоспитаннымъ мальчикомъ, а къ вечеру, иногда и къ утру, опять его кто-нибудь притащитъ выпачканнаго, растрепаннаго, неузнаваемаго, или мужики привезутъ на возу съ сѣномъ, или, наконецъ, съ рыбаками пріѣдетъ онъ на лодкѣ, заснувши на неводу. Мать въ слезы, а отецъ ничего, еще смѣется.

— Добрый буршъ будетъ, добрый буршъ! скажетъ иногда.

— Помилуй, Иванъ Богданычъ, жаловалась она: — не проходитъ дня, чтобъ онъ безъ синяго пятна воротился, а намедни носъ до крови разбилъ.

— Что за ребенокъ, если ни разу носа себѣ или другому не разбилъ? говорилъ отецъ со смѣхомъ.

Мать поплачетъ, поплачетъ, потомъ сядетъ за фортепьяно и забудется за Герцомъ: слезы каплютъ, одна за другой, на клавиши. Но вотъ приходитъ Андрюша, или его приведутъ; онъ начнетъ разсказывать такъ бойко, такъ живо, что разсмѣшитъ и ее; притомъ, онъ такой понятливый! Скоро онъ сталъ читать „Телемака“, какъ она сама, и играть съ ней въ четыре руки. Однажды онъ пропалъ уже на недѣлю: мать выплакала глаза, а отецъ ничего—ходитъ по саду да куритъ.

— Вотъ, еслибъ Обломова сынъ пропалъ, сказалъ онъ на предложеніе жены, поѣхать, поискать Андрея:—такъ я бы поднялъ на ноги всю деревню и земскую полицію, а Андрей придетъ. О, добрый буршъ!

На другой день Андрея нашли преспокойно-спящаго въ своей постели, а подъ кроватью лежало чье-то ружье и фунтъ пороху и дроби.

— Гдѣ ты пропадалъ? Гдѣ взялъ ружье? засыпала мать вопросами:—Что жъ молчишь?

— Такъ! только и было отвѣта.

Отецъ спросилъ: готовъ ли у него переводъ изъ Корнелія Непота на нѣмецкій языкъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Отецъ взялъ его одной рукой за воротникъ, вывелъ его за ворота, надѣлъ ему на голову фуражку и ногой толкнулъ сзади такъ, что сшибъ съ ногъ.

— Ступай, откуда пришелъ, прибавилъ онъ, и приходи опять съ переводомъ, вмѣсто одной, двухъ главъ, а матери выучи роль изъ французской комедіи, что она задала: безъ этого не показывайся.

Андрей воротился черезъ недѣлю и принесъ и переводъ, и выучилъ роль.

Когда онъ подросъ, отецъ сажалъ его съ собой на рессорную телѣжку, давалъ возжи и велѣлъ везти на фабрику, потомъ въ поля, потомъ въ городъ, къ купцамъ, въ присутственныя мѣста, потомъ посмотрѣть какую-нибудь глину, которую возьметъ на палецъ, понюхаетъ, иногда лизнетъ, и сыну дастъ понюхать, и объяснитъ, какая она, на что годится. Не то, такъ отправятся посмотрѣть, какъ добываютъ поташъ, или деготь, топятъ сало. Четырнадцати, пятнадцати лѣтъ, мальчикъ отправлялся частенько одинъ, въ телѣжкѣ, или верхомъ, съ сумкой у сѣдла, съ порученіями отъ отца въ городъ, и никогда не случалось, чтобъ онъ забылъ что-нибудь, переиначилъ, не доглядѣлъ, далъ промахъ: „Recht gut, mein lieber Junge!“ говорилъ отецъ, выслушавъ отчетъ и трепля его широкой ладонью по плечу, давалъ два, три рубля, смотря по важности порученія. Мать послѣ долго отмываетъ копоть, грязь, глину и сало съ Андрюши.

(*И. Гончаровъ*).

64. Крестьянскія дѣти.

... Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей.
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.

Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ ни-за-что отыскать.
„Взгляни-ка, Савося, какое колечко!“
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: „попался спроста!“
За то мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно-быть за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ Вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ нами густые, старинные вязы.
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про Турку, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
Чухну передразнитъ, Мордву, Черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ.
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
„Гляди, чертенята!“ А дѣти и рады,
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать.
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали.
Что новый прохожій, то новый разсказъ...

Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали,
Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой,
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной,

Что бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись. У каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ему предлагали и мухъ и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились...

Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто няньчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пашню ведерку кваску,
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой,
Сплела себѣ славный вѣнокъ:
Все бѣленькой, желтенькой, блѣдно-лиловой
Да изрѣдка красный цвѣтокъ;
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку.
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной,
Бояться смиренной лошадки своей?..
Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди ужъ чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайчонокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живаго въ деревню тащатъ съ торжествомъ...
— Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало.

Пора за работу, родной! —
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ ростетъ, наливаетъ зерно:
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,

Просушатъ, колотятъ — колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: „полѣзай, пострѣленокъ!"
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ... (*Некрасовъ*).

65. Пѣснь о колоколѣ.

Утвердивши форму въ глинѣ,
Обожженную огнемъ,
Выльемъ колоколъ мы нынѣ;
Ну, живѣй, друзья, начнемъ!
Если градомъ потъ
Съ жаркихъ лицъ течетъ —
Мастеръ честь за трудъ находитъ;
Благодать же свыше сходитъ.

Разумный трудъ, начатый нами,
Разумныхъ требуетъ рѣчей:
Работа съ мудрыми рѣчами
Идетъ успѣшнѣй и быстрѣй.
И такъ обдумаемъ прилежно,
Что слабой силою свершимъ:
Презрѣнъ, кто дѣйствуетъ небрежно,
Не думавъ надъ трудомъ своимъ!
Въ томъ человѣку честь и слава,
На то и свѣтлый разумъ въ немъ,
Чтобъ размышлялъ онъ въ сердцѣ здраво
О каждомъ подвигѣ своемъ.

Дровъ давай сюда проворнѣй,
Дровъ сосновыхъ и сухихъ,
Чтобъ огонь, стѣсненный въ горнѣ,
Охватилъ въ минуту ихъ.
Мѣдь дружнѣе плавь,
Олова прибавь,
Чтобы съ силой надлежащей
Мѣдь лилась струей кипящей.

Что съ помощью огня глубоко
Тутъ въ ямѣ сила рукъ создастъ,
То звукомъ вѣсть объ насъ далеко
Съ высокой башни передастъ.
И звукъ пойдетъ къ столѣтьямъ дальнимъ
И многимъ смертнымъ слухъ плѣнитъ,
Застонетъ жалобно съ печальнымъ
И въ хоръ мольбы соединитъ.

Что-бъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ,
Про все звучитъ вѣнецъ металла —
И поучителенъ имъ звонъ. (Д. Минъ).

Пузыри кипятъ — смотрите!
Хорошо растворъ течетъ.
Всыпать щелочь поспѣшите
И литье скорѣй пойдетъ.
Пѣну отбивай,
Плавку очищай,
Чтобъ изъ чистаго металла
Звучность чисто вылетала.

Младенца съ жизнью поздравляетъ
Торжественный, веселый звонъ,
Когда привѣтливо порхаетъ
Надъ гостемъ жизни жизни сонъ.
Еще во тьмѣ таится дальней
Веселый жребій и печальный,
А лоно матери младое
Лелѣетъ дѣтство золотое.
Но дни летятъ, летятъ стрѣлой.
Съ подругой сверстницей разстался
Довольный отрокъ самъ собой
И пылко, бурно въ жизнь помчался,
И долго по свѣту скитался...
Къ отцу пришелъ онъ, какъ чужой.
Цвѣтущей юностью сіяя,
Съ величьемъ чудной красоты,
Какъ мимолетный ангелъ рая,
Какъ образъ съ горней высоты,
Предъ нимъ — и скромно и стыдливо —
Стояла дѣва молчаливо...
Для юноши исчезнулъ свѣтъ...
Тѣснятся слезы — онъ къ прекрасной
Отъ буйныхъ юношей спѣшитъ;
Ея привѣтъ его живитъ.
Идетъ, волнуемый мечтами,
Въ луга, гдѣ зеркальный потокъ,
Чтобъ для нея, между цвѣтами,
Сорвать прелестнѣйшій цвѣтокъ.

Вотъ ужъ трубки стали рдяны;
Трость спущу на пробу я.
Если приметъ видъ стеклянный —
Близко время для литья.

Ну, теперь мы здѣсь
Испытаемъ смѣсь,
Все ль удачно съединилось,
Съ твердымъ мягкое смѣсилось?

Гдѣ сила съ кроткимъ, строгость съ нѣжнымъ
Союзомъ связаны надежнымъ,
Раздастся тамъ согласный звукъ. —
Въ дѣвственномъ вѣнкѣ прекрасномъ
Вотъ невѣста въ храмъ идетъ;
Слышимъ радость въ звонѣ ясномъ:
Онъ гостей на пиръ зоветъ.
Праздникъ жизни длится мало,
Мая жизни скоръ полетъ... (*А. Глинка*).

Мужъ долженъ потомъ
Въ бой съ жизнью стремиться,
Творить и трудиться;
Онъ долженъ искать,
Хитрить, добывать,
Дерзать, состязаться,
За счастьемъ гоняться;
И вотъ — полилися богатства, какъ волны:
Амбары пожитками до верху полны;
Сталъ нуженъ просторъ, раздвигается домъ.

А въ нѣдрахъ семейства,
Съ стыдливостью скромной,
И мать и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней,
Кругъ правитъ домашній,
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учитъ, смиряетъ,
И, съ мудрой заботой,
Прилежной работой
Порядокъ ведетъ
И множитъ доходъ,
И копитъ богатства въ прилавкахъ сосновыхъ,
И нитки съ жужжащихъ прядетъ веретенъ,
И въ шкафахъ хранитъ — и опрятныхъ и новыхъ —
Блестящую шерсть, ослѣпительный ленъ,
И, домъ украшая изяществомъ строя,
Не знаетъ покоя. (*Д. Минъ*).

Съ сердцемъ веселымъ хозяинъ глядитъ
Съ верхней свѣтлицы высокаго дома;
Счастье, довольство его веселитъ.

Онъ крѣпкіе видитъ бревенъ накаты,
Его кладовыя товаромъ богаты,
И закромы гнутся, запасами полны;
На нивахъ златыя колышутся волны...
Тогда самохвально уста изрекли:
„Твердо, какъ будто основа земли,
„Домъ мой, богатствомъ блистая, стоитъ,
„Буря несчастья меня не страшитъ!"
Но намъ съ судьбою враждебной и странной
Связи устроить нельзя постоянной;
Смотришь: несчастіе вдругъ налетитъ. (*А. Глинка*).

Лить теперь мы можемъ смѣло:
Ужъ зубчатымъ сталъ изломъ.
Но пока начнемъ мы дѣло,
Бога въ помощь призовемъ.
Краны отверни!
Боже, домъ храни!
Вотъ по жолобу, сверкая,
Брыжжетъ масса огневая.

Огонь намъ въ пользу, если онъ
У насъ обузданъ, укрощенъ;
Что ни творимъ, ни создаемъ,
Огонь союзникъ намъ во всемъ;
Но страшенъ намъ его союзъ,
Когда, сорвавшись съ крѣпкихъ узъ,
Себѣ онъ путь прорветъ одинъ,
Природы щедрой вольный сынъ.

Горе, если, сбросивъ съ выи
Грузъ цѣпей, свирѣпъ и яръ,
Двинетъ волны огневыя
Вдоль по улицамъ пожаръ!
Ненавидятъ въ насъ стихіи
Творчества небесный даръ. *)
Благодатный
Льется съ тучи
Дождь могучій,
Но и молній страшный лучъ
Съ тѣхъ же тучъ!
Чу! на башнѣ бьютъ набатъ!
То пожаръ!
Словно жаръ,
Небо рдѣетъ:
Но не утро то алѣетъ.
Чу! тревога...
Стукъ и громъ...
Дымъ кругомъ...
Столпъ огня взлетаетъ съ блескомъ;
Рядъ строеній, съ громомъ, съ трескомъ,
Пламя мигомъ охватило;
Раскаленъ, какъ изъ горнила,
Воздухъ жжетъ; трещатъ стропила;
Скрипъ воротъ, дверей стучанье,
Стеколъ трескъ и дребезжанье,
Матерей, дѣтей рыданье,
Стоны, крики,
Безпокойный
Ревъ звѣрей, вой бури дикій—
Все слилося въ гулъ нестройный.
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, спасаютъ.
Небеса какъ днемъ сіяютъ.
По рукамъ, сквозь дымъ, подъ зноемъ,

*) *Подстроч. перев.* Ибо стихіи ненавидятъ созданія человѣческой руки.

Длиннымъ строемъ
Мчатся ведра, льютъ дугою
Въ пламя волны за волною.
Съ воемъ дунулъ вѣтръ грозою
На пылающій пожаръ;
Вотъ на вспыхнувшій амбаръ
Палъ: трещатъ, огнемъ объяты,
Бревна, балки и накаты...
Пламя — будто хочетъ въ паръ
Превратить земной весь шаръ —
Поднялося великаномъ
До небесъ.
Безъ надежды, смертный здѣсь
Силѣ Божьей уступаетъ:
Поздно зритъ, какъ погибаетъ
Трудъ его подъ ураганомъ.

Въ запустѣньи
Домъ старинный,
Дикихъ бурь притонъ пустынный.
Въ окнахъ выбитыхъ гнѣздится
Страхъ могучій;
Въ нихъ заглядываютъ тучи
Съ высоты:
Грустный взглядъ
На пустое пепелище,
Счастья прежняго кладбище,
Человѣкъ стремитъ назадъ...

И взялъ онъ посохъ, жалкій нищій,
Но пусть огнемъ лишенъ всего —
Онъ вѣритъ сладостной надеждѣ:
Онъ счелъ *своихъ* и вотъ, какъ прежде,
Всѣ невредимы вкругъ него.
(*Д. Минъ*).

Въ должномъ весь составъ смѣшеньѣ;
Весь удачно въ форму влитъ:
Иль желаній исполненье
Насъ за трудъ не наградитъ?
А напасть придетъ?
Форму разорветъ?
Сколько разъ душа ласкалась
Счастьемъ... вдругъ бѣда подкралась.

Утробѣ мы земли священной
Труды ввѣряя рукъ своихъ,
Съ волненьемъ ждемъ плодовъ отъ нихъ,
Какъ жатвы ждетъ благословенной
Оратай отъ небесъ благихъ.
И человѣкъ драгое*) сѣмя
Землѣ, съ печалью, предаетъ,
Но чаетъ, что настанетъ время —
Оно изъ гроба процвѣтетъ**).
(*А. Глинка*).

Съ колокольни
Будто стонъ,
Похоронный
Льется звонъ.
Грустно стонетъ мѣди звукъ унылый
Надъ отшедшимъ въ дальній путь могилы.
(*Д. Минъ*).

Ахъ! то нѣжную супругу,
Миловидную подругу,
Князь тѣней, дыша злодѣйствомъ,
И съ супругомъ и съ семействомъ
Разлучилъ. Гдѣ мать дѣтей,
Что въ разсвѣтѣ раннихъ дней,

*) *Подстроч. перев.* Сѣмя, которое намъ еще дороже.
**) *Подстроч. перев.* Процвѣтетъ для лучшей участи.

Въ счастьѣ, вкругъ родной росли,
Подъ крыломъ у ней цвѣли?
Смерть — всеобщій разлучитель —
Связь расторгла сладкихъ узъ,
И сошла въ тѣней обитель
Та, кѣмъ цвѣлъ семьи союзъ.
Гдѣ жъ заботливость прямая...
Дѣти мать найдутъ ли въ комъ?
Безъ любви войдетъ чужая
Къ сиротамъ въ отцовскій домъ. (*А. Глинка*).

Колоколъ пока простынетъ,
Пусть, какъ птичка, у гнѣзда,
Всякъ изъ васъ заботу кинетъ
Послѣ тяжкаго труда.
Лишь звѣзда взойдетъ,
Часъ зари пробьетъ —
Вся артель идетъ съ работы;
Мастеру всегда заботы.

Вотъ чрезъ боръ непроходимый *),
Ободрясь, шаги торопитъ
Путникъ къ хижинѣ родимой.
Вотъ бѣгутъ съ блеяньемъ овцы;
Вотъ и стадо
Круторогихъ **), толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, ревомъ,
Подъ роднымъ ***) тѣснится кровомъ.
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжко
Колыхаясь;
И вѣнками
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтетъ,
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.
Площадь, улицы стихаютъ.
Къ огоньку собрался мирно
Кругъ домашнихъ и со скрипомъ
Затворилъ ворота городъ.
Въ міръ нисходитъ
Мракъ; но въ ужасъ

---

*) *Подстроч. перев.* Дикій боръ.
**) Т. е. стадо рогатаго скота.
***) *Подстроч. перев.* Подъ привычнымъ кровомъ.

Мирныхъ гражданъ не приводитъ
Часъ ночной —
Часъ, когда губитель бродитъ;
Ихъ хранитъ законъ святой. (*Д. Минъ*).

О, порядокъ благодатный!
Ты гармоніей пріятной
Равномыслящихъ сближаешь,
Грады зиждешь, устрояешь.
Изъ пустынь, лѣсовъ глубокихъ,
Дикарей созвавъ жестокихъ,
Поселилъ въ нихъ, далъ уставы,
Умягчилъ крутые нравы
И даръ — высшій всѣхъ даровъ —
Далъ къ отчизнѣ имъ любовь! *)
Сотни рукъ въ соединеньи,
Въ общій трудъ сопряжены;
И въ ихъ пламенномъ движеньи
Силы всѣ разочтены; **)
Мастеръ и работникъ воленъ,
Всякъ закономъ защищенъ,
Всякъ судьбой своей доволенъ,
Умъ насмѣшливый презрѣнъ. ***)
Трудъ — для гражданъ украшенье,
Онъ имъ долженъ въ даръ принесть
Отъ небесъ благословенье;
Царскій санъ — царямъ почтенье,
Намъ нашъ трудъ приноситъ честь. (*А. Глинка*).

Миръ прекрасный,
Душъ согласье!
Вѣчно, вѣчно
Охраняйте городъ нашъ!
Да не явится во вѣки
День, въ который громъ оружій
Возмутитъ нашъ мирный край,
Грозный день, когда сводъ неба,
Гдѣ теперь зари пурпурной
Лучъ горитъ,

---

*) *Подстроч. перев.* Связалъ ихъ самыми дорогими узами — любовью къ отечеству.
**) *Подстроч. перев.* Проявляются.
***) Обидчику есть отпоръ.

Городовъ и весей бурный
Огнь пожаровъ озаритъ!

Ну, теперь ломайте зданье:
Въ немъ ужъ колоколъ отлитъ.
Пусть изящное созданье
Взоръ и сердце веселитъ.
Бей же, молотъ, бей!
Чтобъ въ красѣ своей
Колоколъ возсталъ предъ нами:
Форма пусть спадетъ кусками.

Разбить лишь мастеръ можетъ форму
Рукою мудрой въ должный срокъ;
Но — горе! если самъ изъ горна
Прорвется пламенный потокъ!
Съ громовымъ трескомъ домъ на части
Взрываетъ мѣди бурный паръ
И, какъ изъ черной адской пасти,
Стремитъ губительный пожаръ.
Гдѣ буйныхъ силъ кипитъ возстанье,
Тамъ гибнетъ каждое созданье;
Гдѣ самовольствуетъ народъ,
Тамъ время бѣдствій настаетъ.

Бѣда странѣ, въ которой пламя
Скопится въ нѣдрахъ городовъ,
Гдѣ чернь, поднявъ возстанья знамя,
Съ себя сбиваетъ грузъ оковъ.
Тогда въ рукахъ толпы преступной
Зловѣщій загудитъ металлъ,
И — мира вѣстникъ неподкупный —
Къ насилью первый дастъ сигналъ.
Чу! крики бѣшеной тревоги:
Къ оружью, мирный гражданинъ!
Толпы бѣгутъ: дворцы, дороги
Полны убійственныхъ дружинъ.
Тогда и женщины — гіены
Ликуютъ въ ужасахъ пировъ,
Какъ тигры рвутъ зубами члены,
Сердца кровавыя враговъ.
Тогда святаго нѣтъ ужъ болѣ,
Покинулъ скромный стыдъ людей,
Пороки царствуютъ на волѣ,
Надъ добрымъ высится злодѣй.
Ужасна львица въ пробужденьи,
Ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ:
Но что всѣ ужасы въ сравненьи
Съ твоимъ безумствомъ, человѣкъ?

И горе тѣмъ, *) кто свѣточъ рая
Слѣпцамъ отъ вѣчности вручитъ;
Не свѣтъ, но пламень разливая,
Онъ грады, страны пепелитъ.

Радость небо мнѣ послало!
Посмотрите! вотъ оно:
Какъ звѣзда сквозь покрывало,
Блещетъ мѣдное зерно,
И горитъ на немъ
Солнечнымъ огнемъ
И вѣнецъ и гербъ державный,
Какъ желалъ художникъ славный.

Друзья! скорѣй
Въ одинъ кружокъ сольемся съ ликованьемъ,
И окрестимъ нашъ колоколъ названьемъ:
Согласіе, для счастія людей.
Для мирныхъ дѣлъ, для дружескихъ объятій
Пусть весь приходъ сзываетъ онъ, какъ братій.

(*Д. Минъ*).

И пусть всегда его призваньемъ будетъ то, для чего онъ сдѣланъ мастеромъ. Высясь надъ низкою земною жизнію, пусть онъ плаваетъ подъ голубымъ шатромъ неба, въ сосѣдствѣ громовъ, и граничитъ съ звѣзднымъ міромъ; пусть онъ будетъ глаголомъ свыше, подобно свѣтлому хору созвѣздій, которыя повѣдаютъ славу своего Творца, ведя за собою круговращеніе временъ. Да будутъ мѣдныя его уста посвящены только тому, что вѣчно и важно, и пусть полетъ времени каждый часъ прикасается къ нему своими быстрыми крылами. Да будетъ онъ голосомъ рока; самъ безучастный и безчувственный, пусть сопровождаетъ своимъ звономъ измѣнчивую игру нашей жизни. И какъ звукъ, раздавшись изъ него въ нашемъ ухѣ, постепенно замолкаетъ: такъ и колоколъ пусть учитъ, что ничто здѣсь не вѣчно и что все земное проходитъ.

(*Подстроч. перев.*)

---

*) У А. Глинки это четверостишіе переведено такъ:

Бѣда слѣпому отъ рожденья
Небесный факелъ въ руки дать:
На мѣсто пользъ и освѣщенья
Онъ станетъ все испепелять.

Пусть теперь канатовъ сила
Двинетъ колоколъ святой
Въ царство звуковъ изъ могилы,
Въ Божій свѣтъ изъ тьмы густой.
Дружно! сильно!... вотъ
Тронулся, встаетъ!
Пусть зоветъ онъ городъ къ пиру:
Первый звонъ да будетъ къ миру.

(*Д. Минъ*).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О любви къ отечеству и народной гордости.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая*. *нравственная* *и политическая*.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ, нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!—Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется.—Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія

на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ „сердце его выучилось разумѣть людей, и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить сограждань. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не „такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, "и мнѣ скучно!"

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляетъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству. (*Карамзинъ*).

2. О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія; а игра ума: философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. — Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ

насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ серединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо* и *счастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное), но—*послѣднюю степень физической зрѣлости*—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ установленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайною принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклоняясь отъ путей натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его счастливѣе.

Въ сіе время люди по большей части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать въ даль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ дома*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта, менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріят-

ныхъ случайностей. Жребій брошенъ, состояніе избрано, утверждено: стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе... Поля, нашими трудами обогащенныя—садикъ, нами обработанный—земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры; думая, что все скоро увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не

въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися!* если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!* (*Карамзинъ*).

3. О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ.

Въ древнія времена, когда славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила еллинскаго слога коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу Ветхаго и Новаго Завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славенскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хоть нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ греческаго языка книги на славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ славенскому языку странныхъ; однако иныя чрезъ долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ что предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки, преклонясь издавна въ католицкую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большой части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни изъ Рима не могли сыскать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности; такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разные степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: отверзаю, Господень, насажденный, взываю. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славенскаго языка, то есть, въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбора сихъ трехъ родовъ реченій, рождаются три штиля: высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть, употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются.

Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще не употребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными: то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе во-первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее разстояніе, говоритъ повсюду вразумитель-

нымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того-же нѣмецкаго народа.

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако, для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было; не такъ какъ многіе народы не учась не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славенскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и россійскій языкъ въ полной силѣ, красо-

тѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довльно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ ишпанскій, галскій, британскій и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ переселенія и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида;
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ. *)

Счастливы Греки и Римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли: однако изъ самыхъ развалинъ сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ, слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдывающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдаленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину? Возможно ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, ровно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою великія его дщери. Ею ободренныя въ Россіи словесныя науки

---

*) Vixere fortes ante Agamemnona
Multi: sed omnes illacrymabiles
Urgentur, ignotique, longa
Nocte, carent quia vate sacro.
Horat. Od. lib. IV. Od. 8.

не дадутъ никогда придти въ упадокъ россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Горацiямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство ея отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя; на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ. (*Ломоносовъ*).

4. Предисловіе къ «Исторіи Государства Россійскаго».

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ; главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать Исторію. Она мирить его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку и просвѣщенному, и дикому. На славныхъ играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы без-

молствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ Исторію; старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства, и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая Исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне, плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная Исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ мы живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ

величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ Африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами: какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ, и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степени образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему Географіи, Исторіи, и просвѣтилъ Божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще замѣчательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; одноко-жъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей Исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для Исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра и между сими двумя самодержавцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій, и за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ

и граждан̂ъ наставникъ трона, Первосвятитель Филаретъ, съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся новая Исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца, но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины: но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однако-жъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о дѣеписаніяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Θукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостію на разсѣянные въ лѣсу кости и доспѣхи Легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ Римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра; но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едвали важнѣе половецкихъ набѣговъ. — Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ Исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы, конечно сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, пред-

ставить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ Исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія; мы должны сами видѣть дѣйствіе и дѣйствующихъ: тогда знаемъ Исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи: но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игоряхъ и Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ, то не моя вина; я не могъ дополнять лѣтописи!

Есть три рода Исторіи: первая современная, напримѣръ Ѳукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображенія дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ — и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что передали намъ современники, молчимъ, если умол-

чали — или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представить единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ Исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣеписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ Исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ Естественная, такъ и Гражданская Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однако-жъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже критика, тѣмъ непозволительнѣе историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Что-жъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества; не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь; долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане

славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо: оба суть достойные совмѣстники древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ"... есть правило генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказы нравственныя апофѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едвали не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль даръ: читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ: историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если бы онъ не излишне чуждался Англіи, не излишне хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія. Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіѣ всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе — и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ сближеніемъ частей: изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей, успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностію говорить о томъ, что уважалось предками, хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ описывать вѣки душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія, хотѣлъ представить и характеръ времени, и характеръ лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другаго. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе до-

рожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіономіею. Прилежно истощая матеріалы древнѣйшей россійской Исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаютъ меня самого. Счастливы древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожъ необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ осталось бы единственно ссылаться: но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едвали что обработано, изъяснено, соглашено—надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе. Мужъ ученый и славный, Шлёцеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ: что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть названа рождающеюся (Nascens), отъ Ярослава до Моголовъ раздѣленною (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III угнетенною (Opprressa), отъ Іоанна до Петра Великаго побѣдоносною (Victrix), отъ Петра до Екатерины II процвѣтающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось

и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно время Великаго князя Димитрія Александровича и Донскаго, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастіемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе Исторія наша дѣлится на древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю отъ Іоанна до Петра, и новую отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ третьей. Впрочемъ нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностью посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться осужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то есть: сдѣлать россійскую Исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство, служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

(*Карамзинъ*).

5. О письмахъ русскаго путешественника, Карамзина.

(*Читано 1 дек. 1865 г., въ день столѣтняго юбилея Карамзина, въ актовой залѣ Московскаго Университета*).

Мм. гг.! Первый столѣтній юбилей нашего великаго праздника имѣетъ свое особенное значеніе. Торжество это не можетъ быть только воспоминаніемъ о важномъ литературномъ дѣлѣ, положен-

номъ въ основу русской народности; потому что дѣло это — не отшедшая старина, вообще дорогая для національнаго чувства, но одинъ изъ насущныхъ элементовъ современнаго русскаго просвѣщенія, который не перестаялъ еще оказывать свою живительную силу въ каждомъ изъ насъ, здѣсь собравшихся. Поколѣнія старшія еще чувствуютъ на себѣ всю обаятельную свѣжесть непосредственнаго дѣйствія этой гармоніи мыслей и звуковъ, которою Карамзинъ на ихъ памяти плѣнялъ своихъ соотечественниковъ; поколѣнія младшія учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика: такъ что — если бы я думалъ изложить передъ вами заслуги Карамзина въ этомъ отношеніи, то мнѣ пришлось бы сдѣлать перечень параграфовъ учебника съ указаніемъ, на сколько каждый изъ нихъ подчиненъ вліянію Карамзина.

Но я нахожу неумѣстнымъ подробностями критическихъ изслѣдованій о языкѣ и слогѣ удалить отъ вашего вниманія живой образъ того, память о которомъ мы празднуемъ. Лучше всего удовлетворило бы общему желанію жизнеописаніе Карамзина съ подробными выдержками изъ его сочиненій; но этотъ предметъ не вмѣстимъ въ предѣлахъ моего настоящаго чтенія. Ограничиваясь немногимъ, я избираю изъ жизни Карамзина только полтора года, — знаменательное время перехода отъ молодости къ зрѣлому возрасту, когда опредѣлилась нравственная и литературная физіономія писателя, именно 1789 — 1790 годы, описанные имъ самимъ въ *Письмахъ Русскаго Путешественника*.

Опасаясь умалить заслуги автора, нынѣ чествуемаго, я не рѣшаюсь назвать эти *Письма* лучшимъ изъ его собственно литературныхъ произведеній; однако, кажется, не обинуясь могу утвердить, что, послѣ Исторіи Государства Россійскаго, они болѣе прочихъ его сочиненій оказали свое дѣйствіе на образованіе русской публики, оказываютъ и теперь, составляя одно изъ лучшихъ украшеній всякой хорошей хрестоматіи русской словесности.

Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ впервые внесъ въ нашу литературу самыя обстоятельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, которыя были тѣмъ наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго направленія стало уступать новымъ идеямъ, продолжавшимъ свое развитіе и въ первой половинѣ те-

кущаго столѣтія; такъ что *Письма Русскаго Путешественника* даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія, частію имѣютъ они его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка.

Необычайная цивилизующая сила этихъ писемъ, кромѣ высокаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній автора, много зависѣла отъ самой формы этого рода сочиненій. Вмѣсто систематическихъ трактатовъ объ исторіи и статистикѣ западныхъ народовъ, о ихъ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, предъ читателями постоянно является симпатическая личность русскаго человѣка, высоко образованнаго, на сколько это было возможно въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ высшей степени впечатлительнаго и даровитаго, который съ каждымъ шагомъ на своемъ пути созрѣваетъ, неутомимо учится и изъ книгъ и изъ бесѣдъ съ знаменитостями того времени, и — по мѣрѣ успѣховъ — передаетъ плоды своего развитія своимъ немногимъ друзьямъ, кругъ которыхъ долженъ былъ расшириться на всю читающую русскую публику, какъ скоро были изданы въ свѣтъ Письма Русскаго Путешественника; многочисленные читатели ихъ по всѣмъ концамъ нашего отечества нечувствительно воспитывались въ идеяхъ европейской цивилизаціи, какъ бы созрѣвали сами вмѣстѣ съ созрѣваніемъ молодаго русскаго путешественника, учась смотрѣть на образованіе его глазами, чувствовать его благородными чувствами, мечтать его прекрасными мечтами.

Если русская литература, со временъ Петра Великаго, довершая дѣло преобразованія, имѣла своею задачею внести къ намъ плоды западнаго просвѣщенія: то Карамзинъ блистательно исполнилъ свое назначеніе. Онъ воспиталъ въ себѣ *человѣка*, чтобы потомъ—съ полнымъ сознаніемъ—явить въ себѣ русскаго патріота. Любовь къ человѣчеству была для него основою разумной любви къ родинѣ, и западное просвѣщеніе было ему дорого потому, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу водворить его въ своемъ отечествѣ.

Представители націй всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто типическое, образцовое: какъ идеалъ, господствуютъ они въ умахъ своихъ соотечественниковъ, направляя ихъ мысли и дѣйствія.

Полагая своею задачей—возобновить въ вашемъ воображеніи, мм. гг., память о Карамзинѣ по его путевымъ запискамъ, я

буду сколько возможно ближе держаться данныхъ, сообщенныхъ о себѣ имъ самимъ, и ограничу свое дѣло только приведеніемъ этихъ данныхъ въ немногія группы, оставаясь въ полной увѣренности, что приводимыя мною слова самого Карамзина будутъ лучшимъ украшеніемъ чтенія, назначаемаго для торжественнаго о немъ воспоминанія.

Прежде всего поражаетъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника многосторонняя и основательная образованность, которую могла дать ему Россія въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ которой онъ нашелъ достаточное приготовленіе, чтобъ не только вести полезную для себя бесѣду съ такими европейскими знаменитостями, какъ Виландъ, Гердеръ, Лафатеръ, Кантъ, Боннетъ, но и внушить имъ уваженіе къ нему. Въ самыхъ письмахъ изъ-за границы Карамзинъ сообщаетъ много подробностей о годахъ своего ученія, подробностей, которыми не разъ пользовались его біографы.

Имя Парижа стало Карамзину извѣстно почти вмѣстѣ съ его собственнымъ именемъ: такъ много читалъ онъ объ этомъ городѣ въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешественниковъ; по романамъ же и газетнымъ статьямъ еще въ ранней молодости восхищался Англичанами и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для своего сердца землею. Видѣть Парижъ и Лондонъ — всегда было его мечтою, и нѣкогда самъ онъ собирался писать романъ и въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя послѣ поѣхалъ. Потомъ дѣтскія мечты замѣнились основательнымъ желаніемъ: онъ хотѣлъ провести свою юность въ Лейпцигѣ: туда стремились его мысли; въ тамошнемъ университетѣ хотѣлъ онъ собрать нужное для исканія той истины, о которой — по его собственному выраженію — съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ его сердце.

Раздѣляя вкусъ своихъ современниковъ, онъ коротко былъ знакомъ съ французскими писателями XVIII столѣтія и поклонялся Жанъ-Жаку Руссо; но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ раннихъ лѣтъ привыкъ онъ уважать и литературу нѣмецкую и англійскую, такъ что, когда въ чужихъ краяхъ ему случилось предстать передъ знаменитыя личности того времени и видѣть знаменитые предметы, онъ не только не поражался новизною, но, какъ давно знакомое и любимое, соединялъ видѣнное и слышанное съ своими воспоминаніями. Въ Лондонѣ осматриваетъ онъ картины, съ сюжетами изъ Шекспировыхъ драмъ, и уже зная твердо Шекспира,

почти не имѣетъ нужды справляться съ описаніемъ въ каталогѣ, и, смотря на картины, угадываетъ содержаніе. Въ Лозанѣ, въ одномъ саду, видитъ надпись, взятую изъ Аддисоновой оды, и при томъ воспоминаетъ, какъ нѣкогда просидѣлъ онъ цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ этой самой оды, и какъ восходящее солнце освѣтило его тогда за такою работою. „Это утро — присовокупляетъ молодой путешественникъ — было одно изъ лучшихъ въ моей жизни". Въ Лейпцигѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ въ то время литераторомъ Вейсе, статьи котораго изъ *Друга Дѣла* онъ уже переводилъ прежде. Въ Цюрихѣ отыскиваетъ архидіакона Тоблера, имя котораго хорошо было знакомо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданныхъ Геснеромъ. Въ томъ же городѣ является въ Лафатеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ еще въ Москвѣ, и который принимаетъ его какъ стараго друга. Въ Парижѣ нисколько не удивляетъ его французскій театръ, потому что, какъ онъ по этому предмету выразился: „Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ: она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда немногихъ) Нѣмцевъ".

Самый планъ молодаго русскаго путешественника во всѣхъ городахъ Европы лично знакомиться съ знаменитыми литераторами того времени былъ столько же результатомъ его обширной образованности, сколько и повѣркою ея, строгимъ испытаніемъ. „Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, говоритъ онъ Виланду въ Веймарѣ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать автора лично". „Вы видите передъ собою такого человѣка, — такъ онъ представился въ Женевѣ Боннету, автору Палингенезіи, — который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно". И вездѣ былъ радушно встрѣчаемъ молодой русскій путешественникъ, вездѣ былъ привѣтствуемъ, не только какъ человѣкъ просвѣщенный, но и какъ достойный представитель своихъ соотечественниковъ. „Я Русскій, говорилъ онъ Бартелеми въ Парижской Академіи надписей; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія". Онъ всталъ съ креселъ, продолжалъ Карамзинъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи и наконецъ отвѣчалъ: „Я радъ вашему знакомству, люблю

сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой". „Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое-нибудь сходство. Я въ Академіи; Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса". „Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства".

Заинтересованный Россіею и ея литературой, Лафатеръ предлагалъ Карамзину, чтобъ онъ выдалъ на русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ Карамзину, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ", а когда нашъ путешественникъ оставилъ Цюрихъ, авторъ физіономики снабдилъ его одиннадцатью рекомендательными письмами въ разные города Швейцаріи и увѣрилъ его въ неизмѣнности своего дружелюбнаго къ нему расположенія. Въ Женевѣ Карамзинъ сообщилъ свое желаніе Боннету тоже перевести на русскій языкъ его *Созерцаніе Природы и Палингенезію*, и въ письмѣ отъ него получилъ такой отвѣтъ: „Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ". Даже самъ Виландъ, который сначала принялъ Карамзина холодно и надменно, потомъ до того съ нимъ сблизился, что на разставаньи просилъ его, чтобъ онъ хотя изрѣдка писалъ къ нему письма: „Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были". Въ Кенигсбергѣ Карамзинъ бесѣдуетъ съ великимъ Кантомъ о будущей жизни и удивляется обширнымъ историческимъ и географическимъ познаніямъ философа; въ Лейпцигѣ для изученія эстетики входитъ въ личныя сношенія съ профессоромъ Платнеромъ; въ Веймарѣ бесѣдуетъ съ Гердеромъ объ античной литературѣ и искусствѣ, и о Гёте; въ Ліонѣ сводитъ дружбу съ Маттисономъ, извѣстнымъ того времени нѣмецкимъ поэтомъ.

Русскій путешественникъ отправился на западъ съ опредѣленною цѣлію — довершить свое образованіе въ такъ-называемыхъ *изящныхъ* наукахъ, которымъ онъ, по его собственному признанію въ Лейпцигѣ профессору Платнеру, себя посвящаетъ: то есть, съ точки зрѣнія литературы и искусства, Карамзинъ интересовался вообще европейскою цивилизаціей.

Какъ ни обширенъ былъ кругъ литературнаго образованія Карамзина, все же сосредоточивался онъ на Франціи. Въ то время Баттё и Лагарпъ были для всѣхъ наставниками въ литературѣ, Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо еще господствовали надъ умами,

хотя и не безусловно. Русскій путешественникъ слышалъ о французскихъ классикахъ уже неблагопріятные отзывы въ самомъ Парижѣ, слышалъ, какъ любимый имъ философъ Боннетъ называлъ Жанъ-Жака только риторомъ, а его философію воздушнымъ замкомъ; и однако, сила времени и привычки такъ велика, что Вольтеръ и Руссо были главными руководителями его убѣжденій.

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ ученаго археолога, посѣщающаго римскія развалины, русскій путешественникъ посѣщалъ и изслѣдовалъ мѣста, гдѣ жили и откуда поучали своими твореніями весь свѣтъ эти два знаменитые французскіе писателя.

И вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзинъ находилъ вполнѣ согласнымъ съ своей теоріей вкуса любоваться холодными аллегорическими изображеніями натуры и поэзіи, которыя льютъ слезы на надгробную урну Геснера, или Безсмертія, Храбрости и Мудрости на монументѣ Тюреня, а чудомъ искусства признавалъ Магдалину Лебрюна, потому что въ ея видѣ художникъ изобразилъ герцогиню Лавальеръ. Таково еще было обаяніе этой чистоусловной, но обольстительной для глазъ роскоши изнѣженнаго искусства, что самымъ удобнымъ находили тогда переводить свои ощущенія на языкъ античной миѳологіи. Въ Булонской виллѣ графа д-Артуа, на картинахъ улыбалась Карамзину сама любовь, а въ альковахъ мечтались аллегорическіе восторги; на развалинахъ рыцарскихъ замковъ воображалась ему сидящею богиня меланхоліи, и въ безмолвной рощѣ не шутя взывалъ онъ къ античному Сильвану.

Однако, какъ человѣкъ новаго направленія, русскій путешественникъ уже не вполнѣ довольствовался ложнымъ классицизмомъ; предпочиталъ античную скульптуру французской и съ Павзаніемъ въ рукахъ рѣшался находить недостатки въ произведеніяхъ Пигаля. Онъ уже зналъ и изъ бесѣдъ съ Гердеромъ убѣдился, что Нѣмцы лучше другихъ народовъ понимаютъ классическую древность: „и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ греческаго, какими обогатили нынѣ (это слова Карамзина) Нѣмцы свою литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная благородная простота въ языкѣ, которая была душою древнихъ временъ, когда царевны ходили по воду и цари знали счетъ своимъ баранамъ“.

Еще сильнѣе замѣтно освобожденіе Карамзина изъ-подъ французскаго вліянія въ его сужденіяхъ о поэзіи драматической, которыми онъ былъ обязанъ изученію Шекспира и нѣмецкихъ писателей. Къ концу прошлаго столѣтія великій британскій драматургъ былъ оцѣненъ по достоинству; произведенія его игрались въ театрахъ въ Англіи, Германіи и даже, въ плохихъ передѣлкахъ, во Франціи; въ Лондонѣ была основана *Шекспирова галлерея*, составленная изъ картинъ, сюжеты которыхъ взяты изъ драмъ Шекспира. Въ какой городъ Германіи Карамзинъ ни пріѣзжалъ, вездѣ могъ видѣть на сценѣ произведенія новой нѣмецкой драмы, столько отличныя отъ классической французской. Въ Берлинѣ при немъ играли драму Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе* и Шиллерову трагедію *Донъ-Карлосъ*. Я не буду приводить восторженныхъ похвалъ Карамзина Шекспиру, столько извѣстныхъ, и въ настоящее время вполнѣ оправданныхъ; но для характеристики тонкаго эстетическаго вкуса нашего путешественника не могу миновать слѣдующій его отзывъ: „Читая Шекспира, читая лучшія нѣмецкія драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть“.

Воззрѣнія, противоположныя ложному классицизму XVIII столѣтія и болѣе согласныя со вкусомъ нашего времени, у Карамзина имѣли характеръ еще односторонній, будучи приведены въ одну систему съ господствовавшею тогда теоріей Жанъ-Жака Руссо о неограниченныхъ правахъ природы надъ человѣкомъ. Всякая цивилизація, а слѣдовательно и античная, должна уступать этимъ всемогущимъ правамъ: и Карамзинъ въ характеристикѣ произведеній Рафаэля, Джулія Романо, Рубенса и другихъ живописцевъ, отдавая предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые болѣе слѣдовали природѣ, нежели антикамъ, не только говоритъ правду вообще, но и въ частности, какъ человѣкъ своего времени, миритъ свой вкусъ съ теоріей Руссо.

Этою же теоріей оправдывался, въ живописи, господствовавшій тогда ландшафтъ, а въ литературѣ — описательная, или, какъ называетъ ее Карамзинъ, *живописная* поэзія, отечествомъ которой онъ полагаетъ Англію: „Французы и Нѣмцы, говоритъ онъ, переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ природѣ. По сіе время ничто еще

не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года:* ихъ можно назвать зеркаломъ натуры". Эта поэзія, объясняемая философіею Жанъ-Жака Руссо, давала нашему молодому путешественнику неизсякаемый источникъ сентиментальныхъ восторговъ при созерцаніи красотъ природы. Потому такъ любилъ онъ Швейцарію, въ которой, по его выраженію, „все, все, забыть можно, все, кромѣ Бога и натуры". Самое искусство казалось ему ничтожною игрушкой передъ явленіями природы: „что значатъ всѣ наши своды передъ сводомъ неба? восклицалъ онъ, остановившись подъ куполомъ Св. Павла въ Лондонѣ: сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія! Не есть ли искусство самая безстыдная обезьяна природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи?"

По теоріи Карамзина, человѣкъ созданъ наслаждаться и быть счастливымъ. Источникъ счастія—природа, которая даетъ всему созданному вмѣстѣ съ бытіемъ и наслажденіе имъ. Союзы семейный и общественный потому намъ дороги и милы, что основаны на природѣ. Самая смерть, какъ явленіе естественное, прекрасна, и ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы.

Своимъ дѣйствіемъ на счастіе человѣка искусства дополняютъ природу. Все прекрасное радуетъ, въ какой бы формѣ оно ни было. Въ мірѣ нравственномъ прекрасна добродѣтель: „одинъ взглядъ на добраго есть счастіе для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра". Религія ведетъ людей къ доброму и дѣлаетъ ихъ лучшими. Декартъ великъ потому, что „своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели". Въ этихъ истинахъ молодой русскій путешественникъ укрѣплялся, бесѣдуя съ Кантомъ, Гердеромъ, Лафатеромъ, Боннетомъ, находилъ имъ доказательства въ своемъ собственномъ сердцѣ и въ радостяхъ, доставляемыхъ природою и искусствомъ, и наконецъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни, когда „опершись на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи".

Мм. гг. вы, безъ сомнѣнія, ожидаете, чтобъ въ характеристикѣ Русскаго Путешественника я коснулся одной крупной черты, которая, какъ живительный лучъ, освѣщаетъ привѣтливымъ свѣтомъ всѣ его путевыя впечатлѣнія, всѣ его думы, надежды и мечтанія. Это — самая горячая любовь его къ родинѣ, мысль о

которой никогда его не покидаетъ. Бесѣдуетъ ли онъ съ Виландомъ о литературѣ, онъ не преминетъ сказать, что и на русскій языкъ переведены нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій. Веселится ли съ лейпцигскими профессорами за бутылкою вина, онъ сообщаетъ имъ, что и на русскій языкъ переведено десять пѣсней Мессіады Клопштока, и, чтобъ познакомить ихъ съ гармоніею нашего языка, читаетъ имъ русскіе стихи. Вслушивается въ мелодіи швейцарскихъ пѣсенъ, и ищетъ въ нихъ сходства съ нашими народными, „столько для него трогательными". Въ Лондонѣ изучаетъ англійскій языкъ, и приходитъ къ убѣжденію въ превосходствѣ передъ нимъ языка русскаго: „Да будетъ же честь и слава нашему языку, восклицаетъ онъ: который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ,—и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса".

Если русскій путешественникъ всегда является передъ иностранцами самымъ краснорѣчивымъ и ловкимъ адвокатомъ за Россію, то потому именно, что искренно убѣжденъ былъ въ ея достоинствахъ. Во многомъ давалъ онъ ей предпочтеніе даже передъ самою Англіей, благосостояніемъ и устройствомъ которой онъ столько восхищался, и несравненно выше Людовика XIV ставилъ Петра Великаго, котораго — говорилъ онъ — „почитаю какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля". Въ преобразованіяхъ Петра онъ видѣлъ разумное примиреніе любви къ родинѣ съ любовью ко всему цивилизованному человѣчеству.

Будущій авторъ Исторіи Государства Россійскаго посѣтилъ западную Европу, когда во Франціи зачинался громадный переворотъ, который долженъ былъ потрясти всю Европу. Карамзину суждено было провести три мѣсяца въ Парижѣ, въ роковой періодъ времени между штурмомъ Бастиліи и казнію французскаго короля.

Былъ ли молодой русскій путешественникъ настолько приготовленъ, чтобъ уразумѣть открывавшійся на его глазахъ новый порядокъ вещей? Находилъ ли онъ въ себѣ самомъ нравственную опору, чтобы руководствоваться твердыми убѣжденіями, когда все кругомъ его расшатывалось, чтобы принять новый

видъ? Наконецъ въ какой мѣрѣ образовало его историческій взглядъ непосредственное наблюденіе надъ однимъ изъ важнѣйшихъ событій новой революціи?

Карамзинъ былъ воспитанъ въ идеяхъ XVIII столѣтія, которыя много способствовали французской революціи.

Права человѣчества, основанныя на законахъ природы, а не на искусственныхъ условіяхъ, свобода мысли и совѣсти и свободныя учрежденія — вотъ тѣ мечты, которыя молодой путешественникъ вывезъ съ собою еще изъ Россіи, и которыя въ его воображеніи приняли видъ дѣйствительности, когда онъ очутился въ странѣ республиканской: „И такъ я уже въ Швейцаріи—писалъ онъ изъ Базеля—въ странѣ живописной натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой выпрямился, голова моя сама собою подымается вверхъ, и я съ гордостью помышляю о своемъ человѣчествѣ“.

Но эта дѣйствительность очень скоро оказалась мнимою. Уже и Базельская республика не во всемъ Карамзину полюбилась: что же касается до республики Женевской, то онъ увидѣлъ въ ней наконецъ не болѣе какъ *прекрасную игрушку*.

Идеалъ свободныхъ учрежденій остался идеаломъ; молодой мечтатель не переставалъ въ него вѣрить; но какъ свѣтлую цѣль — далеко отодвинулъ ее, когда лицомъ къ лицу увидѣлъ недостойное для достиженія ея средство, попавши, какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ, въ самую сумятицу переворота, сквозь тяжелую атмосферу котораго въ тысячѣ грязныхъ и безсмысленныхъ случайностей не могъ онъ прозрѣть въ ближайшемъ будущемъ ничего утѣшительнаго.

Уже по самой организаціи своей нѣжной души, не терпѣлъ онъ ничего насильственнаго, рѣзкаго, болѣзненнаго. Не могъ онъ равнодушно слышать жалобъ нищеты, и видъ физическаго страданія въ больницѣ до того поражалъ его, что долго потомъ стонъ больныхъ отзывался въ его ушахъ; самоубійство считалъ онъ страшнымъ нарушеніемъ законовъ природы; во имя человѣчества готовъ онъ былъ уничтожить тюрьмы, и въ самой войнѣ, даже въ побѣдѣ, видѣлъ только жестокую необходимость. Могъ ли же онъ иначе, какъ съ омерзеніемъ, относиться объ ужасныхъ сценахъ, которыхъ онъ былъ во Франціи очевидцемъ?

Потому-то такъ унылы и мрачны были его мысли, когда, направляясь отъ Ліона къ Парижу, онъ бросаетъ взоры на плодоносныя поля по берегамъ Сены, мечтая о ихъ первобытной дикости, и опасаясь, чтобы опять когда-нибудь не водворилось на нихъ прежнее варварство: „Одно утѣшаетъ меня — присовокупляетъ онъ — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій: одни уступаютъ свое мѣсто другимъ".

Какъ человѣкъ образованный, онъ отдаетъ справедливость французской монархіи, столько совершившей для образованія, и страшится приближающагося ея паденія. Какъ послѣдователь Жанъ-Жака Руссо, онъ любитъ человѣчество на всѣхъ ступеняхъ общественности, но въ уличныхъ забіякахъ, безсмысленныхъ и безчеловѣчныхъ, не рѣшается видѣть представителей французской націи. „Не думайте (однакожъ) — писалъ онъ изъ Парижа, — чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы: одни хотятъ все отнять; другіе хотятъ спасти что-нибудь".

Находя опору въ томъ убѣжденіи, что „всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ, что въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудной гармоніи, благоустройству, порядку, и что *Утопія* (или царство счастія) можетъ быть достигнута только постепеннымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ просвѣщенія, а не гибельными, насильственными потрясеніями", молодой русскій путешественникъ въ самомъ Парижѣ—не смущаясь вспышками революціи—продолжалъ учиться, и тѣмъ больше убѣждался, что *наука — святое дѣло*, когда съ прискорбіемъ видѣлъ, какъ безумные мечтатели мирную тишину ученаго кабинета мѣняли на эшафотъ.

Потому-то, оставляя Парижъ, онъ посылалъ ему свое прощальное привѣтствіе: „Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной, смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душою, — какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море".

Эту краткую характеристику ничѣмъ приличнѣе не умѣю заключить, какъ словами Русскаго Путешественника изъ его послѣдняго письма: „Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: *вотъ зеркало души моей, въ теченіи осьмнадцати мѣсяцевъ!* Оно чрезъ 20 лѣтъ будетъ для меня еще пріятно.... Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ.... Почему знать? Можетъ-быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ*".

Исторія, мм. гг., доказала, что письма Русскаго Путешественника и черезъ 70 лѣтъ не потеряли своего значенія и потомство нашло въ нихъ не одно пріятное, но и полезное. (*Ѳ. Буслаевъ*).

6. Разборъ «Недоросля».

Первое лицо, выходящее на сцену въ „Недорослѣ"—Простакова, смѣсь грубой любви къ сыну, нахальства и дерзости помѣщицы, вѣчно жившей въ деревнѣ, грозы своего мужа, человѣка кроткаго и глупаго. Для нея нѣтъ властей и законовъ; одинъ братъ ея, Скотининъ, пользуется у нея авторитетомъ, да и то потому, что онъ братъ и здоровый дѣтина, который можетъ поколотить свою дражайшую сестрицу. Простакова зaѣлась и зажилась въ деревнѣ, свыклась съ безпрекословнымъ повиновеніемъ подчиненныхъ; и оттого ея деспотизмъ съ окружающими доходитъ до крайности; она хочетъ, чтобы они называли бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, если того требуетъ ихъ госпожа. Простакова уже не исключительно скряга, или грубонѣжная мать, или бранчивая помѣщица — нѣтъ, въ ней соединилось, сжилось и выросло много недостатковъ; она походитъ на лицо живое, а не на статую. Изъ какой норы вышелъ такой звѣрокъ, видно по слѣдующимъ словамъ ея:

Я по отцѣ Скотининыхъ. Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ; да кромѣ меня съ братцемъ, всѣ по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о святой недѣли съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка".

Понятно, какая госпожа, должна была выйти изъ такого семейства!

Въ домѣ Простакова живетъ Софья — сиротка; отецъ и мать ея умерли. Простаковы помѣстили ее въ своемъ домѣ и управляли ея имѣніемъ. На Софьѣ хочетъ жениться Скотининъ, не

потому, чтобы она нравилась ему, нѣтъ, а потому, что „въ деревенькахъ Софьи водятся свиньи". Этотъ неумѣстный рефренъ Скотининъ повторяетъ безпрестанно на разныя манеры: видимо, что Фонвизинъ хотѣлъ сдѣлать изъ него отличительную черту характера Скотинина — но Скотининъ имѣетъ свой характеръ, болѣе отличительный....

Простакова не прочь женить Скотинина на Софьѣ, какъ вдругъ приносятъ письмо къ Софьѣ отъ дяди, каторый живетъ въ Сибири, и который теперь ѣдетъ въ деревню; онъ нажилъ десять тысячъ дохода и наслѣдницею ихъ дѣлаетъ Софью. Простакова перемѣняетъ намѣреніе женить Скотинина на Софьѣ, и хочетъ устроить свадьбу Митрофана и Софьи.

Между тѣмъ въ деревню приходитъ отрядъ солдатъ, которыми командуетъ молодой человѣкъ Милонъ. Онъ влюбленъ въ Софью, а Софья въ него: лица эти честныя, благородныя, образованныя, однимъ словомъ такія, которыя, для контраста съ дураками, всегда были въ прежнихъ комедіяхъ; они говорятъ умно общими мѣстами и походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Поэтому мы о нихъ и не будемъ распространяться. Во время нѣжнаго разговора Софьи и Милона подходитъ къ нимъ Скотининъ и говоритъ: „Привезла меня сюда сестра жениться; теперь же сама подъѣхала съ отводомъ, „что-де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы у тебя, братецъ, хорошая свинья". „Нѣтъ, сестра! Меня не проведешь...." И далѣе въ томъ же родѣ. Ему говорятъ, что у него есть соперникъ, Митрофанушка. Скотининъ озлобился, зоветъ къ себѣ Митрофана и говоритъ ему: „Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Еслибъ я грѣха не боялся, я бы тѣ, не говоря еще ни слова, за ноги да объ уголъ, да не хочу губить души, не найдя виноватаго. Смотри жъ, не отпирайся, чтобъ я въ сердцахъ не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь. Мой грѣхъ, виноватъ Богу и Государю. Смотри жъ не клепли и на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять".

Вотъ это настоящій Скотининъ, несмотря на то, что онъ не говоритъ о свиньяхъ! Только этотъ Скотининъ могъ выражаться такъ, когда къ нему лѣзла сестра драться за Митрофана: „отвяжись, сестра! дойдетъ до ломки, погну, такъ затрещишь..."

Въ третьемъ дѣйствіи является угрюмый дядюшка Стародумъ; онъ пріѣхалъ освободить Софью отъ Простаковой. Простакова хочетъ задобрить его въ пользу своего сына.

По уходѣ Стародума, Митрофана заставляютъ учиться, чтобы дядюшка могъ слышать, что вотъ дитя воспитываютъ; приходитъ Нѣмецъ-учитель, Вральманъ, такая же каррикатура, какъ Кутейкинъ и Цифиркинъ, и уговариваетъ Простакову перестать учить сына.

Въ четвертомъ дѣйствіи, Стародумъ объясняетъ Софьѣ значеніе истинной любви, значеніе нравственности, значеніе супружеской жизни; является Милонъ, и Стародумъ благословляетъ союзъ Софьи. Но пьеса этимъ не кончается и не должна кончиться, потому что въ ней главное лицо не Софья и Милонъ, не Недоросль, а Простакова, которая хочетъ женить своего сына на богатой дѣвицѣ. Фонвизинъ это очень хорошо понималъ, и потому заставилъ Простакову дѣйствовать. Она, узнавъ о намѣреніи Стародума выдать Софью за Милона, составляетъ планъ увезти Софью и насильно обвѣнчать ее. Вотъ послѣдняя сцена.

Но этотъ замыселъ не удается: Софью спасаютъ, а слуги, которые схватили Софью, разбѣгаются. Простакова въ ярости; она кричитъ: „Какая я госпожа въ домѣ? Чужой погрозилъ, приказъ мой ни во что.“ Но ей говорятъ, что ее отдадутъ еще подъ судъ; она бросается на колѣни и умоляетъ Стародума: „Батюшка, прости ты меня грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ“. Стародумъ ее прощаетъ. Простакова оживаетъ; страхъ прошелъ; она опять является прежней Простаковой и тутъ же при Стародумѣ говоритъ:

„Простилъ! Ну теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ!“ и проч.

Но Правдинъ ей объявляетъ указъ о томъ, что домъ ея беретъ правительство въ опеку за безчеловѣчные поступки.

На это Простакова плачется: „Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно-ль тебѣ какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются!... Дай мнѣ сроку хоть на три дня... (*въ сторону*) я дала бы себя знать...“

Но, видя, что люди эти неумолимы, она бросается обнимать сына и говоритъ: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!“ Но Митрофанъ отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...“ Этимъ кончается „Недоросль.“

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи—единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса—Простакова. Въ ней вы

не замѣчаете преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица въ „Недорослѣ". Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передраться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвинуть на униженіе, подличанье предъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство; все остальное—тлѣнъ. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому что, говорятъ, ученье начинаетъ приносить пользу молодымъ людямъ, но въ дѣйствительную пользу ученья она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Эта-то Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и дородство; а когда это не удалось, чуть не подралась съ сильнымъ соперникомъ, начинаетъ кокетничать Митрофанушкой, показывать его знанія передъ Стародумомъ. Однимъ словомъ, она вся оживилась и выказала свою гнусную натуру со всѣхъ сторонъ. Надежды оживляли ее; но вдругъ узнавъ, что Софья отдала руку свою Милону, она приходитъ въ ярость и для дорогаго дѣтища своего готова на похищеніе Софьи; когда и это не удается, когда ее берутъ въ опеку, злоба ея не перекипѣла; она проситъ позволенія перебить слугъ и тогда уже покориться непріятной судьбинѣ; ей и въ этомъ отказываютъ; она съ отчаянія бросается въ объятія Митрофана, но и Митрофанъ, недовольный развязкой дѣла, которое затѣяла матушка, отталкиваетъ ее и говоритъ: „да отвяжись, матушка! какъ навязалась..." Что послѣ этого сдѣлалось съ Простаковой, говорить нечего: она вылилась вся. Идея автора выполнена. Митрофанъ есть то лицо, которое составляло задушевную тревогу ея жизни; это пружина всѣхъ ея дѣйствій. Фонвизинъ выбралъ женидьбу Митрофана какъ лучшее средство показать натуру Простаковой, и въ этомъ случаѣ поступилъ удачно, потому что онъ былъ дѣйствительно тотъ пунктъ, отъ соприкосновенія съ которымъ вся природа Простаковой освѣщалась яркимъ пламенемъ. Это была та нѣжная струна ея

сердца, которую стоило затронуть, чтобъ заговорило ея ретивое. Фонвизинъ ее затронулъ, и Простакова вышла живымъ лицомъ. Отъ этого въ „Недорослѣ" вы видите сцены мастерски отдѣланныя, въ которыхъ дѣйствуетъ Простакова; напримѣръ, сцена съ мамкой Еремѣевной, сцена съ Стародумомъ, когда ей не удалось увезти Софью.

Мы говорили о единствѣ дѣйствія комедіи „Недоросль" по отношенію къ Простаковой: это еще не значитъ, чтобы вся пьеса было проникнута одной идеей, — въ „Недорослѣ" есть сцены, наполненныя однимъ резонерствомъ, напримѣръ сцены Стародума и Софьи, Стародума и Правдина. Разговоры этихъ лицъ сами по себѣ умны, но нисколько не художественны и къ главной идеѣ нейдутъ. Потомъ есть лишнія сцены, отъ того, что въ „Недорослѣ" есть лишнія лица. Отъ праздности этихъ лицъ при ходѣ пьесы, авторъ выводитъ ихъ на сцену поговорить такъ, иногда для остраго словца, иногда для благоразумнаго совѣта. Такимъ образомъ „Недоросль", по одному своему лицу, Простаковой, и по идеѣ, которая ее одушевляетъ, заключаетъ въ себѣ начатки комизма, поглощеннаго болѣе сатирическою, нежели комическою обрисовкою остальныхъ характеровъ.

(*С. Дудышкинъ*).

7. Разборъ Ревизора.

Мы, Русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполнѣ удовлетворяетъ требованію искусства: это „Ревизоръ" Гоголя.

„Ревизоръ" есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ, взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ, пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна; городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ „самоварниковъ и архибестій"; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды насчетъ слушавшихъ ихъ болтовню,

Жена городничаго и дочь ея кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ насчетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной предъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и въ главѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ преимущественно боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ; они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. И такъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Добчинскій и Бобчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ. Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену; потому что на улицахъ грязь; потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались купить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ; потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: „такъ, знаете, въ дверь только посмотрѣть, какъ у него поступки...“ Въ это же время, устарѣлая уѣздная кокетка торопится распросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще пококетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ; она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ.... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ „ревизоръ“, и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно-выработанное лицо: вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго,

одной идеи, воплощенной творчествомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека" съ „Сумбекою"; онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что говоритъ... Между тѣмъ, каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго города; личность Хлестакова все больше и больше ростетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ". Городничій уже велитъ кричать о своемъ счастіи всему народу, „валять въ колокола; коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!" Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромною жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? „Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь; фельдъегери и адъ„ютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціяхъ „никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капи„таны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь „гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ, стой городничій! Ха, ха, ха! „Вотъ что, канальство, заманчиво!"

Городничій въ паѳосѣ. Все, что роилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастія. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть его души и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастія и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это было пустяки. Посмотрите въ третій разъ на эту натуру, обиженную тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ—го-

родничій, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ, котораго ни „одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести, мошен-„никовъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ та-„кихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; „трехъ губернаторовъ обманулъ!" Во время этого бѣснованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена—кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. (*С. Дудышкинъ*).

8. Гдѣ и когда писана древняя русская лѣтопись?

(*Изъ изслѣдованій М. П. Погодина*).

Гдѣ положено основаніе нашимъ лѣтописцамъ, т. е. гдѣ написано это начало, которымъ начинаются всѣ лѣтописи?

Безъ всякаго сомнѣнія, въ Кіевѣ.

Вотъ ея заглавіе по лучшимъ и древнѣйшимъ спискамъ: по Лаврентьевскому—„Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто *въ Кіевѣ* нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть". По Ипатьевскому: Лѣтописецъ *Кіевскій*, съ Богомъ починаемъ и проч.

Довольно взглянуть вообще на лѣтопись, чтобъ утвердить рѣшительно сочиненіе ея въ Кіевѣ. Всѣ происшествія, описанныя ею, относятся къ Кіеву и южной Россіи, которая остается главнымъ мѣстомъ дѣйствія во все ея продолженіе. Нашествіе непріятелей описывается только въ отношеніи къ Кіеву, напр. нашествіе Печенѣговъ, прохожденіе Угровъ. Однимъ словомъ, вся лѣтопись есть лѣтопись города Кіева по преимуществу.

Приложимъ нѣкоторыя внѣшнія примѣты: въ 1065 году рыболовы ловили рыбу *въ Кіевѣ*, выволокли дѣтище въ неводѣ, на которое *мы* смотрѣли и проч. (См. ниже). Половцы взяли Кіевъ, пришли въ монастырь Печерскій *намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ* (См. ниже). Припомнимъ мѣста, въ коихъ говорится объ открытіи раки Ѳеодосіевой, и проч. (См. ниже).

Приступимъ теперь къ важному вопросу о времени: *когда* же было написано въ Кіевѣ это начало?

Во многихъ древнихъ спискахъ, по свидѣтельству Карамзина, подъ годомъ 1110, находятся слѣдующія строки: „Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, Индикта 9 лѣта; а иже чтетъ книги си, то буди ми въ молитвахъ".

Въ этихъ строкахъ я вижу, что начало лѣтописи было переписано извѣстнымъ лицомъ 11 и 12 столѣтія, а слѣдовательно было сочинено по крайней мѣрѣ около этого времени.

Время отъ 1104 до 1110 года, по Сильвестровой припискѣ, оставлено по многимъ древнимъ спискамъ безъ описанія, которое слѣдуетъ уже за нею. То-есть: шесть лѣтъ до 1110 года по порядку не описаны, а описаны послѣ онаго, хотя случились прежде.

Вотъ важнѣйшее для меня доказательство, что въ началѣ 12 столѣтія, или концѣ 11, въ лѣтописи былъ перерывъ (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предыдущаго времени, не описаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Слѣдовательно, начало ея оканчивалось около этого времени; и слѣдовательно, было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ 11 столѣтіи.

Подъ годомъ 1065 въ лѣтописи встрѣчается извѣстіе: „Того же лѣта и Кіевѣ рыболове ловяще рыбы, выволокоша въ неводѣ дѣтищъ, его же сходящеся *позоровахомъ* до вечера".

Мы смотрѣли до вечера—кто можетъ говорить такъ, кромѣ очевидца?

Послѣ 1051 года при повѣствованіи объ основаніи Печерскаго монастыря сказано: Ѳеодосіеви жъ живущу въ монастырѣ, и правящу добродѣтельное житіе и чернецкое правило и принимающу всякаго приходящаго къ нему, къ нему жъ и азъ пріидохъ худый и пріятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати отъ рожденія моего".

Можно ли предполагать здѣсь выдумку въ томъ, кто не сказываетъ даже своего имени? Простой, истинный разсказъ!

Подъ годомъ 1091. „Игуменъ Печерскій со иноки совѣтъ сотворше и рѣша: не добро есть лежати отцу нашему Ѳеодосію кромѣ монастыря и церкве своея, понеже той есть основалъ цер-

ковь, и черноризцы совокупилъ. Тако повелѣша устроити мѣсто, идѣже положити мощи его; и приспѣвшу празднику Успенія Святыя Богородицы тремя денми, и повелѣлъ игуменъ рушити, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Θеодосія. *Его же повелѣнію быхъ азъ грѣшный первое самовидецъ, еже скажу: не слухомъ бо слышахъ, но самъ, и о семъ начальникъ.* Пришедшу же игумену ко мнѣ и рекшу ми: поидивѣ въ пещеру Θеодосіеву: азъ же пришедъ со игуменомъ, не вѣдущу никому же, разглядавше кудѣ копати; и назнаменавше мѣсто, кудѣ копати, кромѣ устія, рече ко мнѣ игуменъ: не мози повѣдати никомуже, но поими, егоже хощеши, да ти поможетъ. Азъ же пристроилъ 3-ю днію рогалію, еюже копати: и во вторникъ вечеръ пояхъ съ собою два брата, и не вѣдущу никомуже, прійдохомъ въ пещеру, и отпѣвъ псалмы, почахъ копати, и трудихомся, и вдахъ другому брату, и копахомъ до полуночи, утрудихомся, и немогучи ся докопати: и нача тужити, еда како на сторону копаемъ. Азъ же埋 вземъ рогаль, начахъ копати рамено, а другу моему почивающу предъ пещерою. И рече ми: удариша въ било, и азъ въ тотъ часъ прокопавъ на мощи Θеодосіевы, оному глаголющу ко мнѣ: удариша въ било, и мнѣ рекущу: прокопахъ уже. Егда же прокопахъ, обдержаше мя ужасть, и начахъ звати: Господи помилуй...."

Невольно поражаешься внутреннею правдою мѣстъ, подобныхъ слѣдующимъ: во вторникъ къ вечеру пошелъ я копать... или: я копалъ, усталъ и передалъ лопату другому брату; мы копали до полуночи, устали... тужили, такъ ли копаемъ; или: онъ сказалъ мнѣ—ударили въ колоколъ: а я въ эту минуту докопался, и сказалъ ему: вотъ докопался. Страхъ взялъ меня, и я началъ молиться: Господи помилуй....

Это написано самимъ дѣйствующимъ лицомъ, безъ всякаго сомнѣнія.

Подъ годомъ 1095 описано нападеніе Боняка Половецкаго на Кіевъ: *Того же мѣсяца въ пятокъ* приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хищникъ къ Кіеву внезапу, и мало во градъ не въѣхаша Половцы, и зажгоша болонье около града, и возвратишась въ монастырь и зажгоша Стефановъ монастырь, и прійдоша въ монастырь Печерскій, *намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени*", и проч. „Того же мѣсяца въ пятокъ", „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ", —какъ предположить подлогъ въ такихъ выраженіяхъ! Ясно, что описаніе сдѣлано современникомъ, то есть въ 11 столѣтіи.

Подъ годомъ 1106: въ се же лѣто преставися Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститъ, живъ по закону Божью; не хуже бѣ первыхъ праведникъ; *отъ него же и азъ многа словеса слышахъ*, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ."

Перейдемъ къ доказательствамъ другаго рода.

Въ началѣ лѣтописи разсѣяно множество выраженій, показывающихъ, что описанія сдѣланы какъ бы по горячимъ слѣдамъ происшествій, когда они были еще въ свѣжей памяти у близкихъ потомковъ. Вотъ нѣсколько для примѣра:

„И убиша Аскольда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, *еже ся нынѣ зоветъ Оугорьское, кде нынѣ Ольминъ дворъ;* на той могилѣ постави Ольма церковь Святаго Николы: а Дирова могила за святою Ориною."

„И послаша Деревляне лучьшіе мужи числомъ 20 въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текуши возлѣ горы Кіевскія, и на подольи не сѣдяху людье, но на горѣ; градъ же бѣ Кіевъ, *идеже есть дворъ Гордятинъ и Нифовъ*, а дворъ Княжь бяше въ городѣ, *идеже есть дворъ Демьстиковъ*, за Святою Богородицею..."

Такихъ живыхъ преданій нельзя было имѣть позже 11 столѣтія.

Кажется, довольно доказательствъ, что начало нашихъ лѣтописей писано по крайней мѣрѣ въ 12 столѣтіи, если не ранѣе,— доказательствъ разнообразныхъ и положительныхъ: примѣты перерыва, указанія современности писателей съ лицами и происшествіями 11 вѣка, мѣста, указывающія на близость къ происшествіямъ.

Предложивъ доказательства положительныя о сочиненіи первой русской лѣтописи въ 11 вѣкѣ, я предложу здѣсь доказательства отъ противнаго: Лѣтопись и не могла быть сочинена иначе какъ въ концѣ 11 вѣка и началѣ 12.

Въ 9, 10, 11 вѣкахъ, главными дѣйствующими лицами я вижу Варяговъ. Въ продолженіи этого времени они упоминаются до шестидесяти разъ въ лѣтописи. Лѣтописецъ знаетъ ихъ коротко: всѣ дѣйствія его Варяговъ имѣютъ одну опредѣленную физіономію (точно такъ какъ Славяне имѣютъ другую) и ни въ одномъ мѣстѣ не придетъ вамъ въ голову сказать: „нѣтъ, это не въ варяжскомъ духѣ;" нигдѣ не найдете противорѣчія. Это очень замѣчательно: такую вѣрность въ изображеніи народнаго характера мудрено сохранить нынѣ въ искусственномъ произведеніи, съ намѣреніемъ и желаніемъ,—а тогда! Слѣдовательно,

Варяги лѣтописные могли быть списаны только съ натуры: ибо въ 13, 14 и даже въ 12 вѣкѣ, они сошли со сцены, перестали дѣйствовать, и имя это замолкло въ народѣ, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось, и слѣдъ Варяговъ уже пропалъ.

Почти то же можно сказать о племенахъ славянскихъ, исчисленныхъ и описанныхъ въ лѣтописи: Въ 12 столѣтіи они начали пропадать, а въ 13 совсѣмъ почти пропали, замѣненныя именами княженій и городовъ; въ 12 столѣтіи, слѣдовательно, было трудно, а въ 13 и 14, въ эпоху Монголовъ, невозможно собрать и размѣститъ ихъ по мѣстамъ: тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне; Новгородъ, а не Сѣверяне; Владиміръ, а не Древляне; Смоленскъ, а не Кривичи. Лѣтописецъ не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, ибо нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой совокупности. Слѣдовательно, онъ описывалъ и размѣщалъ племена по принадлежащимъ имъ мѣстамъ также съ натуры, съ живаго преданія, когда оно не успѣло еще затеряться.

Далѣе—откуда можно было, не бывъ современникомъ, набрать погодно всѣ эти явленія кометъ, затмѣнія солнца, которыя рѣшительно подтверждаются лѣтописями Астрономіи? Какъ можно было означить дни происшествій 11 вѣка, съ объясненіемъ, въ какой день недѣльный случилось то или другое происшествіе, какіе праздники приходились въ одинъ день, напримѣръ Лазарево Воскресенье и Благовѣщенье (въ 1111 году)?

Г. Руссовъ говоритъ весьма справедливо: „весьма ясно, что твореніе, приписываемое Нестору, въ XIV столѣтіи не могло быть написано. Нынѣ, смотря въ одну строку синхронической таблички, видимъ имена государей, государства и событія всего свѣта и всякаго столѣтія, какого угодно; но въ XIV столѣтіи такихъ табличекъ еще не было, и русскому человѣку тогда не только лѣтописи IX и X столѣтій, но ниже десяти строкъ безъ анахронизмовъ написать было не можно, потому что въ твореніи, приписываемомъ Нестору, почти нѣтъ ни одного анахронизма: всѣ имена лицъ, названія городовъ и урочищъ, характеры народовъ и самыхъ происшествій, изображены какъ очевидцемъ IX и X столѣтій. Чтобы написать такую Лѣтопись въ XIV столѣтіи, надобно было имѣть нынѣшнюю Императорскую библіотеку и еще нѣсколько партикулярныхъ; безъ того даже и выдумать Несторовой лѣтописи въ XIV вѣкѣ было не возможно: ибо тогда многое изъ бывшаго въ IX и X столѣтіяхъ

измѣнилось, многое и совсѣмъ ужъ съ лица земли было изглажено. Это мы узнали гораздо позже; — и то отъ иностранныхъ современныхъ писателей".

Послѣ всѣхъ сихъ изысканій смѣло заключаю: первоначальная лѣтопись наша составлена въ концѣ 11 и началѣ 12 вѣка.

(*М. Погодинъ*).

9. Какъ Шлёцеръ учился русскому языку.

(*Изъ его автобіографіи*).

Первой моей заботой по прибытіи въ Россію (1761) было выучиться по-русски.

Я просилъ рекомендовать мнѣ *учителя языка*: „Такого вы здѣсь не найдете, какой вамъ нуженъ", сказалъ мнѣ Миллеръ. Я просилъ указать мнѣ *пособія:* но и въ этомъ отношеніи Россія была въ то время чрезвычайно бѣдна; — несмотря на то, что въ ней уже 37 лѣтъ существовала академія, которая должна была распространять въ народѣ образованіе и сближеніе съ другими образованными націями, и на которую тратилось много денегъ.

Русской грамматики *Гренинга* на шведскомъ языкѣ, изданной въ Стокгольмѣ въ 1750 году, тогда еще не было у меня, да я не зналъ даже и объ ея существованіи. Грамматика *Ломоносова* (Петербургъ, 1755), писанная на одномъ русскомъ языкѣ, была мнѣ непригодна для перваго начала: въ нѣмецкомъ переводѣ она вышла только въ 1764 году, также въ Петербургѣ. И такъ единственнымъ моимъ пособіемъ была грамматика, находившаяся передъ *Вейсмановымъ* нѣмецко-латино-русскимъ лексикономъ (напечатаннымъ при академіи въ 1731 г.) и заключавшая въ себѣ всего 48 страницъ.

Теперь—словарь: названный лексиконъ былъ для меня безполезенъ, потому что впереди стояли нѣмецкія слова. Но мнѣ указали нѣкоего *Целларіуса*, гдѣ латинскія слова были переведены на русскій, а въ концѣ были напечатаны русскія слова, въ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ страницы, на которой можно было отыскать ихъ, чтобы узнать ихъ значеніе.

Оба эти скудныя пособія доставилъ мнѣ Миллеръ. Теперь вопросъ былъ въ томъ, какую книгу начать мнѣ *переводить!* При другихъ живыхъ языкахъ мое правило: учиться читать и переводить первоначально по государственнымъ календарямъ. До ка-

кой степени такіе календари пригодны для этого, знаютъ не многіе учители языковъ. Но русскаго государственнаго календаря тогда еще не было, и я поневолѣ долженъ былъ приступить къ чему-либо болѣе трудному. Я выбралъ книгу, которая и по содержанію была для меня интересна, и, кромѣ того, могла быть продана въ переводѣ какому-нибудь нѣмецкому книгопродавцу: это было „Описаніе Камчатки" *Крашенинникова*, недавно (1755) напечатанное при академіи, но уже извѣстное за границей. „Это пойдетъ не очень-то скоро", сказалъ мнѣ Миллеръ, съ усмѣшкой; „начните съ чего-нибудь полегче". Но я скромно просилъ его дать мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать опытъ надъ этой книгой: и онъ далъ мнѣ ее, видимо, чтобы только подразнить меня.

Я ухватился за предисловіе, напечатанное къ этому сочиненію Миллеромъ по смерти автора, и надѣялся найти его наполненнымъ германизмами — такъ какъ это былъ переводъ съ нѣмецкаго—и, слѣдовательно, болѣе для меня легкимъ. Но Миллеръ писалъ такими періодами, какихъ не найдешь и у Геродота; и самый первый періодъ былъ запутанъ придаточными предложеніями („коль ни — однако"): самъ Миллеръ не могъ объяснить мнѣ этого *ни* (хотя ему стоило бы только напомнить мнѣ латинское cunque, libet, vis, qui-cunque; quid-vis и проч.). Однакожъ въ слѣдующихъ фразахъ дѣло пошло. Многое разбиралъ я удачно съ помощію моей бѣдной грамматики и еще бѣднѣйшаго Целларіуса: а чего не могъ добиться самъ, то записывалъ, и такимъ образомъ всякое утро сходилъ къ чаю съ тетрадкой, наполненной вопросами. Не прошло 8 дней, Миллеръ уже началъ удивляться. Не только охотно, но съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчалъ онъ на всѣ мои вопросы: и я подвигался быстро впередъ. На 4-й недѣлѣ онъ уже заговорилъ о чудѣ, и разсказалъ объ этомъ мнимомъ чудѣ не только Тауберту, но даже домашнему врачу нашему, доктору Энсу, который ежедневно навѣщалъ меня, такъ какъ у меня болѣла тогда нога. Докторъ спросилъ однажды Миллера наединѣ, не идіотъ ли я, и не лишенъ ли я вовсе мыслительной способности, потому что у меня такая чудовищная память?

Чѣмъ дальше я подвигался въ своей Камчаткѣ, тѣмъ больше приходилось спрашивать. Въ словахъ техническихъ я вовсе не могъ употреблять моего Целларіуса: Миллеръ былъ моимъ живымъ лексикономъ. Этотъ любезный человѣкъ не уставалъ от-

вѣчать: скорѣе я уставалъ спрашивать. Наконецъ ему надоѣли мои безпрестанныя жалобы, и однажды онъ изумилъ меня манускриптомъ, который онъ привезъ домой изъ академіи и приказалъ втащить въ мою комнату. Этотъ манускриптъ in-folio, въ 781 листъ толщиною, былъ настоящій русскій Целларіусъ, въ которомъ слова были расположены подъ ихъ корнями (иногда очень ошибочно), съ латинскимъ значеніемъ, и притомъ чрезвычайно полный, даже относительно естественно-историческаго отдѣла и другихъ техническихъ названій. Составителемъ его былъ *Кириллъ Кондратовичъ*, человѣкъ не ученый, однакожъ знавшій по-латыни, а въ тѣ времена всякій, кто умѣлъ склонять mensa, слылъ въ Петербургѣ за ученаго.

Какъ обрадовался я этой находкѣ! Но нестерпимо разгонистый почеркъ и, вслѣдствіе того, затруднительное употребленіе громадной рукописи отравляло мою радость. Въ отчаяніи, началъ я (18 января 1762) переписывать этотъ словарь слово въ слово, въ 4-ю долю, коренныя слова крупнымъ шрифтомъ, а производныя и сложныя помельче. Я занимался этимъ трудомъ, когда утомлялся другими, болѣе головоломными работами, — и къ 12-му іюня у меня было готово уже 19 буквъ. Меня пугали буквы Р и Т, потому что въ оригиналѣ первая занимала 32, а вторая 98 листовъ; только въ маѣ и октябрѣ слѣдующаго года рѣшился я за нихъ приняться. Остальныя 6 буквъ я покончилъ отъ 22 апрѣля до 26 іюля, 1764 года. Такимъ образомъ у меня составился очень удобный и не слишкомъ объемистый лексиконъ въ четвертку, съ широкими полями, на которыя съ тѣхъ поръ, въ теченіи 35 лѣтъ, вношу я аккуратно разныя этимологическія замѣчанія, поправки, дополненія, сличенія и т. п.

Другъ Б... не сравнивай меня съ тѣмъ чудакомъ, который— не знаю, изъ экономіи, или просто изъ прихоти — переписалъ собственноручно греческій лексиконъ Гедериха. Мой рукописный квартантъ былъ, цѣлую четверть столѣтія, *единственнымъ* удобоупотребляемымъ русскимъ словаремъ въ мірѣ.

Надобно было видѣть великое, почти смѣшное, удивленіе, которое произвелъ Миллеръ, когда на 8-й недѣлѣ моего пребыванія въ Россіи, представилъ Тауберту первый переведенный мною указъ!

Русскій языкъ давался мнѣ труднѣе, чѣмъ всѣ другіе языки, какіе я до тѣхъ поръ изучалъ; однакожъ въ короткое время я преодолѣлъ главныя его трудности, — конечно для того, чтобы

понимать его, а не писать, и еще менѣе говорить на немъ. Большую выгоду доставляли мнѣ при этомъ вообще мои прежнія занятія языками. Я изучилъ грамматически до 15 языковъ (если считать platt-deutsch и халдейскій за особые языки). Теперь, чѣмъ больше языковъ понимаешь, тѣмъ легче научаешься новымъ: ихъ свойства уже не поражаютъ, — ихъ уже встрѣчалъ гдѣ-нибудь. Валахъ ставитъ членъ въ концѣ слова— это же дѣлаетъ и Шведъ; русское *у меня есть*, вмѣсто „я имѣю", соотвѣтствуетъ латинскому est mihi; греческій, шведскій и русскій средній залогъ взаимно освѣщаютъ другъ друга; Арабы и Британцы одинаково произносятъ W; и т. д. „Первыя сто тысячъ, говорилъ одинъ милліонеръ, пришлись мнѣ туго; съ остальными 900,000 шло гораздо легче".

Особенно пригодился мнѣ, при занятіяхъ русскимъ, мой *греческій* языкъ (ахъ! въ сорокъ лѣтъ я много перезабылъ!) и притомъ двоякимъ образомъ. I) Насъ очень пугаетъ, когда, при новомъ языкѣ, мы должны выучиться прежде новой азбукѣ: отъ этого труда я былъ почти избавленъ, потому что зналъ начертаніе греческихъ буквъ изъ тѣхъ столѣтій, когда Копты и Славяне заимствовали свои азбуки у Византійцевъ (отсюда сходство между коптскими и древне-славянскими буквами). Даже Русское *Ш*—котораго нѣтъ въ греческой азбукѣ, потому что у грековъ нѣтъ въ языкѣ соотвѣтствующаго звука — было ужъ мнѣ знакомо; творецъ славянской азбуки — человѣкъ болѣе геніальный, нежели изобрѣтатель нашей нѣмецкой — заимствовалъ для этого букву у Евреевъ. Такимъ образомъ изъ 40 древне-славянскихъ буквъ оставалась незнакомою мнѣ едва ли третья доля. Но не только *въ чтеніи*, а и II) *въ пониманіи* русскихъ книгъ, греческій языкъ оказалъ мнѣ помощь. Всѣ церковныя слова, которыхъ чрезвычайно много, взяты Русскими изъ греческаго языка, какъ остальными христіанами — изъ латинскаго; для самого Русскаго они звучатъ совершенно не по-славянски; но онъ не знаетъ, откуда они и что они первоначально значатъ. Въ 1773, 76 и 79 годахъ Синодъ напечаталъ въ Москвѣ *Церковный Словарь*: на рѣдкой страницѣ не встрѣтишь по нѣскольку чисто-греческихъ словъ, а есть цѣлыя страницы, какъ бы усѣянныя все такими словами.

Остальнымъ обязанъ я *методѣ изученія языковъ*, на которую я напалъ самъ, когда мнѣ было 15 лѣтъ, но которую впослѣдствіи усовершенствовалъ Гиллеръ въ Виттенбергѣ, и Геснеръ,

а въ особенности Михаэлисъ: методѣ веселой, которая ведетъ впередъ больше посредствомъ мышленія, нежели запоминанія, и которая человѣка, способнаго мыслить, избавляетъ отъ тупаго прилежанія. Быть можетъ, *юные* читатели найдутъ здѣсь что-нибудь не общеизвѣстное, если я опишу имъ ее.

а. На 11-мъ году отъ роду началъ я учиться по-еврейски, и узналъ множество *корней* словъ. Впослѣдствіи мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, и въ другихъ языкахъ найдутся такія же генеалогіи словъ, и что самыя различныя, по видимому, значенія должны имѣть одну соединительную точку. Я сталъ размышлять объ Alt и Aeltern, trübe и betrüben, fünf и Finger; pecus и pecunia, pes и impedio, jacio и conjectura, servus и servare, video (вижу) и invideo (ненавижу); venio (хожу) и invenio (нахожу) и проч., и проч. При многихъ словахъ я угадывалъ соединительную точку или основное значеніе, и съ тѣхъ поръ пустился во всѣхъ языкахъ охотиться за *корнями*. Когда я такимъ образомъ узнавалъ только сто *коренныхъ* словъ какого-либо новаго языка, то 400 *производныхъ* (а еще болѣе *сложныхъ*, см. ниже) стоили мнѣ немного новаго труда; не раскрывая лексикона, я угадывалъ ихъ значеніе или, по крайней мѣрѣ, удерживалъ его очень легко. По этой корнесловной методѣ принялся я и за русскій языкъ. И между тѣмъ какъ въ другихъ языкахъ удерживать корни составляетъ утомительное дѣло памяти, здѣсь я былъ почти избавленъ даже отъ этого труда, по причинѣ моего знакомства съ другими языками. Именно, я очень скоро нашелъ, что изъ десяти русскихъ (или славянскихъ) первоначальныхъ словъ навѣрное девять находятся или въ нѣмецкомъ, или въ латинскомъ, или въ греческомъ, или даже во всѣхъ трехъ языкахъ вмѣстѣ, и ихъ первобытное тождество можетъ быть *доказано*, не прибѣгая къ ребяческому насильственному словопроизведенію. Миллеръ не зналъ вовсе этихъ пріемовъ. Хотя онъ соглашался, что Nacht, nox, nott, nuit, nyx, night, *ночь* или ego, io, ich, ek, jag, я и проч. суть одно и то же слово, и что сходство, между греч. horos и рус. *гора* оказывается болѣе нежели простымъ случаемъ; хотя онъ не отвергалъ, а скорѣе удивлялся, какъ это онъ прежде самъ не замѣтилъ, что идею *нахожденія* Славянинъ выражаетъ точно такъ-же, какъ Римлянинъ (in-venio, на — *хожу*): но когда я серіозно утверждалъ, что viel и plurimus, finster и tenebrae происходятъ отъ одного корня (первое

черезъ посредство греч. polys, второе — черезъ древне-нѣмецкое thimster и славянское *тьма*), тогда онъ начиналъ выходить изъ себя и даже браниться. Не помогло и извѣстное наблюденіе, что если бы своего осьмидневнаго крестника онъ увидалъ черезъ 20 лѣтъ, то не нашелъ бы въ немъ и тѣни сходства, и что, напротивъ, совсѣмъ другое дѣло было бы, если бы онъ видалъ его каждый годъ и замѣчалъ его послѣдовательныя перемѣны черезъ небольшіе промежутки времени. Черезъ два года результатомъ моей корнесловной методы было то, что, когда я хорошо узналъ большую часть русскихъ корней, мнѣ стали открыты всѣ славянскія нарѣчія, польское, чешское, кроатское, лужицкое и проч. Первоначальныя слова во всѣхъ ихъ однѣ и тѣ же, а уклоненія въ флексіяхъ стоили какихъ-нибудь четырехъ недѣль занятія грамматикой: и такъ, одолѣвъ русскій языкъ, я увидѣлъ, что понимаю въ то-же время еще 4 — 5 языковъ или могу узнать ихъ въ мѣсяцъ.

б. Также и о *словообразованіи* много наслышался я при изученіи еврейскаго языка, напр. что такой-то звукъ, поставленный впереди слова, означаетъ *мѣсто*; такой-то усиливаетъ понятіе, и проч. Я изучилъ Simonis arcanum formarum (Галле, 1735), связалъ его идеи съ тѣмъ, что нашелъ въ сочиненіяхъ *Ире* примѣнительно къ шведскому языку, и перенесъ эти пріемы въ мою русскую методу языкоученія. Нѣмецкій языкъ имѣетъ форму, хотя и не во всѣхъ глаголахъ, для образованія дѣйствительнаго залога изъ средняго (sitzen—setzen,—wiegen—wägen, сидѣть—садить, висѣть — вѣсить); въ латинскомъ языкѣ уменьшительныя имена образуются черезъ olus; не помню, были ли такія же всеобщія правила объ окончаніяхъ or, osus, ivus, tas (act-or, fructuosus, furt-ivus secur-itas): но въ греческой грамматикѣ было много подобныхъ правилъ. — Вотъ я и присталъ къ Миллеру, чтобы онъ растолковалъ мнѣ, что значатъ часто встрѣчающіяся русскія окончанія *ость*, *тель*, *ивъ*, *скій*. Онъ не понималъ меня— въ его школьные годы еще не было *философіи языка*: но онъ вычислялъ мнѣ около дюжины словъ съ одними и тѣми же окончаніями, вмѣстѣ съ значеніями ихъ, а я составлялъ себѣ, посредствомъ отвлеченія, общее, хотя и темное, понятіе.

в. Славянинъ, какъ Европейцы, часто *слагаетъ* слова: поэтому третьей моей заботой было научиться *разложенію словъ*, въ особенности съ частицами. Опять огромное сбереженіе времени и труда! Приведу примѣръ изъ латинскаго языка: когда я знаю,

что значитъ *pono*, а также что означаетъ prae, ex, cum, trans, post, in и пр., то мнѣ не нужно отыскивать expono, praepono, и пр., — я угадываю ихъ значеніе. Или, положимъ, лексиконъ указываетъ новое, произвольное значеніе (напр. при словѣ *compono*, собств. *складываю*, значенія: *сличаю, погребаю*), то я легко удерживаю это значеніе, потому что при первомъ намекѣ понимаю переходъ отъ одной идеи къ другой. Скажутъ — всему этому учитъ здравый смыслъ: но учитъ ли этому и всякій учитель?

г. Съ *флексіями* (склоненія, спряженія, степени сравненія и пр.) достаточно познакомился я изъ грамматики, находящейся передъ Вейсмановымъ лексикономъ. Простыя окончанія не заучивалъ я на память по-дѣтски, а составилъ для нихъ таблицы, которыя и лежали всегда передо мною. При этомъ много выигралъ я черезъ сокращеніе; ибо сочинитель писалъ, какъ и всѣ его преемники, безъ всякаго грамматическаго генія: напр., въ склоненіяхъ онъ вездѣ принималъ 7 падежей, между тѣмъ какъ большая часть именъ имѣетъ ихъ только 5. Всего больше особенностей представляютъ славянскія нарѣчія въ глаголахъ: однакожъ по-одиночкѣ эти особенности встрѣчаются и въ другихъ языкахъ, напр. ихъ *средній* залогъ. *Будущее* образуютъ они большею частію черезъ присоединеніе предлога къ *настоящему времени*: на это я не знаю примѣра ни въ одномъ изъ другихъ языковъ. Во *временахъ* они дѣлаютъ такія же тонкія различія, какъ Французы между j'avais и j'eûs и т. д. Эти тонкости мѣшаютъ иностранцу скоро выучиться правильно писать и говорить, но пониманіе языка онѣ не очень затрудняютъ.

Теперь примѣръ всѣхъ 4 пріемовъ. Возьмемъ русское слово *всемилостивѣйшему*. а. Корень *мил*, mild во всѣхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ; безспорно также греческое meil въ словахъ meilia, meilichia и проч.; латинскаго mollis я не хочу привлекать сюда: только кто станетъ оспаривать меня единственно на томъ основаніи, что въ одномъ словѣ *o*, а въ другомъ *i*, тому я скажу, что онъ въ этихъ вещахъ азбуки не знаетъ. — б. Словообразованіе: отъ *мил.* происходитъ существительное мил-*ость*; отсюда прилагательное милост-*ив* (какъ по-латыни adject-iv-um). — в. Разложеніе: *все* отъ *весь*, греч. pas. — г. Флексія: ѣй-шему: *ѣйшій*, правильное окончаніе превосходной степени (s вездѣ признакъ превосходной степени: лат. clementiSSimus, греч. cratiStos); *ему* — дательный единственнаго

мужескаго рода (точно такъ же нѣм. de-m, ih-m, древне-швед. herrano-m: нѣтъ ли въ греческомъ и древнемъ латинскомъ какого-нибудь слѣда этого дательнаго на М?) (*Шлёцеръ*).

10. Избраніе Годунова въ цари, 1598.

Въ девятый день по кончинѣ царя *) объявили торжественно, что Ирина **) отказывается отъ царства.

Въ тотъ же день она выѣхала изъ дворца кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ инокинь. Россія осталась безъ главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи.

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключился въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келліи монастырской твердою рукою держалъ царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, духовенство, чиновники и граждане собралися въ Кремлѣ, гдѣ государственный дьякъ и печатникъ, Василій Щелкаловъ, вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами царства, и что народъ долженъ присягнуть боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ отвѣтомъ было: „и такъ да царствуетъ братъ ея!“ Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолвствовать: всѣ восклицали: „да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!“ Немедленно, *всѣмъ соборомъ*, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ монахиню Александру благословить ея брата на царство.

Такъ совершилось желаніе властолюбца!.... Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринулъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; *клялся*, что никогда, рожденный

*) Ѳеодора Іоанновича.

**) Вдова царя Ѳеодора Іоанновича.

вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела, его отца и благотворителя; говорилъ, что въ Россіи много князей и бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ; но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о государствѣ еще ревностнѣе прежняго. На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, патріархъ отвѣтствовалъ такою же, и весьма плодовитою; убѣждалъ, требовалъ и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующіе — ни предъ лицомъ народа, ни безъ свидѣтелей, ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но патріархъ и бояре еще не теряли надежды: ждали *Великаго Собора*, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Ѳеодора; то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, купцамъ, мѣщанамъ. Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клевретовъ: сей видъ единогласнаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія?

Въ пятницу, 17 февраля, открылась въ Кремлѣ Дума земская или государственный соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго духовенства, синклита, двора, не менѣе пяти сотъ чиновниковъ и людей выборныхъ.

Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: „Россія, тоскуя безъ царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости собора. Вы, святители, архимандриты, игумены; вы, бояре, дворяне, люди приказные, дѣти боярскіе и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всей земли Русской! объясните намъ мысль свою и дайте совѣтъ, кому быть у насъ государемъ. Мы же, свидѣтели преставленія Царя и Великаго князя Ѳеодора Іоанновича, думаемъ, что намъ мимо Бориса Ѳеодоровича не должно искать другаго самодержца“. Тогда все духовенство, *бояре, воинство и народъ* единогласно отвѣтствовали: „нашъ совѣтъ и желаніе то же: немедленно бить челомъ Государю Борису Ѳеодоровичу, и мимо его

не искать другаго властителя для Россіи". Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ.

Въ слѣдующій день, февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, духовенство, синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы Правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дня, и февраля 20, Іовъ, святители, вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россіею. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Ѳеодорова трона ужасаютъ его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли—и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ боярами уставили пѣть, 21 февраля, во всѣхъ церквахъ *праздничный молебенъ*, и съ обрядами торжественными, съ святынею вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденія и плача надъ сердцемъ Борисовымъ.

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовились къ великому дѣйствію — и на разсвѣтѣ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и домы отворились: духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святыя знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ и воинство, приказы, *выборы* городовъ; за ними устремились и всѣ жители московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти къ Новодѣвичьему монастырю. Соборомъ отпѣвъ литургію, патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келліи царицы: тамъ со всѣми святителями и вельможами преклонивъ главу до земли... и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей въ келліяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря упало на колѣна, съ воплемъ *неслыханнымъ:* всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. Искренность побѣждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! Патріархъ, рыдая, заклиналъ царицу долго, неот-

ступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя предъ нею стояли,— именемъ Христа Спасителя, церкви, Россіи, дать милліонамъ православныхъ *государя благонадежнаго*, ея великаго брата.... Наконецъ услышали слово милости; глаза царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами; печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, она дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но оно еще изъявлялъ нехотѣніе; страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его; просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзалъ возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единственно жить при ней и смотрѣть на ея лицо ангельское. Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: „Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа". Святители, вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и царицу, патріархъ спѣшилъ возвѣстить дворянамъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога; плакали, обнимали другъ друга. Отъ келлій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: *слава!... слава!..* Окруженный вельможами, тѣснимый, лобзаемый народомъ, Борисъ въ слѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на государство московское и всея Россіи; нарекъ царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

(26 февраля, Борисъ въѣхалъ въ столицу; былъ встрѣченъ торжественно, отстоялъ молебенъ въ храмѣ Успенія (гдѣ патріархъ вторично благословилъ его на царство) и возвратился снова въ Новодѣвичій монастырь, сказавъ Іову и епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирину въ ея скорби).

Святители, вельможи тщетно убѣждали царя оставить печальную для него обитель, переселиться съ супругою и съ дѣтьми въ кремлевскія палаты, явить себя народу въ вѣнцѣ и на тронѣ: Борисъ отвѣтствовалъ: „не могу разлучиться съ великою госу-

дарынею, моею сестрою злосчастною"—и даже снова, неутомимый въ лицемѣріи, увѣрялъ, что не желаетъ быть царемъ. Но Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе государю!

Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ России въ ея исторіи. Въ часъ утра духовенство съ крестами и съ иконами, синклитъ, дворъ, приказы, воинство, всѣ граждане ждали царя у каменнаго мосту, близь церкви св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, ангеловъ красотою. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми, какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ патріархъ возложилъ ему на грудь животворящій крестъ св. Петра митрополита (что было уже началомъ царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на великое государство московское. Отслушавъ литургію, новый самодержецъ, провожаемый боярами, обходилъ всѣ главныя церкви кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію, вступилъ съ супругою въ палаты царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ патріарха до нищаго. (*Карамзинъ*).

11. Избраніе Годунова въ цари.

(*Первыя четыре сцены изъ Бориса Годунова, Пушкина*).

1. КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 г., 20 февраля).

Князь Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій. Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патріархомъ

Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій. Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротынскій. Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни Патріархъ, ни Думные Бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу Великаго Собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій. Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Полно, точно-ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій. А кто же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій. Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій. Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ

Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый,
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій. Нечисто, князь.

Шуйскій. А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Θеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова;
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій. Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій. Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха....

Воротынскій. Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

Шуйскій. Да, кажется.

Воротынскій. Вѣдь Шуйскій, Воротынскій....
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій. Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій. А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Θеодору.

Шуйскій. Да болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій. Что же?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;

Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно—пусть
Себѣ въ цари любаго изберутъ.

Воротынскій. Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

Шуйскій. (*глядитъ въ окно*). Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы.... Но
полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

2. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

Одинъ. Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой. О, Боже мой, кто будетъ нами править?
О, горе намъ!

Третій. Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

Народъ. Молчать! молчать! Дьякъ Думный говоритъ;
Ш-ш—слушайте!

Щелкановъ. (*съ Краснаго крыльца*). Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвою
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,

Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(*Народъ расходится*).

3. ДѢВИЧЬЕ-ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ. Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и Патріархъ
Съ толпой бояръ.

Другой. Что слышно?

Третій. Все еще
Упрямится: однако есть надежда.

Баба. (*съ ребенкомъ*). Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

Одинъ. Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой. Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый. Право, любо!

Одинъ. Что тамъ за шумъ?

Другой. Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣна!

Народъ. (*На колѣнахъ; вой и плачъ*). Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ!
Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ. (*тихо*). О чемъ тамъ плачутъ?

Другой. А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре—
Не намъ чета.

Баба. (*съ ребенкомъ*). Ну что жъ? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, баловень! (*ребенокъ плачетъ*). Ну то-то же!

Одинъ. Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой. Да слезъ-то нѣтъ.
Что тамъ еще?

Первый. Да кто ихъ разберетъ?

Народъ. Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!...
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

4. КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Патріархъ, бояре.

Борисъ. Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и ангелу царю...
О, праведникъ, о, мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Неизбранный еще народной волей.

Бояре. Не измѣнимъ присягѣ нами данной.

Борисъ. Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.
(*Уходитъ, за нимъ и бояре*).

Князь Воротынскій, *останавливая Шуйскаго.* Ты угадалъ.

Шуйскій. А что?

Воротынскій. Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій. Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій. Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

Шуйскій. Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ—народъ привѣтствуетъ царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

Воротынскій. Лукавый царедворецъ!

(*Пушкинъ*).

12. Древній русскій лѣтописецъ.

(*Извлеченіе изъ сочиненія М. И. Сухомлинова*).

Желаніе и нужда отмѣчать событія, кажущіяся почему-либо важными, весьма естественны для человѣка, на какой-бы степени образованія онъ ни находился. Поэтому краткія указанія замѣчательнѣйшихъ происшествій, первообразъ лѣтописей, принадлежатъ у многихъ народовъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ письменности. Въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтописныя указанія представляютъ не чѣмъ инымъ, какъ календарными замѣтками. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе достоинства, изъ календарныхъ замѣтокъ становятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находится единство внѣшнее и единство внутреннее. Первое состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго всѣми вообще лѣтописцами и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Я говорю о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ тому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: „Се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *Русская зем-*

ля, и кто въ ней нача первое княжити". Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба Русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Предъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу Славянахъ: Моравахъ, Чехахъ, Сербахъ и др.; затѣмъ о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа русскаго: Полянахъ, Древлянахъ, Новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большою точностью безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ.

Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его *походы*: двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ—Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ Греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на Грековъ, и договорѣ съ ними и войнѣ Игоря съ Древлянами. Вся исторія Святослава есть *исторія походовъ* на Козаръ, Ясовъ, Печенѣговъ, Грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава открываются *междоусобія* сыновей его, и т. д.

Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи съ сказаніями о борьбѣ внутренней, выдержанной *подвижниками* противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о Варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ.

Дѣйствія силы высшей прежде всего обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу. Мѣстомъ священнымъ также почитаемы были монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи *церквей* и учрежденіи *монастырей*.

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ древности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Олегѣ, Владимірѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошедшее, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтическій колоритъ приданъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель.

Въ ряду описаній болѣе или менѣе пространныхъ, составленныхъ по преданію и по другимъ источникамъ, встрѣчаются въ лѣтописи *и замѣтки краткія* — о знаменіяхъ, о разливѣ рѣкъ, о саранчѣ, и т. п.

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія и о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ *отзывы*, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ.

Несмотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, несмотря на краткость и какъ бы случайность многихъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе — изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности.

Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей древней лѣтописи.

Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка. Рѣ-

шимость русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: „*вложи Богъ* мысль добру въ русскые князи“. Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: „Богъ великій вложи ужасть велику въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица русьскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ: наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ“. Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія: „се бо на ны Богъ попусти поганымъ — говоритъ лѣтописецъ — не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ: симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да нѣколи смирившеся вспомянемся отъ злаго пути своего“.

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое: „*знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро*“ — говоритъ лѣтописецъ.

Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказъ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянску, *ея же крове взыщетъ Богъ отъ руку ею*, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьяньскы“. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему и встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига.

Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага Русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ Русскихъ вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія: „си бысть предътекущія крестьянстѣй земли аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ“. При Владимірѣ вся земля Русская просвѣщена христіанскою вѣрою; оставалось укрѣпить вѣру въ новообращенномъ народѣ, что возможно было только посредствомъ образованія, и преемникъ Владиміра святаго, Ярославъ, заботился о просвѣщеніи своего народа учені-

емъ книжнымъ. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго.

Чувство лѣтописца, какъ бы сильно оно ни было, никогда не переступаетъ мѣры справедливости, не переходитъ въ пристрастіе. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Предметъ, возбуждающій живѣйшее сочувствіе нашего лѣтописца, есть отечество — земля Русская, о которой говоритъ онъ съ постояннымъ участіемъ; но это участіе обнаруживается само-собою, въ содержаніи и тонѣ разсказа, какъ о временахъ ея славы, такъ и о годинѣ бѣдствій, коихъ лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ. Съ прискорбіемъ описываетъ онъ несчастія, наносимыя Русской землѣ Половцами и внутренними раздорами, и даетъ названіе „мужей смысленныхъ" тѣмъ, которые призывали князей къ единодушію и къ дѣятельнымъ мѣрамъ противъ враговъ. Но и сама земля Русская, священная для лѣтописца, не изображается имъ въ свѣтѣ ложномъ, съ украшеніями, скрывающими истину. Первый приводимый въ лѣтописи отзывъ о Русской землѣ чуждъ всякаго пристрастія; нельзя не признать искренности въ писателѣ, передавшемъ потомству достопамятныя слова: „Рѣша Руси Чудь, Словене и Кривичи: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ". Иначе поступали другіе лѣтописцы; они старались осыпать свое отечество, въ особенности при первомъ извѣстіи о немъ, похвалами преувеличенными и искусственными. Козьма Пражскій говоритъ, что Богему, основателю Богеміи, стоило большаго труда найти удобное мѣсто для жительства; послѣ долгихъ странствованій онъ открылъ наконецъ счастливую землю, лучше которой нельзя отыскать на всемъ земномъ шарѣ.

Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества лѣтописи Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ *ровности изложенія*: у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но за то она исполнена

внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли.

Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія.

13. Русскій Лѣтописецъ.

(*Пятая сцена изъ Бориса Годунова, драмы Пушкина*).

Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*). Еще одно, послѣднее сказанье —

И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давноль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море — океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Не много лицъ мнѣ память сохранила,
Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій. (*пробуждается*). Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? въ третій разъ!

Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой

Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ, и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. Проснулся, братъ.

Григорій. Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ. Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій. Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудо ли?

Пименъ. Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій. Какъ весело провелъ свою ты младость!

Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келліямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
За чѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ. Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ —
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ:
„Предстану здѣсь алкающій спасенья;
„Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
„Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
„Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
„И схиму здѣсь честную восприму,

„Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши“.
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій. Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. Охъ, помню.
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,

А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу — мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда — Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“ народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій. Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ. Да лѣтъ семи: ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду.... Но звонятъ
Къ заутренѣ.... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.... Подай костыль, Григорій. (*Уходитъ*).

Григорій. Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

14. Блестящее властвованіе Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли

Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался-ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія: она была на высшей степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнилъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ, *любила* своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ?

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной: благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ; не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицомъ монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ и, недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ

здравіи „слуги Божія, царя Всевышнимъ избраннаго и превоз-„несеннаго, самодержца всея восточныя страны и сѣверной; о „царицѣ и дѣтяхъ ихъ, о благоденствіи и тишинѣ отечества и „церкви подъ скипетромъ единаго христіанскаго вѣнценосца „въ мірѣ, чтобы всѣ иные властители передъ нимъ уклонялись „и *рабски служили ему*, величая имя его отъ моря до моря и „до конца вселенныя, чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ „славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина му-„дрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы „всѣ земли трепетали меча нашего, а земля русская непрестан-„но высилась и расширялась; чтобы юныя цвѣтущія вѣтви Бо-„рисова дому возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерыв-„но осѣняли оную до скончанія вѣковъ!“ То есть: святое дѣй-ствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать передъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если пу-темъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и бла-женство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступ-ника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣ-нія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы ви-дѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ: ибо есте-ственно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы, возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ, сонму гнусныхъ измѣнниковъ.

(*Карамзинъ*).

15. Блестящее властвованіе Годунова.

(*Седьмая сцена изъ Бориса Годунова, Пушкина*).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1603).

Два стольника.

Первый. Гдѣ Государь?

Второй. Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый. Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ.

Второй. Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый. Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

Царь *входитъ*. Достигъ я высшей власти:
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая.
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали! [1])
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;

Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали! [2])
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня — несчастнаго отца! [3])
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, опа восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

---

1) Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность, заботливость, щедрость необыкновенную, но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ къ нему остылыхъ.—Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно, такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло, и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ,—но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близь деревянной стѣны московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копѣйку... Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ—мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ царство: „Изливая на бѣдныхъ щедроты"—говорятъ лѣтописцы —

„онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ, и древнія сокровища царскія осквернивъ добычею грабежа". (*Карамзинъ И. Г. Р.* т. XI. гл. II.)

[2]) Намекъ на пожаръ, бывшій въ Москвѣ въ 1591 г., еще при жизни царя Ѳеодора Іоанновича. См. Карамзина И. Г. Р. т. X, гл. 2-я: „Граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѳеодора (онъ былъ тогда на богомольѣ въ Троицкой Лаврѣ), требовать его милости и помощи: Борисъ не допустилъ ихъ до царя; явился между ими съ видомъ любви и сожалѣнія, всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщаемое: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты; оказывалъ щедрость безпримѣрную... Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ Лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ?"

[3]) „Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной царевны между европейскими принцами державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего дома въ глазахъ бояръ и князей россійскихъ, которые еще недавно видѣли Годуновыхъ ниже себя: сей нѣжный родитель и хитрый политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ... Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую. Тамъ, въ обители тишины и святости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми девять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія, да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоанномъ. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане—о чемъ молились родители и невѣста,—то не было угодно Провидѣнію... На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 октября, въ селѣ Братовщинѣ Государь узналъ о внезапной болѣзни жениха... Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 октября посѣтилъ Іоанна юный Ѳеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархами и боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; говорилъ: „Юноша несчастный! ты оставилъ мать, родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы умереть безвременно". Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 400 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ; но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни... Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшась оставить въ немъ совмѣстника для юнаго Ѳеодора; что медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излѣчить больнаго?" (*Карамзинъ И. Г. Р.* т. XI. гл. I.)

16. Примѣры періодовъ простыхъ.

Помыслите, сколькими трудами основанную державу, какою доблестію утвержденную самобытность, какимъ небеснымъ милосердіемъ возвеличенное и возвышенное благоденствіе одна ночь почти разрушила. *) (*Цицеронъ*).

*) Cogitate, quantis laboribus fundatum imperium, quanta virtute stabilitam libertatem, quanta deorum benignitate auctas exaggeratasque fortunas, una nox paene delerit (Or. contra Catil. IV).

Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ своихъ ближнихъ — есть столь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣкъ неизгладимо пребудетъ и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ и превознося великую благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны! (*Ломоносовъ*).

17. Примѣры періодовъ сложныхъ.

Винословный (causalis).

Четырехъ членный. Славяне издревле упражнялись въ хлѣбопашествѣ (*1 членъ*); оно вывело ихъ, — можетъ быть еще за нѣсколько вѣковъ до рождества Христова, — изъ дикаго, кочеваго состоянія (*2 членъ*); *ибо* сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской (*3 членъ*); вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и наконецъ самую любовь къ отечеству (*4-й членъ*). (*Карамзинъ*).

Трехъ-членный. И Екатерина на тронѣ! Уже на безсмертномъ мраморѣ исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его вамъ.

(*Карамзинъ*).

Сравнительный (comparativa).

Четырехъ-членный. Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу и военную славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. (*Батюшковъ*).

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу россійскаго дворянства тремя именами славы; Римъ имѣлъ Сципіоновъ Азіятскихъ, Африканскихъ; Екатерина воскресила сію награду, достойную ея величія; и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго. (*Карамзинъ*).

Трехъ-членный. Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа; она была добродѣтелію нашихъ предковъ: *такимъ образомъ* одно слово любимаго вождя: „Станемъ крѣпко, не посрамимъ земли русскія" вселяло въ нихъ рѣшимость побѣдить, или пасть на полѣ чести. (*Карамзинъ*).

Уступительный (p. concessiva).

Трехъ-членный. *Хотя* Анастасія, воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, увидѣла себя какъ-бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ пренесенную на ѳеатръ мірскаго величія: *однако* не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами; и, все относя къ Богу, поклонялась ему и въ царскихъ чертогахъ также усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. (*Карамзинъ*).

Дву-членный. Хотя человѣку ничего нельзя желать болѣе благополучной, ровной и постоянной судьбы, при теченіи жизни счастливомъ, безмятежномъ: однако, если бы мои обстоятельства были спокойны и мирны, я былъ бы лишенъ невѣроятнаго и божественнаго наслажденія радости, которую, по вашей благости, нынѣ вкушаю. *) (*Цицеронъ*).

Условный (p. conditionalis).

Четырехъ-членный. *Если* глаза мои, обращаясь на всѣ концы вашего града, видятъ повсюду златые кресты великолѣпныхъ храмовъ святой вѣры; *если* шумъ Волхова напоминаетъ вамъ тотъ великій день, въ который знаки идолослуженія погибли съ шумомъ въ быстрыхъ волнахъ его: *то* вспомните, что Владиміръ соорудилъ здѣсь первый храмъ истинному Богу; Владиміръ низвергнулъ Перуна въ пучину Волхова. (*Карамзинъ*).

Дву-членный. *Если бы* въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою всемилостивѣйшія государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ея на всероссійскій

---

*) Etsi homini nihil est magis optandum, quam prospera, aequabilis perpetuaque fortuna, secundo vitae, sine ulla offensione, cursu: tamen, si mihi tranquilla et pacata omnia fuissent, incredibili quadam et paene divina, qua nunc vestro beneficio fruor, laetitiae voluptate caruissem.

престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! (*Ломоносовъ*).

Противоположительный (adversativa).

Четырехъ-членный. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою хвалою; она нѣма, когда не изъясняетъ своего предмета: *но* самолюбіе нѣжное требуетъ хвалы краснорѣчивой; она краснорѣчива, когда изображаетъ хвалимое. (*Карамзинъ*).

Русскіе гибнутъ; Новгородцы богатѣютъ: Русскіе считаютъ язвы свои; Новгородцы считаютъ золотыя монеты. (*Карамзинъ*).

Дву-членный. Юноша, волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаетъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду. (*Карамзинъ*).

Обозрѣвая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человѣческаго, драгоцѣнныя сокровища краснорѣчія и стихотворства, я съ горестію сознаю и чувствую слабость силъ и маловажныхъ занятій моихъ: но утѣшаюсь мыслію, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли словесности могутъ быть полезны языку нашему. (*Батюшковъ*).

Соединительный (p. copulativa).

Дву-членный. Желая уподобиться во всемъ великому Іоанну III, желая, по его собственному слову, быть царемъ правды, Іоаннъ IV, *не только* острилъ мечъ на враговъ иноплеменныхъ; *но* въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ не многіе вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу — законодательствомъ. (*Карамзинъ*).

Раздѣлительный (p. disjunctiva).

Четырехъ-членный. Государство, оставивъ Бога, можетъ быть нѣкоторое время оставлено себѣ, по закону долготерпѣнія: *или* въ ожиданіи его исправленія; *или* въ орудіе наказанія для другихъ, *или* до исполненія мѣры его беззаконій. (*Филаретъ*).

Послѣдовательный (p. consecutiva).

Четырехъ-членный. *Когда* зима останавливала рѣки, разсыпая иней и снѣга; *когда* воды превращались въ ледъ, и море являло видъ безмѣрной снѣжной пустыни: *тогда* дикія чада сѣвера выходили изъ логовищей своихъ, и пролагали путь по морямъ гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. (*Батюшковъ*).

Относительный (p. relativa).

Четырехъ-членный. *Туда, гдѣ* рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ Дунай; *туда, гдѣ* великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира: *туда* геній Екатерины привелъ Румянцева, и поставилъ его между врагами безчисленными. (*Карамзинъ*).

Изъяснительный (p. explanativa).

Трехъ-членный. Сильная мысль, истинная красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и наполняютъ ее чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ: *такъ, что* она въ сіи счастливыя минуты забываетъ вовсе иное земное счастіе. (*Карамзинъ*).

18. Примѣры періодовъ продолженныхъ.

(periodicon).

Пяти-членный. Сей вѣнецъ на главѣ твоей есть слава наша — но твой подвигъ; сей скипетръ есть нашъ покой—но твое бдѣніе; сія держава есть наша безопасность — но твое попеченіе; сія порфира есть наше огражденіе — но твое ополченіе: вся сія утварь царская есть намъ утѣшенье—тебѣ бремя. (*Платонъ*).

Семи-членный. Уже орлы наши парили подъ небесами востока; уже крылатая молва несла въ страны великаго Могола имя

россійской монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то опускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *вратъ Каспійскихъ*; уже *стѣна Кавказская*, памятникъ величія древнихъ монарховъ Персіи, разступилась передъ онымъ; уже смѣлый вождь его принялъ серебряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручалъ ихъ Петру Великому; и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами Екатерины: когда всемогущая судьба пресѣкла дни монархини и теченіе побѣдъ ея. (*Карамзинъ*).

19. Примѣры періодовъ смѣшанныхъ.

(p. multiformis, mixta).

Если бы Петръ родился государемъ какого-нибудь острова, уединеннаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами; то онъ въ природномъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ: *но* рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже искусства и науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи ума человѣческаго, *и* сказать намъ: смотрите, сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ. *) (*Карамзинъ*).

20. Гусь.

У одного гуся были перья снѣжной бѣлизны. Гордясь этимъ ослѣпительнымъ подаркомъ природы, онъ думалъ, что родился скорѣе лебедемъ, нежели тѣмъ, чѣмъ былъ. Онъ отдѣлился отъ подобныхъ себѣ и плавалъ одиноко и величественно по озеру. Онъ то вытягивалъ шею, желая всѣми силами скрыть ея предательскую короткость; то старался придать ей красивый изгибъ, который дѣлаетъ лебедя истинною красою птицъ. Но все было напрасно; въ его шеѣ не было гибкости, и всѣми своими стараніями онъ достигъ только того, что сталъ смѣшнымъ гусемъ, а лебедемъ не сдѣлался. (*Лессингъ*).

---

*) Этотъ періодъ состоитъ изъ частей *условнаго*; *противоположнаго и соединительнаго*.

21. Дикая яблоня.

Въ пустое дупло дикой яблони засѣлъ рой пчелъ. Онѣ наполнили его своимъ медомъ, и дерево такъ возгордилось этимъ, что стало презирать всѣ другія деревья.

Тогда розовый кустъ сказалъ ему: что ты гордишься заемною сладостью? Развѣ твои плоды перестали отъ этого быть по прежнему жесткими? Нѣтъ, въ нихъ внеси медъ — и тогда человѣкъ станетъ благословлять тебя. (*Лессингъ*).

22. Павлинъ и пѣтухъ.

Однажды павлинъ говорилъ насѣдкѣ: „Посмотри, какъ высокомѣрно выступаетъ твой пѣтухъ! И однакожъ люди не говорятъ: гордый пѣтухъ; а все только: „гордый павлинъ".

— Это отъ того, отвѣчала насѣдка, что справедливой гордости люди не замѣчаютъ. Пѣтухъ гордится своею неусыпностью, своимъ мужествомъ; а ты чѣмъ?—красками да перьями!

(*Лессингъ*).

23. Благодѣянія.

„Есть ли у тебя животное благодѣтельнѣе насъ?" спросила пчела у человѣка.

— Какъ же, есть! отвѣчалъ тотъ.

„Кто же?"

— Да овца! Ея шерсть мнѣ необходима, тогда какъ твой медъ для меня только пріятенъ.

Хочешь знать еще основаніе, почему я считаю овцу большею благодѣтельницею, нежели тебя, пчела? — Овца даритъ мнѣ свою шерсть безъ малѣйшаго затрудненія; а когда ты даришь мнѣ свой медъ, я всегда долженъ бояться твоего жала.

(*Лессингъ*).

24. Орелъ.

Орла спросили: „Зачѣмъ ты воспитываешь своихъ дѣтенышей на такой высотѣ?"

— Могли ли бы они, выросши, такъ смѣло подниматься къ солнцу, если бъ я ихъ воспитывалъ слишкомъ близко къ землѣ? отвѣчалъ орелъ. (*Лессингъ*).

25. Солнце.

„Неужели тебѣ не досадно", спросили однажды у солнца: „что, при неизмѣримой величинѣ своей, ты кажешься людямъ не больше какъ съ пядень?"

— Мнѣ досадовать на это! отвѣчало Солнце. Да что такое люди! И кто тѣ, которые такъ думаютъ? Слѣпые червяки! — Довольно и того, что меня лучше знаютъ тѣ, которые ищутъ истины путемъ науки и умѣютъ отличать то, что есть, отъ того, что кажется. (*Лессингъ*).

26. Мартышка и Очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ,—
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу, пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ;
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ,
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ. (*Крыловъ*).

27. Пѣтухъ и Жемчужное Зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное Зерно,
И говоритъ: „Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно“.

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.
(*Крыловъ*).

28. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: „послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье".
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался;
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада;
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно, говоритъ: сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно.
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился".
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и—полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей. (*Крыловъ*).

29. Квартетъ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!" кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,

Я — прима — сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали Квартетъ:
Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ",
Кричитъ Оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ".
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ,
А все Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
„Пожалуй, говорятъ, возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть".
— „Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй",
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь!" (*Крыловъ*).

30. Прудъ и Рѣка.

„Что это", говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ:
„Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ?
Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки, —
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты бросишь?
Я, право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ!
Конечно, я не знатенъ;
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ:
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой-нибудь гуслистъ;
Да это, право, все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ.
Не только что судовъ,
Или плотовъ

Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я, каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ".
„А философствуя, ты помнишь ли законъ",
Рѣка на это отвѣчаетъ:
„Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это отъ того, что, кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
За то по всякой годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу; —
И буду, можетъ быть, еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь".
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ;
А бѣдный Прудъ годъ отъ году все глохъ;
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И наконецъ совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

(*Крыловъ*).

31. Орелъ и Пчела.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной:
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка,
Со всей твоей работой и умѣньемъ!

Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ!
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты:
Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?..
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду!
Какая разница межъ нами!
Когда, расширяся шумящими крылами,
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ,
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться".
Пчела отвѣтствуетъ:—„Тебѣ хвала и честь!
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты:
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу своей работы;
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть".

(*Крыловъ*).

32. Лиственный лѣсъ и хвойный.

(*Планъ для сочиненія, По Холевіусу*).

Введеніе. Во время сельской прогулки насъ радуетъ видъ вольной природы и мы забываемъ, что большая часть того, на что обращается нашъ взоръ, не свободная первобытная природа. Фруктовые сады и огороды; пашни;—каналы и плотины. Даже луга часто засѣваются облагороженною травою. Одни только лѣса, да и то самые большіе, развиваются еще на свободѣ: топоръ и межевой снурокъ можетъ лишь на небольшомъ пространствѣ стереть печать свободной природы. Но и здѣсь различныя породы деревьевъ распадаются на отдѣльныя группы, повинуясь закону природы, подобно тому какъ рука человѣка каждому растенію назначаетъ особое мѣсто. Конечно, бываютъ также смѣшанные лѣса, потому что причины, обусловливающія прозябаніе того или другаго вида деревьевъ, могутъ встрѣчаться на одномъ и томъ же пространствѣ.

Тема. *Лиственный и хвойный лѣсъ и свойственныя каждому особенности.*

1. Мѣстоположеніе и почва. Лиственные лѣса любятъ сочную почву долинъ. Веселые ручейки и рѣчки изрѣзы-

ваютъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Хвойные лѣса довольствуются сухимъ песчанымъ грунтомъ. Они лѣпятся также по хребтамъ горъ. Снѣгъ и дожди даютъ начало бѣшенымъ горнымъ потокамъ, которые по глубоко-изрытымъ лощинамъ, не напояя лѣса, падаютъ съ террасы на террасу.

2. Деревья. Въ лиственномъ лѣсу стволы раздѣляются на множество сучьевъ и вѣтвей, которыя, то свѣшиваясь внизъ, то подымаясь къ верху, образуютъ куполъ или вершину. Листья самой разнообразной формы, оттѣненные различными переливами зелени. Стволы различныхъ породъ не одинаковой вышины и силы: кора у иныхъ жестче, у другихъ нѣжнѣе, и всегда окрашена иначе. Хвойное дерево развито гораздо меньше, недостатокъ внутренней жизни заставилъ его остановиться на полдорогѣ. Стволы торчатъ наподобіе копій; сучья, постепенно съуживаясь, образуютъ пирамиду. Часто стволъ совершенно обнаженъ и только верхушка украшена зеленымъ букетомъ. Жилки листа у деревьевъ первой породы напоминаютъ развѣтвленную вершину, а въ иглахъ хвойнаго дерева повторяется прямая линія ствола. Игла не имѣетъ сочной зелени листа, но за то она тверже и переживаетъ осень и зиму. Кора хвойныхъ деревьевъ еще болѣе увеличиваетъ ихъ однообразіе; она черна и суха, или же красновата и покрыта смолою.

3. Окрестная растительность. Сырость почвы, кучи сгнившихъ листьевъ, увеличивающихъ ея плодородіе, разстилаютъ подъ лиственными деревьями прекрасный травяной коверъ. По немъ разсыпано множество цвѣтовъ. Безчисленные кустарники покрываютъ пустыя пространства между стволами, тянутся вдоль по ручьямъ и одѣваютъ луга живописными группами. Трава въ хвойныхъ лѣсахъ попадается очень рѣдко. Лужайки поросли мхомъ и лишаями. Тамъ и сямъ выглядываютъ кусты вереска. Подъ деревьями лежитъ слой бурыхъ иголъ; смола не допускаетъ ихъ до гніенія. Кустарниковъ не видно. Но и здѣсь много освѣжающихъ ягодъ. Ароматическій запахъ смолы.

4. Температура. Вслѣдствіе испареній почвы, травы и листьевъ въ лиственномъ лѣсу, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣдкія вершины свободно пропускаютъ солнечные лучи, воздухъ постоянно прохладенъ. Деревья, тѣснясь другъ подлѣ друга и сплетаясь своими вершинами, образуютъ пріятныя тѣнистыя убѣжища. Жаръ сверху надъ листьями и прохлада внизу подъ ними стремятся къ равновѣсію; вотъ почему между листьями

постоянно слышится шелестъ. Въ хвойномъ лѣсу лѣтнее солнце проникаетъ повсюду; воздухъ, и такъ уже сухой, становится въ немъ знойнымъ, удушливымъ. Въ лиственномъ лѣсу безпрестанно подуваетъ свѣжій вѣтерокъ, а въ хвойномъ все неподвижно, пока наконецъ не охватитъ его вѣтеръ извнѣ. Тогда трещатъ голые сучья, негибкія вершины стонутъ, не одинъ стволъ разлетается въ щепы, иногда даже цѣлыя деревья вырываются съ корнемъ. Въ глубокихъ ямахъ, которыя образовались на мѣстѣ вырванныхъ вѣтромъ или срубленныхъ деревьевъ, собираются красновато-бурыя иглы и еловыя шишки. Въ лиственномъ лѣсу буря не производитъ такого опустошенія, потому что деревья гнутся и вѣтеръ проносится надъ ними. Близкое сосѣдство также предохраняетъ ихъ отъ паденія и только немногія деревья, у которыхъ сердцевина почти совсѣмъ сгнила, не могутъ устоять отъ напора вѣтра.

5. Животныя. Пѣвчія птицы любятъ кусты и воду. Съ верхушки бука несется веселая пѣсня зяблика; съ липы, пріютившейся на берегу уединеннаго источника, до поздняго вечера слышится жалоба соловья. Серны и олени обгладываютъ нѣжныя вѣтви молодыхъ деревьевъ и грѣются на солнышкѣ на зеленыхъ лужайкахъ. Кабанъ нѣжится въ прохладныхъ болотахъ. Въ хвойномъ лѣсу, на вершинахъ деревьевъ гнѣздятся хищныя птицы, подстерегающія добычу. Болтливые дятлы долбятъ кору елей. Въ песчаной почвѣ лисицы и барсуки безъ особеннаго усилія прокапываютъ себѣ норы, откуда ночью отправляются на добычу. Муравейники, тысячи осъ, жуковъ и бабочекъ, которыя любятъ яркій свѣтъ, летаютъ вокругъ, блестя своими пестрыми красками, но они не поютъ. Вообще пѣніе слышится только изрѣдка, а чаще хриплый крикъ хищной птицы.

Заключеніе. Лиственный лѣсъ располагаетъ къ веселому настроенію духа; хвойный же, скорѣе, наводитъ грусть и уныніе.

33. Роскошь и комфортъ.

Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ это не правда? развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, не дорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и

рыбы не напасешься! Развѣ не безуміе отобѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Развѣ не глупость заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться? Венеціянскіе граждане (если только слово „граждане" не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это: но они сидѣли на жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили и ѣздили ощупью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли, хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ. Нѣтъ, тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь не долговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крезы не достигаютъ до Геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись безъ насыщенія, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ — нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ; она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, Испанію: ужъ кажется, трудно выдумать наряднѣе епанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства: комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрустированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ, или уже непремѣнно на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола оно довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться

обыкновеннаго стола, но за то онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни забросить судьба человѣка; и въ Африкѣ и на Сандвичевыхъ островахъ и на Норд-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы: мягкая говядина, молодая курица, старое вино; вездѣ онъ долженъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было то, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ у васъ я нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя. Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи; вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первый есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда, удовлетворяя, хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда Европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одежкѣ.

(*И. Гончаровъ*).

34. Скупость и расточительность.

Скупой собираетъ безъ цѣли; *расточитель* тратитъ безъ цѣли.

Скупой не пользуется своимъ богатствомъ; расточитель употребляетъ его безъ пользы.

Скупой можетъ всегда воротиться къ золотой срединѣ, когда только захочетъ; расточителю становится это тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе онъ отъ нея удаляется. Скупой можетъ, но рѣдко хочетъ этого; расточитель часто и желалъ бы, да ужъ не можетъ.

Одинъ наживаетъ себѣ враговъ; другой пріобрѣтаетъ друзей, которые хуже врага.

Одного мучитъ желаніе идти все дальше и дальше; другаго — раскаяніе, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко.

Скупость — корень всякаго зла; расточительность — дерево съ горькими плодами.

Скупаго ѣстъ забота, расточителя — истощеніе. Одинъ награждается страхомъ, другой — скукой.

Изъ расточителя въ юности нерѣдко выходитъ скупецъ подъ старость.

Очень часто богатство скупыхъ пріобрѣтателей достается такимъ наслѣдникамъ, которые расточаютъ его со смѣхомъ.

(*Изъ Гебеля*).

35. Море и пустыня.

(*Планъ для сочиненія, по Холевіусу*).

Введеніе. Не вся земная поверхность можетъ служить жилищемъ для людей. Ледники, первобытные лѣса, море, пустыня. Послѣднія два имѣютъ много общаго между собою; многія пустыни не что иное, какъ дно бывшихъ когда-то морей.

Тема. *Сходство моря и пустыни по общимъ ихъ свойствамъ и по опасности для путешественниковъ.*

1. Оба представляютъ собою безпредѣльныя, безплодныя и необитаемыя равнины. Названіе одного замѣняется другимъ: такъ море называется водяной пустыней, а пустыня — песчанымъ моремъ. Что для моря острова, то для пустыни оазисы.

2. На морѣ нѣтъ дорогъ: и корабль пустыни (верблюдъ) плыветъ по непроложенному пути. Фата моргана (марево) и тамъ и здѣсь обманываетъ путешественника близостью обитаемой земли.

3. Однообразіе путешествія. Тамъ человѣкъ не сходитъ съ корабля, здѣсь по цѣлымъ днямъ онъ остается на верблюдѣ, также страдая отъ морской болѣзни, вслѣдствіе его переваливающейся походки. Въ обоихъ случаяхъ путешественникъ отдѣленъ отъ всего остальнаго міра, постоянно одни и тѣ же спутники окружаютъ его. Зрѣлище величественное, но, оставаясь безъ всякаго измѣненія, наконецъ утомляетъ. Каждый новый день не что иное, какъ повтореніе всѣхъ предыдущихъ; вотъ почему всякое приключеніе, какъ то: охота на акулъ, или на гіенъ и тигра, составляетъ пріятный перерывъ въ однообразной жизни.

4. Недостатокъ въ свѣжихъ съѣстныхъ припасахъ. Скорбутъ —бичъ пустыни, какъ и моря. Опасность погибнуть отъ голода или жажды, когда настанетъ тишь или когда собьешься съ пути.

5. Какъ на морѣ, такъ и въ пустынѣ путешественнику угрожаютъ бури, хищныя животныя и разбойники.

Заключеніе. Море имѣетъ нѣкоторыя преимущества; главное изъ нихъ то, что благодаря удобству водянаго сообщенія оно соединяетъ населенныя страны, тогда какъ пустыня въ сущности раздѣляетъ ихъ.

36. Примѣры опредѣленій и раздѣленій.

а) Періодъ.

Изложеніе бываетъ или непрерывное, или періодически округленное. Непрерывнымъ называю я такое изложеніе, которое не имѣетъ въ себѣ законченности, пока не закончится предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Округленная же рѣчь есть рѣчь расчлененная на періоды. А періодомъ называю я такую форму выраженія, которая, сама по себѣ взятая, имѣетъ начало и конецъ, при легкообразномъ объемѣ. Такое изложеніе пріятно и удобно: пріятно, потому что съ каждымъ періодомъ слушатель (или читатель) получаетъ нѣчто законченное для своего разума; удобно, потому что легко запоминается, а запоминается легко потому, что періодическая рѣчь имѣетъ нѣкоторый размѣръ (ритмъ), а это самое лучшее подспорье для памяти. (Почему всякій легче запоминаетъ стихи, нежели прозу? — потому, что въ нихъ есть извѣстный метръ, по которому они размѣрены). — Періодъ бываетъ или членораздѣльный, или простой. Членораздѣльное выраженіе мысли есть такое выраженіе, которое, будучи само въ себѣ законченнымъ цѣлымъ, разчленяется на извѣстныя части, смотря по своему полному объему, и тѣмъ даетъ возможность удобно переводить духъ. Каждая часть періода есть членъ; а простымъ называю я такой періодъ, который состоитъ только изъ одного члена. (*Аристотель*).

Періодъ есть совокупность (systema) членовъ или стройныхъ частей, приспособленная къ подлежащей мысли.

(*Димитрій Фалерскій*).

Когда соединимъ нѣсколько сложныхъ, распространенныхъ предложеній въ одно цѣлое такъ, что между начальными и заключительными предложеніями будетъ существовать явное равновѣсіе относительно объема, послѣдовательности отдѣльныхъ частей и даже относительно ритма, то получимъ періодъ, circuitus,

ambitus, orbis verborum, т. е. разнообразіе мыслей, соединенныхъ въ одно цѣлое. (*Гейнзіусъ*).

Періодъ есть выраженіе умозаключенія.
(*Чтен. о слов. Давыдова*).

Періодомъ называется полное выраженіе мысли во всѣхъ частяхъ ея, однимъ ли логическимъ предложеніемъ, или сочетаніемъ нѣсколькихъ предложеній въ одно цѣлое. (*Филоновъ*).

b) История.

Исторія занимается повѣствованіемъ о судьбѣ государствъ, относительно какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ ихъ отношеній.

Исторія есть систематическое собраніе фактовъ, посредствомъ которыхъ основательно узнать можно настоящее столь многообразное состояніе земли и человѣческаго рода.

Исторія есть знаніе о существованіи и особыхъ свойствахъ существующихъ вещей, преимущественно же знаніе бывшихъ съ ними перемѣнъ, случившихся дѣйствій и происшествій, сопряженное съ изслѣдованіемъ повода совершенія и слѣдствій.

Исторія есть сознаніе вселенной, или органъ, посредствомъ коего она выражается.

Исторія есть знаніе случившихся происшествій.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ; главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

c) Басня.

Басня есть истина, замаскированная подъ аллегоріей какого либо дѣйствія. (*Деламоттъ*).

Басня есть небольшое стихотвореніе, которое содержитъ въ себѣ какое-либо правило, скрытое подъ аллегорическимъ образомъ. (*Ришé*).

Басня есть истина и наставленіе, переодѣтое въ удачную аллегорію подобнаго дѣйствія. (*Брейтингеръ*).

Басня есть разсказъ аллегорическаго дѣйствія. (*Баттё*).

Когда мы какое-либо общее нравственное положеніе сводимъ къ отдѣльному случаю, придаемъ этому случаю дѣйствительность

и сочиняемъ изъ него исторію, въ которой наглядно выражается это общее положеніе: то такой вымыслъ называется баснею.

(*Лессингъ*).

37. Поэтъ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы.... (*Пушкинъ*).

38. Поэзія.

У всякаго народа, полнаго силъ и жизни, есть два языка: прозаическій и поэтическій. Одинъ служитъ для обыденныхъ потребностей житейскихъ, другой дѣлаетъ слово высшимъ выраженіемъ духовнаго настроенія и чувства. Только въ поэтическомъ способѣ выраженія открывается все очарованіе того или другаго языка.

Другое основаніе, которое говоритъ за поэзію, заключается въ ея дѣйствіи на сердце. Она возникаетъ изъ гармоніи всей душевной жизни и потому укрѣпляетъ и расширяетъ въ насъ чутье къ истинно-высокому; она облагороживаетъ чувство, указывая въ конечномъ безконечное, въ земномъ божественное. Отзываясь на все, что отъ начала міра волновало духъ человѣческій горемъ и радостью, наслажденіемъ и страданіемъ, она своими живыми образами и тою формою, въ какую облекаетъ она идеи, дѣйствуетъ сильнѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій. (*Гуде*).

39. Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился:
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился.
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ —
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ;
И внялъ я неба содраганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ;
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ! И виждь, и внемли;
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей“. *(Пушкинъ)*.

40. О синонимахъ.

Одинъ и тотъ же предметъ, различными свойствами и дѣйствіями, можетъ производить на насъ различныя впечатлѣнія и потому называется различными словами; такъ напр. комната называется *горницею*, *свѣтлицею*, *покоемъ* и проч.

Различныя слова, по различнымъ впечатлѣніямъ или съ различныхъ точекъ зрѣнія означающія одинъ и тотъ же предметъ или одно и то же дѣйствіе или свойство предмета, именуются *синонимами*, или словами *подобозначащими*; каковы напр. слова *путь* и *дорога*, *трудъ* и *работа*, *прекрасный* и *прелестный*; *касаться* и *дотрогиваться*, *ожидать* и *надѣяться* и другія.

Когда, съ теченіемъ времени, въ значеніи словъ общія понятія заступили мѣсто живыхъ впечатлѣній, тогда различныя слова, означающія одинъ и тотъ же предметъ, т. е. синонимы, были перенесены отъ впечатлѣній къ понятіямъ. Потому отдѣляя другъ отъ друга синонимы, или слова подобозначащія, мы отдѣляемъ уже не впечатлѣнія, а понятія одно отъ другаго; напр. съ реченіемъ *трудъ* мы соединяемъ понятіе объ усиліи; съ реченіемъ *работа* понятіе о производствѣ самаго дѣла.

Смѣшеніе синонимовъ въ употребленіи одного на мѣсто другаго, принадлежитъ позднѣйшему періоду языка, когда живое впечатлѣніе уступило мѣсто понятію и когда, слѣдовательно, различныя точки зрѣнія на предметъ, выражаемыя синонимами, были подведены подъ общія понятія о самомъ предметѣ. Напр., не обращая вниманія на то, что прилагат. *прекрасный* означаетъ превосходную степень отъ слова *красный* (т. е. хорошій) и что прилагат. *прелестный* происходитъ отъ глаг. *прельстить* (обмануть), эти реченія употребляемъ мы одно вмѣсто другаго на томъ основаніи, что подвели ихъ подъ одно общее понятіе о томъ, что нравится вообще.

Опредѣляя точный смыслъ каждаго синонима, мы не только достигаемъ точности въ уразумѣніи самаго понятія, словомъ выражаемаго, но и придаемъ отвлеченному понятію живость первоначальнаго впечатлѣнія.

Для точнаго опредѣленія синонимовъ, надлежитъ обращаться къ старинному народному языку, гдѣ съ большею ясностію высказывается происхожденіе и первоначальное значеніе словъ. Напр. синонимы: *трудъ* и *работа*, теперь опредѣляемые только по различнымъ понятіямъ, съ этими словами соединеннымъ, первоначально отличались весьма рѣзко, указывая на различныя впечатлѣнія, тѣмъ и другимъ словомъ выраженныя: слово *трудъ*, кромѣ нынѣшняго значенія, употреблялось въ смыслѣ бѣдствія, болѣзни, страданія; напр. „беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда". Псал. LIY, 11; слово же *работа* означало не только дѣло, но и рабство; напр. „работныя (т. е. взятыхъ въ рабство) свобождая". Ипат. лѣт. 219.

Примѣч. Изъ предыдущаго явствуетъ, что важнѣйшія средства отличать синонимы суть словопроизводство и исторія языка.

Авторитетъ образцовыхъ писателей только тогда можетъ быть убѣдителенъ пило езенъ для различенія синонимовъ, когда онъ основывается уже на вышеуказанныхъ началахъ.

Большая часть словъ одного значенія, взятыхъ изъ двухъ или нѣсколькихъ языковъ, состоятъ между собою въ синонимическомъ отношеніи, выражая различныя точки зрѣнія на предметъ, или различныя стороны одного и того же понятія. Такъ напр. *сомнѣваться*, нѣм. zweifeln и франц. douter, означаютъ одно и то же понятіе, но съ различными оттѣнками. Наше слово *сомнѣваться* происходитъ отъ глагола *мнѣть* или *мнить* — думать (откуда по-*минать*, па-*мять*, *мнѣніе* и проч.) съ предлогомъ *съ*, а нѣм. zweifeln и фр. douter выражаютъ представленіе о раздвоеніи, т. е. полагать на двое.

Примѣч. Нѣм. zweifeln происходитъ отъ zwei (два), а французское douter отъ лат. dubitare, а это послѣднее отъ duo (два).

Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

1. Слова русскія и церковно-славянскія, или русскія общеупотребительныя, книжныя и—народныя, областныя; напр. *лобъ* и *чело*, *глаза* и *очи*, *щеки* и *ланиты*, *шея* и *выя*, *недѣля* и *седьмица*, *отдохнуть* и *опочивать* и мн. друг.

2. Различныя формы одного и того же слова, или русскія, напр. *берегъ*, *вѣтеръ*, *золото*, *серебро*, *одежа* и друг., или соотвѣтствующія имъ церковно-славянскія: *брегъ*, *вѣтръ*, *злато*, *сребро*, *одежда* и друг.

Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи, какъ то:

а) Въ рѣчи книжной, витіеватой употребляются слова и формы церковно-славянскія, каковы: *брегъ*, *чело*, *глаголъ*, *усопшій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто-русскія, каковы *берегъ*, *лобъ*, *слово*, *умершій* и проч.

б) Въ разговорѣ, для означенія вѣжливости, употребляются нѣкоторыя особенныя слова, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, не придающихъ никакого оттѣнка. Напр. *кушать* и *ѣсть*, *почивать* и *спать*, *пожаловать* и *дать*, *изволить* и *хотѣть*, и др.

Примѣч. Въ противоположность этимъ вѣжливымъ выраженіямъ, нашъ языкъ имѣетъ и выраженія грубыя, таковы напр. различные синонимы глаголовъ *умереть*, *ѣсть*, *спать* и друг., употребляемые о животныхъ, также и о людяхъ, для придачи выраженію грубаго оттѣнка. (*Ѳ. Буслаевъ*).

41. Разборы синонимовъ.

Старый, *давній*, *старинный*, *ветхій*, *древній.*

Старо то, что давно было ново; *стариннымъ* называется то, что ведется издавна. *Давне* то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи *ветхимъ* называется то, что отъ старости истлѣло, обвалилось. *Древне* то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ.

Старый человѣкъ обыкновенно любитъ вспоминать *давнія* происшествія и разсказывать о *старинныхъ* обычаяхъ, а если онъ скупъ, то въ сундукахъ его найдешь много *ветхаго*. Сихъ примѣровъ столько нынѣ, сколько бывало и въ *древнія* времена.

Основать, *учредить*, *установить.*

Основать значитъ положить чему-нибудъ прочное начало; *учредить* значитъ привести вещи въ такой порядокъ, чтобъ каждая была на своей чредѣ; *установить* есть не что иное, какъ опредѣлить уставы или правила, по коимъ въ дѣлѣ слѣдовать.

Въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный судъ.

Всегда, *непрестанно.*

Всегда значитъ: во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ: безъ остановки, безъ прерыванія. Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Милый, *любезный.*

Милъ—кто любимъ; *любезенъ*—кто любви достоинъ. *Любезный* человѣкъ можетъ быть не *милъ*, *милый не любезенъ.* Впрочемъ слово *любезный* относится къ однимъ людямъ, а *милый* и къ вещамъ неодушевленнымъ. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги; но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не любезны.

(*Фонъ-Визинъ*).

Путь, *дорога.*

Путь означаетъ самое движеніе или переѣздъ въ то мѣсто, въ которое намѣрены мы прибыть: *дорога* показываетъ тропу, которая проложена по землѣ; мы говоримъ *морской путь*, а не *дорога морская*, потому что на морѣ нѣтъ проложенныхъ тропинокъ.

По этой же причинѣ говорятъ: „заблудиться на *пути*, а не на *дорогѣ*", во время проѣзда къ какому-нибудь мѣсту; на *дорогѣ* же заблудиться нельзя: развѣ только можно *сбиться* съ дороги. Говорятъ: *попутный* вѣтеръ, который имѣетъ такое же направленіе, какъ наше путешествіе; *дорожное* платье, *дорожный* экипажъ. Въ переносномъ смыслѣ говорятъ: „въ этомъ человѣкѣ будетъ *путь*", то-есть: онъ достигнетъ цѣли, которую мы предполагаемъ; также *путь* добродѣтели, порока. *Путь* бываетъ удобенъ, когда проѣзжающій можетъ сыскать всѣ потребности; а удобная *дорога* должна быть ровна, широка.

(*Чт. о Слов. Давыдова*).

Темы для разбора синонимовъ.

Положеніе—состояніе. Способность—дарованіе. Счастіе—благополучіе. Признательность—благодарность. Средство—способъ. Свойство—качество. Вѣроятность—достовѣрность.

42. Не все то золото, что блеститъ.

Кто забываетъ эту пословицу, тотъ часто обманывается. Но не мѣшаетъ помнить и другое изреченіе: „*Иное и не блеститъ, а золото*". Въ полѣ хорошо обработанномъ, въ благоустроенномъ мастерствѣ сокрыто много золота — и прилежная рука съумѣетъ отыскать его. Веселое расположеніе духа и спокойная совѣсть также не блестятъ, а стоютъ даже больше золота.

(*Изъ Гебеля*).

43. Почему такъ часто говорятъ о погодѣ?

(*Планъ для сочиненія, по Холевіусу*).

Введеніе. Говорить о такомъ избитомъ предметѣ, какъ погода, считается смѣшнымъ и служитъ признакомъ недостаточнаго развитія. Однако, если сойдутся люди, между собою незнакомые, то имъ всего естественнѣе обратиться къ погодѣ, чтобы завязать разговоръ: ибо нѣтъ предмета, который бы имѣлъ такой общій для всѣхъ интересъ, какъ погода.

Тема. *Причины.*

1. Отъ теплой или холодной, сухой или дождливой погоды, зависитъ успѣхъ посѣва.

2. Купецъ вмѣстѣ съ поселяниномъ разсчитываютъ по погодѣ вѣроятный исходъ жатвы. Ранняя зима, поздняя весна, недостатокъ воды въ рыболовныхъ рѣкахъ, испорченныя дороги, занесенное снѣгомъ шоссе, все это затрудняетъ перевозъ товаровъ, а вслѣдствіе этого товары дорожаютъ.

3. Погода имѣетъ вліяніе и на многіе другіе промыслы. При продолжительной засухѣ и затишьѣ мельникъ ждетъ не дождется, когда зашумятъ крылья его мельницы и безоблачное небо покроется тучками. Преждевременная оттепель угрожаетъ ему наводненіемъ и разрушеніемъ. Продолжительныя бури мѣшаютъ рыболову заняться его промысломъ. Частые проливные дожди отнимаютъ работу у плотника и каменьщика и портятъ матеріалы. Домъ, выстроенный въ сырое лѣто, скоро портится.

4. Состояніе погоды важно для каждой отрасли хозяйства. Цвѣтникъ и огородъ. Мытье и бѣленье. Дрова. Одежда.

5. Удовольствія, въ особенности лѣтомъ, зависятъ отъ погоды. Прогулки, гулянья въ общественныхъ садахъ, пикники. Ясная погода располагаетъ къ веселому настроенію духа; сырой воздухъ и дождливые дни, запирающіе насъ въ комнаты, придаютъ всему самый непривлекательный видъ.

6. Погода пока во многихъ отношеніяхъ загадка для физика. Измѣняется погода, повидимому, безъ всякой причины, потому что самыя причины темны. Каждому изъ насъ приходилось быть свидѣтелемъ странныхъ явленій, которыя мы охотно сообщаемъ другъ другу и стараемся уяснить себѣ.

Заключеніе. Не спѣши осмѣивать привычекъ, но и не поддавайся ихъ вліянію.

44. Не слишкомъ полагайся на исполненіе твоихъ ожиданій.

(Планъ для полной, правильной хріи, по Холевіусу).

1. Приступъ. (Dictum, cum laude auctoris. *Предложеніе, съ похвалою писателю*). У Овидія, въ одномъ письмѣ своемъ къ Парису, Елена говоритъ ему: „Твоя жатва еще не поспѣла“ (Adhuc tua messis in herba est). Овидій былъ знатокъ человѣческаго сердца. (Въ примѣръ можно привести его изображеніе душевной борьбы Медеи, когда ей приходится жертвовать или отцомъ, или Язономъ). Онъ зналъ по собственному опыту, какъ легко человѣкъ предается надеждамъ и какъ горько бываетъ

разочарованіе. Поэтому въ его устахъ этотъ совѣтъ имѣетъ особенный вѣсъ.

2. Изъясненіе. (Expositio). Смыслъ изреченія: не слишкомъ полагайся на исполненіе твоихъ ожиданій.

3. Причины. (Causae, aetiologia).

а., Разочарованіе очень тяжело.

б., Излишняя надежда на исполненіе нашихъ ожиданій безразсудна. Счастіе не подчиняется нашимъ желаніямъ.

в., Увлекаясь воздушными замками, человѣкъ теряетъ изъ виду дѣйствительныя выгоды, которыя могутъ ему представиться. Лучше самому побольше заботиться объ улучшеніи своего состоянія, чѣмъ ждать его отъ случая.

4. Распространеніе отъ противнаго (Amplificatio a contrario). Человѣкъ, умѣряющій свои надежды, бываетъ болѣе равнодушенъ, когда онѣ не осуществляются. А неожиданное благополучіе доставляетъ ему двойное удовольствіе.

5. Подобіе. (Simile). Слова, приведенныя въ приступѣ, напоминаютъ, какъ иногда богатая нива, отъ которой поселянинъ ждалъ обильной жатвы, уничтожается дождями и градомъ. Такъ бываетъ и съ нашими надеждами.

6. Примѣръ. (Exempla). Надежды Крестоносцевъ на завоеваніе Палестины; надежды враговъ Фридриха Великаго на раздробленіе Пруссіи. Надежды французовъ въ послѣдней войнѣ ихъ съ Пруссіей.

7. Свидѣтельство. (Testimonia). Пословицы: (*русскія*) на Бога надѣйся, а самъ не плошай, и т. п.; (*нѣмецкія*) не продавай шкуру медвѣдя, когда еще самъ медвѣдь не пойманъ; и т. п.

Изъ писателей. Напр.,

Ich will nicht eher meine Sterne loben,
Bis ich das Ende dieser Thaten sah. (*Шиллеръ*).

8. Заключеніе. (Conclusio). Благоразумный человѣкъ не позволитъ себѣ быть игрушкой надеждъ и опасеній. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, а остальное предоставляетъ Провидѣнію.

45. Золото гибельнѣе желѣза.

(*Планъ для полной, правильной хріи, по Холевіусу*).

Приступъ. Въ „Превращеніяхъ" Овидія встрѣчаются не только прекрасные разсказы, но и очень мудрыя изреченія. Таково изреченье: ferro nocentius aurum (*золото гибельнѣе желѣза*).

Изложеніе. Золото больше губитъ людей, нежели желѣзо.

Причины. 1. Желѣзо только кажется опаснѣе. Изъ него приготовляется оружіе. Убійство; война. Но оружіе не болѣе какъ орудіе; и если оно употребляется во зло, виновато не желѣзо.

2. Напротивъ, золото само побуждаетъ людей къ худымъ дѣламъ.

а., Оно ведетъ къ праздности и роскоши, разслабляющимъ душу и тѣло.

б., Подаетъ поводъ къ обманамъ и насиліямъ. Возбуждаетъ вражду и ссоры даже между родными.

Противное. Если сравнивать пользу, ими приносимую, то и въ этомъ отношеніи преимущество надобно отдать желѣзу. Изъ него приготовляется необходимая посуда, молотки, клещи, пилы, плуги и проч.; золото служитъ только для украшенія.

Подобіе. Предметы природы, красивые и въ то же время вредные (ядовитыя растенія; хищные звѣри).

Примѣры. Одинъ поселянинъ жилъ очень счастливо, пока добывалъ себѣ хлѣбъ своимъ плугомъ: но все это счастіе разрушилось, когда онъ нашелъ кладъ. — Гибель Язона. — Римъ, котораго нельзя было одолѣть оружіемъ, погибъ отъ роскоши.— Богатства новаго міра отняли у Испаніи нравственное могущество и политическое значеніе.

Свидѣтельства. „Златой цѣпи не надо мнѣ", и проч. („Пѣвецъ" Гёте).

Заключеніе. Не будемъ же, подобно Мидасу, желать, чтобы у насъ все подъ руками превращалось въ золото, а лучше, вмѣстѣ съ Ювеналомъ, пожелаемъ, чтобы у насъ былъ „здравый духъ въ здравомъ тѣлѣ".

Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano.

46. Какими выгодами и удобствами пользуются береговые жители отъ близости моря?

(*Планъ для сочиненія, по Холевіусу*).

Введеніе. Земля повсюду разсыпаетъ щедрые дары, соотвѣтственные каждой части ея разнообразной поверхности. Жителямъ странъ, далекихъ отъ моря, она дала плодоносные луга, горы съ ихъ сокровищами: лѣсами, минераллами и т. п.

Тема. *Но и прибрежныя страны представляютъ своимъ обитателямъ много удобствъ и выгодъ.*

1. *Почва и температура.* Часто берегъ образуетъ плодоносную низменность съ пашнями, пастбищами, торфяными болотами.

Устья рѣкъ обыкновенно при впаденіи въ море такъ глубоки, что большіе корабли свободно плаваютъ по нимъ. Нѣкоторыя рѣки, напр. Висла, Нилъ, раздѣляются на нѣсколько рукавовъ, образуя такимъ образомъ благословенную дельту. Свѣжіе морскіе вѣтры и частые дожди смягчаютъ какъ жаръ, такъ и холодъ. Въ Англіи зима не холоднѣе, чѣмъ въ Ломбардіи, а лѣто такъ же прохладно, какъ и въ Швеціи. Вѣчно зеленая Ирландія.

2. *Продукты.* Почти повсюду рыбная ловля, скотоводство, земледѣліе, добываніе торфа, вознаграждаемыя съ избыткомъ. Рогатый скотъ преимущественно въ Голландіи и Ольденбургѣ, лошади въ Даніи, Ганноверѣ, Мекленбургѣ, хлѣбъ въ Бельгіи, гдѣ въ одно лѣто жнутъ два раза, торфъ въ Даніи, Голландіи, Бельгіи, каменный уголь въ Англіи. Скалистые берега привлекаютъ безчисленное множество морскихъ птицъ: драгоцѣнный гагачій пухъ добывается въ Исландіи, Норвегіи, на Ферейскихъ и Оркадскихъ островахъ. Пруссія еще въ древности славилась янтаремъ.

3. *Мореплаваніе и торговля.* Береговые жители природные моряки и лучшіе лоцманы. Замѣчательная школа для лоцмановъ на островѣ Гельголандѣ. Перевозъ товаровъ на корабляхъ обходится дешевле, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ. Приморскіе торговые города ведутъ непосредственную заграничную торговлю и служатъ складочнымъ мѣстомъ для внутреннихъ произведеній и привозныхъ. Торговля своими собственными промышленными издѣліями и продуктами никогда не можетъ приносить столько дохода, какъ международная и коммиссіонная торговля.

4. *Морское купанье.* Сколько хлопотъ и издержекъ стоитъ поѣздка на воды, въ особенности если отправляются цѣлымъ семействомъ на нѣсколько мѣсяцевъ. На это уходятъ сбереженія, быть можетъ, нѣсколькихъ лѣтъ; прибрежные жители пользуются всю жизнь освѣжающимъ морскимъ купаньемъ, тратя очень мало времени и денегъ. Многія селенія, благодаря аккуратному посѣщенію лѣтнихъ гостей, получаютъ значительные доходы.

5. *Величественный видъ моря и берега.* Всѣ поэты воспѣваютъ чудную красоту моря, представляетъ ли оно блестящую зеркальную поверхность до конца горизонта, или же грозныя волны съ дикимъ ревомъ нарушаютъ его спокойствіе.

Заключеніе. Здѣсь изложены одни внѣшнія преимущества; но не менѣе важно вліяніе моря въ духовномъ отношеніи. Финикіяне, Греки, Нидерландцы, Англичане.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

Отдѣлъ второй.

Отдѣлъ третій.

---

1) Россія перед-
Могил. битв

2) Осмов Петер

3) Юг и Сѣвер

4) Кіевъ ————

5 Эдипом. Мол